ПИСЬМА

ВЛАДИМІРА СЕРГѢЕВИЧА

СОЛОВЬЕВА.

Томъ II.

Подъ редакціей **Э. Л. Радлова.**

Чистый доходъ предназначается на стипендію имени Вл. С. Соловьева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Большая Подъяческая, д. 39.
1909.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый томъ писемъ Вл. С. Соловьева былъ встрѣченъ чрезвычайно благосклонно печатью, а также и публикою; это даетъ надежду, что и второй томъ обратитъ на себя вниманіе. И этотъ томъ содержитъ, по преимуществу, письма біографическаго характера: только письма къ А. А. Кирѣеву, Ф. Б. Гецу и два-три письма къ князю Д. Н. Цертелеву и А. А. Луговому представляютъ общій теоретическій интересъ; въ нихъ содержится интересный отзывъ о философіи Шопенгауера и замѣчанія о спиритизмѣ; особеннаго вниманія заслуживаютъ письма, содержащія воззрѣнія Соловьева на католическій и еврейскій вопросы. Можно, конечно, придерживаться относительно этихъ вопросовъ взглядовъ, несогласныхъ со взглядами нашего философа, но всегда полезно выслушать его голосъ. Въ рѣшеніяхъ, которыя предлагаетъ Вл. С. Соловьевъ, чувствуется душевная чистота и философская прямота, которая такъ свойственна его совѣсти.

По поводу перваго тома мнѣ пришлось выслушать два критическихъ замѣчанія. Нѣкоторымъ лицамъ казалось, во-первыхъ, излишнимъ печатаніе малозначительныхъ по содержанію записокъ покойнаго философа, напримѣръ, извѣщеній о томъ, что онъ пріѣдетъ тогда-то къ такому-то лицу, и т. п. Во-вторыхъ, нѣкоторымъ друзьямъ покойнаго печатаніе интимныхъ писемъ казалось своего рода профанаціей дружбы, тѣмъ болѣе, что въ

письмахъ философа встрѣчаются рѣзкіе отзывы о разныхъ лицахъ.—Я не могу согласиться ни съ первымъ, ни со вторымъ замѣчаніями. Вл. С. Соловьевъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу классическихъ русскихъ писателей, и поэтому всякая строчка, имъ написанная, имѣетъ извѣстную цѣнность. Сверхъ того не всегда легко опредѣлить заранѣе, не можетъ ли даже самая маловажная записочка имѣть нѣкоторое біографическое значеніе. Что касается второго замѣчанія, то лучшимъ отвѣтомъ на него служитъ помѣщеніе во второмъ томѣ писемъ Вл. С. Соловьева къ его матери и отцу. Скончавшаяся въ іюнѣ настоящаго года мать философа, Поликсена Владиміровна, не сочла профанаціей опубликованіе писемъ, которыя посылалъ ей ея знаменитый сынъ, и любезно предоставила намъ эти интересныя письма. Можно, конечно, представить себѣ и еще болѣе интимныя письма, чѣмъ тѣ, въ которыхъ сынъ бесѣдовалъ съ матерью, но и въ нихъ, мы увѣрены, не можетъ содержаться ничего такого, что заставило бы краснѣть читателя. Душевная чистота Вл. С. Соловьева выше всякихъ сомнѣній, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ рискуетъ проявить неделикатность и даже пошлость, нравственное вдохновеніе Соловьева всегда обнаруживается съ особеннымъ блескомъ. Одно изъ писемъ къ князю Д. Н. Цертелеву (№ 41, стр. 267—268) устанавливаетъ взглядъ философа на опубликованіе переписки видныхъ писателей, и мы не находимъ въ немъ осужденія предпринятаго нами изданія.—Въ письмахъ Вл. С. Соловьева, дѣйствительно, встрѣчаются иногда рискованные отзывы о лицахъ, пользующихся уваженіемъ, но въ этихъ отзывахъ не слѣдуетъ искать враждебнаго отношенія или желанія осудить кого-либо; обыкновенно—это остроумныя шутки, игра ума—и не болѣе.

Всѣ письма, помѣщенныя во второмъ томѣ, впервые появляются въ печати, за исключеніемъ нѣкоторыхъ писемъ къ графинѣ С. А. Толстой (рожденной Бахметевой),

князю Д. Н. Цертелеву и двухъ писемъ къ Н. Ѳ. Ѳедорову. Часть писемъ къ графинѣ С. А. Толстой и князю Цертелеву были уже напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“, и мы, чтобы не нарушать полноты серіи, перепечатали ихъ, оговоривъ перепечатку въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ въ примѣчаніяхъ. Два письма къ Н. Ѳ. Ѳедорову были напечатаны въ книгѣ В. А. Кожевникова о Н. Ѳ. Ѳедоровѣ, но такъ какъ самая книга вышла на правахъ рукописи, не для продажи, то это вполнѣ оправдываетъ, какъ намъ кажется, помѣщеніе во второмъ томѣ и этихъ интересныхъ писемъ, на которыя любезно обратилъ наше вниманіе В. А. Кожевниковъ.

Цѣль изданія второго тома остается тою-же, что̀ и перваго. Денежный отчетъ о типографскихъ расходахъ и о вырученной за проданные экземпляры суммы будетъ своевременно нами опубликованъ.

Всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ въ той или иной формѣ настоящему изданію, мы приносимъ искреннѣйшую благодарность. Главная заслуга этого изданія принадлежитъ, безъ сомнѣнія, тѣмъ лицамъ, которыя благосклонно предоставили письма, находящіяся въ ихъ владѣніи, въ распоряженіе издателя. Мы встрѣтили также живѣйшее содѣйствіе со стороны профессоровъ И. А. Шляпкина и С. А. Жебелева, а также со стороны князя П. В. Чегодаева князя Татарскаго.

Третій и послѣдній томъ мы постараемся издать, если обстоятельства дозволятъ, въ слѣдующемъ году: въ него войдутъ нѣкоторыя письма, которыя мы надѣемся еще получить, такъ какъ нѣкоторыя лица не могли еще доставить намъ принадлежащіе имъ матеріалы по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ. Можетъ-быть, найдутся и такія письма, на которыя мы первоначально вовсе не разсчитывали. Напримѣръ, въ книгѣ Владиміра Загорскаго: „François Raćki et la renaissance scientifique et politique de la Croatie“. Paris 1909, мы читаемъ: „Raćki était en correspondance régulière avec Vladimir Solovieff, l'illustre philosophe russe, dont il partageait quelques-unes

des opinions essentielles et dont il connaissait les qualités de coeur et d'esprit. Malheuresement il a défendu de publier avant 1912 les lettres qu'il avait échangées avec le célèbre défenseur de l'union des Eglises orientale et occidentale" (стр. 128). Имѣются-ли дѣйствительно еще письма Вл. С. Соловьева къ Рачкому, кромѣ тѣхъ, которыя опубликованы нами въ I-омъ томѣ, мы не знаемъ; это, конечно, возможно; къ сожалѣнію, точность сообщенія г-на Загорскаго подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, ибо на стр. 189-ой онъ, повидимому, смѣшиваетъ философа съ его знаменитымъ отцомъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ: „Il (т. е. Рачкій) parle avec émotion de Serge Michailovic Solovjev, le philosophe profond et exquis, qui avait poursuivi l'union des Eglises orthodoxe et catholique.

Въ третьемъ томѣ нами будутъ перепечатаны всѣ уже опубликованныя въ разныхъ изданіяхъ письма, въ томъ числѣ интересныя письма къ В. В. Розанову, а также нѣкоторыя статьи, вовсе не опубликованныя еще или же не вошедшія въ собраніе сочиненій философа.

Э. Радловъ.

Августъ 1909.

Письма къ матери и отцу.

1.

19 іюня [1873 г.]

Не писалъ Вамъ изъ Вязьмы, дорогая мама, потому что Вы уложили письменныя принадлежности въ чемоданъ, а разбираться мнѣ было некогда.

Совершенно благополучно и очень пріятно пропутешествовалъ отъ Вязьмы до деревни Карѣева (12 часовъ). Смоленская губернія оказалась гораздо лучше, чѣмъ я предполагалъ: большіе густые лѣса съ живописными полянами, ручьями и рѣками, которые я переѣзжалъ въ бродъ, и т. п. Мѣстность, гдѣ живу теперь, тоже не дурна; въ верстѣ—Днѣпръ. Я, несмотря на скверную погоду, чувствую себя довольно хорошо, чего и Вамъ желаю. Больше писать вѣрно не буду, такъ какъ городъ отсюда далекъ, и ѣздятъ въ него не часто. Въ Москвѣ буду въ первыхъ числахъ іюля.

Цѣлуйте отъ меня папа и всѣхъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

Адресъ: Смоленской губ. городъ Сычевка, Николаю Ивановичу Карѣеву.

2.

25 сент. 1874 г.

Въ лѣто отъ сотворенія міра 7382-е, отъ воплощенія же Бога Слова 1874-е, въ 25-ый день сего сентембрія, въ половинѣ 11-го часа по полуночи, благополучно и торжественно прибыли мы въ царствующій градъ Санктъ-Петербургъ, освѣщенный яркимъ сѣвернымъ сіяніемъ солнца, въ чемъ нельзя не видѣть особеннаго дѣйствія промысла Божія. При въѣздѣ въ городъ были мы встрѣчены многочисленными толпами народа, послѣ чего мы, а равно и сопровождавшая насъ изъ Москвы свита, въ числѣ коей находилось болѣе четырехъ красныхъ штановъ, не считая женъ и дѣтей, отправились въ заранѣе приготовленныхъ экипажахъ къ центру города. Снисходя къ прошенію, представленному намъ депутаціей отъ гостинницы „Англія“, мы остановились предварительно въ семъ заведеніи, занявъ въ ономъ подобающее намъ наивысочайшее мѣсто, а именно въ первомъ этажѣ считая отъ луны. Впрочемъ, сіе мѣстопребываніе наше не есть окончательное, какъ будетъ изъяснено ниже. Населеніе С.-Петербурга, въ особенности монументы и прочія зданія—найдены нами въ состояніи весьма удовлетворительномъ. Всякаго одобренія и похвалы заслуживаютъ также усмотрѣнныя нами между Вишерою и Петербургомъ деревья по причинѣ чрезвычайной доброцвѣтности ихъ листьевъ, а именно: желтыхъ, красныхъ и зеленыхъ.

[27 сент.]

Порученія Ваши исполнилъ. Сегодня вечеромъ переѣзжаю на Вознесенскій проспектъ. Всеволода нашелъ въ довольно хорошемъ состояніи, а равно и жену его, которую весьма одобряю.

Будьте здоровы. Цѣлую всѣхъ.

Вашъ Владиміръ.

3.

Лондонъ, 30 іюня (12 іюля) 1875 г.

Дорогая мама!

Не могъ написать Вамъ изъ Берлина, потому что не остановился въ немъ. Прямо изъ Варшавы до Лондона доѣхалъ въ двое сутокъ. Изъ Остенде въ Дувръ моремъ—7 часовъ. Была буря, и меня рвало непрерывно. Въ Лондонъ прибылъ вчера безъ потерь, если не считать двухъ неважныхъ книжечекъ, оставленныхъ въ вагонѣ, и бутыли одеколона, отнятой въ таможнѣ.

Сразу попалъ въ маленькій дешевый отель съ порядочнымъ табльдотомъ, такъ что могу не торопиться искать квартиры. Хозяева—французы, веселые и любезные. Здѣсь останавливалось много русскихъ, между прочимъ проф. Бабухинъ, и есть коммиссіонеръ, знающій хорошо по-русски.

Пока еще нигдѣ не былъ. Въ настоящую минуту жду коммиссіонера, чтобы отправиться съ нимъ по Лондону, а то одинъ заблудишься.

Будьте здоровы.

Поздравляю папа съ имянинами, Васъ съ рожденіемъ, и всѣхъ цѣлую.

Вашъ Владиміръ.

4.

Лондонъ. 1/13 іюля 1875.

Во вчерашнемъ письмѣ, дорогая мама, забылъ написать свой адресъ и хорошо сдѣлалъ, ибо его мѣняю. Нанялъ квартиру у того же хозяина отеля, только въ другомъ домѣ, въ самой серединѣ Лондона, противъ Британскаго музея; очень удобное помѣщеніе и необыкновенно дешево: съ чаемъ и кофеемъ—3 фунта въ мѣсяцъ (около 20 рублей). Вчера записался въ Британскомъ музеѣ и осмотрѣлъ почти весь Лондонъ, цѣлый день провелъ на улицѣ. Сегодня къ величайшему своему удивленію получилъ обратно изъ Дуврской таможни (верстъ сто отъ Лондона) свою бутылку одеколона, и ничего съ меня не взяли. Лондонъ мнѣ очень нравится, и, вѣроятно, я весь годъ проживу здѣсь. Такъ какъ послѣднія три зимы были здѣсь очень холодны, то можно ожидать, что теперь будетъ теплая. Пока еще ни у кого не былъ, жду, когда буду свободнѣе говорить по-англійски, упражняюсь съ уличными мальчишками и чистильщиками сапогъ (это особенное учрежденіе на перекресткахъ улицъ, такъ какъ домашняя прислуга до чистки сапогъ не снисходитъ). Единственная пока непріятность въ Лондонѣ—это необходимость таскать повсюду на своей головѣ огромной величины цилиндръ, такъ какъ ходить здѣсь по улицамъ безъ цилиндра почти все равно что безъ штановъ, но безъ перчатокъ, слава Богу, можно обойтись. Но—чтобъ опять не забыть адресъ:

Англія, Лондонъ.

London, 39, Great Russel Street, W. (opposite the British Museum).

To Mr. W. Solovieff.

Еще разъ поздравляю Васъ, папа и Олю и цѣлую всѣхъ родныхъ.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

5.

17/29 іюля 1875.

Дорогая мама, получилъ, наконецъ, Ваше письмо; не знаю, почему такъ запоздало. Я уже думалъ, что съ Вами что нибудь случилось особенное.

Я устроился довольно хорошо въ Лондонѣ. Бо̀льшую часть времени провожу въ библіотекѣ. Разъ былъ за городомъ и нѣсколько разъ въ здѣшнихъ паркахъ. Паркомъ здѣсь называется огромное поле среди города, гораздо больше Дѣвичьяго (и такихъ здѣсь нѣсколько); по полю разбросаны группы деревьевъ и цвѣтники. Эти парки составляютъ одну изъ причинъ, почему Лондонъ отличается чистымъ воздухомъ и есть самый здоровый городъ въ мірѣ. Кромѣ того, здѣсь нѣтъ совсѣмъ пыли, и вотъ ужъ скоро 3 недѣли какъ не было ни одного жаркаго дня. Поэтому я не чувствую особенной потребности въ загородной жизни, которая къ тому же была бы не осуществима, такъ какъ въ Англіи ни нашихъ деревень, ни нашихъ дачъ не полагается. Возможны только загородныя прогулки, которыя я изрѣдка и намѣренъ предпринимать. Я видаюсь почти каждый день съ нашимъ доцентомъ И. И. Янжуломъ. Онъ и его жена мнѣ очень полезны, особенно въ практическомъ отношеніи. У него познакомился съ харьковскимъ молодымъ ученымъ М. М. Ковалевскимъ, отличнымъ толстякомъ. Познакомился также съ Рольстономъ—англичаниномъ, изучающимъ Россію, и съ нѣкоторыми другими англичанами. Сегодня былъ у Капустина, но не засталъ. Въ концѣ августа жду Аксакова и Новикову. Библіотека Британскаго музея есть нѣчто идеальное во всѣхъ отношеніяхъ, и мнѣ тамъ очень много дѣла. Закрывается она только на одну недѣлю въ сентябрѣ (также въ январѣ и маѣ). Поэтому я думаю все время пробыть въ Лондонѣ и

только на обратномъ пути заѣхать въ Парижъ и Швейцарію. Какой-то дуракъ корреспондировалъ въ „Московскія Вѣдомости“, что въ Лондонѣ свирѣпствуютъ болѣзни. Какъ я сказалъ, Лондонъ самый здоровый городъ—и никакихъ болѣзней въ немъ нѣтъ, за исключеніемъ, разумѣется, французской чумы,—но это, по извѣстной Вамъ причинѣ, до меня не касается. И такъ, не думайте о моемъ здоровьѣ. Цѣлую крѣпко Васъ, папа и всѣхъ. Поздравляю Машу. Не считайтесь со мною письмами.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

Я въ первомъ письмѣ пропустилъ одну букву (С) въ своемъ адресѣ. Вотъ какъ слѣдуетъ писать:

39. Great Russel Street. W. C. (opposite the British Museum). To Mr. Solovieff. London.

6.

Лондонъ. $\frac{\text{31 іюля}}{\text{(12 авг.)}}$ 1875 г.

Дорогая мама!

Повидимому, Вы получаете не всѣ мои письма. Если не получите и этого, то буду посылать страховыя. Если же вы получаете и не отвѣчаете, то я перестану писать совсѣмъ.

Вѣроятно, скоро будетъ въ Москвѣ Капустинъ, съ которымъ я видѣлся передъ его отъѣздомъ отсюда. Изъ англичанъ я познакомился пока съ однимъ только Рольстономъ, который на-дняхъ уѣхалъ тоже въ Россію.

Я чувствую себя порядочно. Лондономъ доволенъ. Часто видаюсь съ Янжуломъ и Ковалевскимъ, бо̀льшую же часть времени провожу одинъ.

Будьте такъ добры, передайте нѣмецкому книгопродавцу *Кунту* (на Кузнецкомъ мосту) *семь* экземпляровъ моей диссертаціи (которую найдете у папа въ кабинетѣ) и столько же оттисковъ статьи изъ послѣдней книжки „Русскаго Вѣстника"—ихъ вамъ должны прислать изъ редакціи,—если же не прислали, то прошу папа вытребовать, потому что эта статья мнѣ очень нужна, а рукописи у меня нѣтъ. Кунту я объ этомъ пишу; если же случилось бы, что онъ не получитъ моего письма, то объясните ему, въ чемъ дѣло, и дайте мой адресъ. Кстати: Вы и на второмъ письмѣ пишете W. вмѣсто W. C.; это все равно, что написать Прѣсню вмѣсто Хамовниковъ; поэтому не смущайте почтальоновъ и пишите такъ: Англія, Лондонъ. London. 39, Great Russel Street. W. C. (opposite the British Museum).

Будьте здоровы. Цѣлую крѣпко Васъ, папа и всѣхъ. Если не ошибаюсь, въ этомъ мѣсяцѣ рожденіе Оли. Поздравляю ее и надѣюсь, что она ведетъ себя хорошо.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

7.

[1875.]

Дорогой папа!

Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю Васъ о преждевременной кончинѣ моихъ капиталовъ. Я взялъ у Васъ жалованье до января. Пришлите, если можно, за январь—апрѣль, и затѣмъ я уже до срока, т. е. до мая, брать ничего не буду, такъ какъ получу изъ министерства. Пришлите лучше не ассигнаціями, а векселями какой нибудь банкирской конторы и по возможности скорѣе, такъ какъ у меня осталось всего 2 фунта.

На-дняхъ пріѣхали сюда Аксаковъ съ Бутлеровымъ и Юмомъ забирать медіумовъ для коммиссіи Физическаго Общества. Вѣроятно, они съ этимъ дѣломъ провалятся, такъ какъ профессіональные медіумы всѣ мошенники, а настоящіе не поѣдутъ. Юмъ показался мнѣ порядочнымъ человѣкомъ, но онъ совершенно боленъ и ничего не производитъ.

Будьте здоровы, цѣлую Васъ крѣпко.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

8.

Лондонъ. 14/26 авг. 1875 г.

Дорогая мама!

Я получаю всѣ ваши письма, но только они запаздываютъ, такъ что наши письма расходятся.

Оттиски получилъ, очень Вамъ благодаренъ за нихъ. Пожалуйста, когда будете въ городѣ, завезите Кунту 7 экземпляровъ диссертаціи. Вы ихъ найдете у папа въ кабинетѣ. Если же Кунтъ затруднился бы ихъ мнѣ переслать, то, пожалуйста, пришлите сами. Если можно подъ бандеролью; это недорого будетъ стоить. Письмо Анатолія Николаевича [1]) я, дѣйствительно, нашелъ и имъ воспользовался, рекомендательное же письмо къ знакомому А. Н. лежитъ у меня безъ употребленія, какъ и бо̀льшая часть другихъ рекомендательныхъ писемъ: лѣнь знакомиться.

Я совершенно здоровъ и живу по-прежнему очень однообразно. Обѣдаю въ разныхъ тавернахъ—англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ. Пью портеръ и пиво. Недавно къ большому своему удовольствію нашелъ напитокъ, похожій на квасъ, именно cidre, приготовляемый изъ кислыхъ яблокъ.

Что вы пишете такимъ грустнымъ тономъ? Нѣтъ-ли у Васъ какихъ нибудь особенныхъ непріятностей? Совсѣмъ-ли здоровъ папа? Пишите чаще. Цѣлую крѣпко папа и всѣхъ.

Если для васъ время идетъ такъ же быстро, какъ для меня, то мы очень скоро увидимся. Будьте здоровы, цѣлую Васъ крѣпко.

Вашъ Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) Анатолій Николаевичъ Давыдовъ—троюродный дядя Вл. С. Соловьева проживавшій обыкновенно за-границей. *Прим. ред.*

9.

Лондонъ. 27 августа (9 сентября) 1875.

Дорогая мама!

Это письмо привезетъ Вамъ Иванъ Ивановичъ Янжулъ, котораго, надѣюсь, папа пригласитъ къ намъ. Онъ и его жена были очень добры ко мнѣ въ Лондонѣ. Я хотѣлъ написать Вамъ болѣе длинное письмо, но меня задержали, и потому пусть лучше онъ Вамъ разскажетъ обо мнѣ; хотя собственно разсказывать много не о чемъ. Онъ также передастъ Вамъ письмо для Лопатиныхъ.

Будьте здоровы. Цѣлую крѣпко папа и васъ всѣхъ. Начинаю скучать по Москвѣ.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

10.

London. 8/20 сентября 1875.

Разумѣется, дорогой папа, я не могу принять предложеніе Мещерскаго; нѣтъ ни времени, ни охоты.

Такъ какъ онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду, между прочимъ, оказать мнѣ одолженіе, то Вы его отъ меня поблагодарите и скажите, что я никакъ не рѣшаюсь взяться за это дѣло, такъ какъ, чтобы его добросовѣстно исполнить, нужно болѣе практическаго толку, чѣмъ сколько его у меня; а затѣмъ—что *содержимое* музея такъ богато, что основательное пользованіе имъ не оставляетъ времени ни для какихъ другихъ занятій.—Я теперь остался совсѣмъ почти одинъ въ Лондонѣ. Прежніе компатріоты уѣхали, а новые еще не пріѣзжали; единственный, съ которымъ изрѣдка видаюсь—дьячекъ здѣшней русской церкви Орловъ. Изъ англичанъ познакомился со знаменитымъ зоологомъ Wallace'омъ, что̀ доставляетъ мнѣ удовольствіе бывать иногда въ настоящей деревнѣ,—онъ живетъ верстахъ въ 40 отъ Лондона.

Въ октябрѣ думаю съѣздить въ Нью-Кэстль, а въ январѣ въ Бристоль.

Heimweh чувствую довольно сильно и постараюсь къ іюлю вернуться въ Россію,—если только успѣю покончить съ тѣмъ трудомъ, которымъ я теперь занятъ и который я долженъ издать по-англійски, для чего уже имѣю подходящаго переводчика.

Будьте здоровы, цѣлую Васъ крѣпко.

Цѣлую мама, благодарю за присылку диссертаціи.

Вѣру
Надю } цѣлую и поздравляю.
Любу

Всѣхъ прочихъ цѣлую, но не поздравляю.

Если вторая Поликсена Владиміровна еще у Васъ, привѣтствуйте ее отъ меня; сожалѣю, что не пришлось увидѣться.

11.

Лондонъ. 12 октября 1875.

Дорогая мама!

Получилъ деньги въ самую пору, ибо наканунѣ я отдалъ послѣдній пятиалтынный. Хозяева мои теперь переѣхали въ тотъ домъ, гдѣ я живу, такъ что Вы можете быть совершенно спокойны. Послѣдній оставшійся здѣсь русскій знакомый, Орловъ, уѣзжаетъ совсѣмъ въ Россію.

Начинаетъ быть холодно, и я запасаюсь теплой одеждой. Въ Нью-Кэстль и Бристоль я хочу съѣздить безо всякой особенной цѣли.

Спросите, пожалуйста, у папа или Нила Александровича, какъ зовутъ университетскаго казначея Кудрявцева, отъ котораго я получилъ письмо, требующее отвѣта.

Когда увидите Леву Лопатина, спросите у него, не знаетъ-ли онъ, гдѣ теперь находится Александръ Соколовъ, и если знаетъ, чтобы написалъ мнѣ.

Будьте здоровы, цѣлую всѣхъ.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

Чай я пью—когда желаю, а какъ, сія не суть важно.

12.

Лондонъ. 14/26 октября 1875.

Дорогая мама!

Шубу присылать было бы совершенно безполезно, такъ какъ здѣсь въ домахъ холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Зима еще не начиналась, но я уже успѣлъ основательно простудиться. Къ счастью, мои занятія требуютъ отправиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Египетъ, куда я и уѣзжаю послѣ-завтра. Поѣду черезъ Италію и Грецію. Съ дороги напишу Вамъ. Я не получалъ ни однаго письма отъ Лопатиныхъ; что съ ними сдѣлалось? Правда-ли, что умерли Алексѣй Толстой и Достоевскій?

Будьте здоровы. Цѣлую папа и всѣхъ.

Вл. Соловьевъ.

13.

[1875.]

Дорогая мама!

Я наконецъ покинулъ „берегъ туманный Альбіона"—не безъ сожалѣнія, по причинѣ своего новаго пріятеля Ковалевскаго, который не задолго до моего отъѣзда вернулся въ Лондонъ и съ которымъ я очень сошелся. При двухчасовомъ переѣздѣ изъ Дувра въ Кале, несмотря на сильную качку, я не чувствовалъ ни малѣйшихъ признаковъ морской болѣзни, что̀ весьма утѣшительно, такъ какъ мнѣ придется трое сутокъ быть на морѣ. Послѣ-завтра буду въ Италіи, а черезъ недѣлю въ Каирѣ, гдѣ будетъ моя резиденція. Парижъ привелъ меня въ отличное расположеніе духа; чувствую себя совершенно здоровымъ, въ Лондонѣ же начиналъ заболѣвать. Остановился я въ очень хорошенькомъ номерѣ на 5-омъ этажѣ Rue de la Paix, Place de l'Opéra, близко отъ всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстъ въ Парижѣ.

Сегодня получилъ отъ Ковалевскаго изъ Лондона Ваше письмо (въ конвертѣ, нераспечатанное). Вы его, вѣроятно, послали до полученія извѣстія о моемъ путешествіи въ Египетъ.

Что Вы ничего не пишете о папа, въ Москвѣ онъ или въ Петербургѣ.

Будьте здоровы. Цѣлую всѣхъ крѣпко.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

14.

Парма. 6 ноября 1875.

Дорогая мама!

Чѣмъ далѣе подвигаюсь на югъ, тѣмъ чувствую себя здоровѣе. Проѣхалъ Францію и сѣверную Италію, не останавливаясь. Въ здѣшнемъ городишкѣ долженъ провести нѣсколько часовъ вслѣдствіе безпорядковъ на желѣзной дорогѣ. Если не опоздаю къ пароходу въ Бриндизи, то черезъ 4 дня буду въ Египтѣ. Благодаря купленному въ Парижѣ носощипу, могъ видѣть всѣ мѣста, черезъ которыя проѣзжалъ; видѣлъ Альпы, видѣлъ Ломбардію, впрочемъ до сихъ поръ ничего поразительнаго не нашелъ. Русская деревня нравится мнѣ больше итальянской. Хорошо здѣсь только, что еще тепло и зелено, какъ у насъ въ августѣ—подъ Миланомъ видѣлъ сѣнокосъ, а въ Шамбери—георгины и астры въ полномъ цвѣту. Объѣдаюсь каштанами. Отъ Шамбери до Турина ѣхали со мной въ одномъ поѣздѣ 250 черныхъ рясъ изъ Вандеи въ Римъ съ двугривеннымъ папѣ на водку—славный народъ и нисколько не похожи на іезуитовъ.

Въ Египетъ имѣю письмо къ тамошнему министру внутреннихъ дѣлъ, къ директору театровъ и къ русскому консулу Лексу, т. е. къ женѣ его.

Прежде Египта напишу Вамъ, вѣроятно, изъ Аѳинъ, гдѣ пароходъ останавливается на нѣкоторое время.

Будьте здоровы. Цѣлую крѣпко папа, Васъ и всѣхъ.

Вл. Соловьевъ.

15.

Каиръ. 12 ноября 1875 г.

Дорогая мама!

Проѣхавъ, не останавливаясь, Францію и Италію, я сѣлъ въ Бриндизи на англійскій пароходъ, который, никуда не заѣзжая, въ три дни довезъ меня до Александріи вчера утромъ. Здѣсь, осмотрѣвъ городъ въ нѣсколько часовъ, я отправился по желѣзной дорогѣ въ Каиръ, куда прибылъ вчера же вечеромъ.

Путешествіе черезъ Италію, особенно же чрезъ Средиземное море, было весьма пріятно, ибо все время было ясно, тепло, какъ въ іюлѣ, море совсѣмъ синее, мѣсячныя ночи. Я ни морскою, ни какою другою болѣзнью не страдалъ; напротивъ, чувствую себя еще съ Парижа лучше обыкновеннаго.

На кораблѣ и здѣсь эту ночь спалъ съ открытымъ окошкомъ. Сейчасъ отправляюсь къ русскому консулу, который долженъ научить меня, какъ нужно обращаться съ здѣшними важными господами, къ двумъ изъ которыхъ у меня есть письма. Александрія мнѣ очень понравилась, по Каиру же еще не ходилъ.

Остановился я въ европейской гостиницѣ, со всѣми удобствами и не дорого. Деньги у меня пока еще есть.

Будьте здоровы. Цѣлую крѣпко папа и васъ всѣхъ.

Вл. Соловьевъ.

Пишу на имя папа съ титлами для большей вѣрности.

Caire, Egypte.

M. V. Soloviof.

Hôtel Abat № 17.

16.

Каиръ. 18 ноября 1875.

Дорогая мама!

Вчера узналъ я, что въ то самое время, какъ послалъ свое послѣднее письмо, почта была ограблена въ Александріи, при чемъ, вѣроятно, пропало и мое письмо, поэтому пишу Вамъ скорѣе другое, дабы Вы не безпокоились. Я уже недѣлю живу въ Каирѣ. Лучшаго мѣста для зимовки нельзя найти. Погода какъ у насъ въ маѣ; во всю зиму бываетъ 3 или 4 дождливыхъ дня; климатъ, какъ я читалъ, особенно полезенъ для болѣзней желудка, легкихъ и нервнаго разстройства.

Жизнь здѣсь нѣсколько дороже, чѣмъ въ Лондонѣ, но если деньги изъ министерства не замедлятъ, надѣюсь справиться безъ пособій.

Я осмотрѣлъ здѣсь почти все замѣчательное.

Взлѣзалъ на пирамиду Хеопса (100 саженей высоты) и спускался въ подземныя гробницы, при чемъ нѣсколько десятковъ саженей нужно было пролѣзать ползкомъ въ совершенномъ мракѣ; купался въ Нилѣ, видѣлъ настоящую сфинксу; все это находится въ 10 верстахъ отъ Каира по превосходной дорогѣ. Въ самомъ Каирѣ спускался въ колодезь Іосифа, тоже около 100 саженей глубины, осмотрѣлъ главныя мечети, великолѣпный музей египетскихъ древностей и т. д.

Русскій консулъ Лексъ все это время былъ въ Александріи, и потому я еще ни съ кѣмъ не познакомился, кромѣ знаменитаго генерала Ѳаддеева, который живетъ въ одной гостиницѣ со мною. Если не ошибаюсь, между Каиромъ и Москвою письмо идетъ чуть не двадцать дней. Поэтому я буду писать Вамъ, не дожидаясь Вашего отвѣта.

Будьте здоровы. Цѣлую папа и всѣхъ.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

Я здѣсь пробуду до тѣхъ поръ, пока выучусь арабскому языку, т. е., вѣроятно, мѣсяца 4 или 5. Затѣмъ, можетъ быть, прямо вернусь въ Россію, ибо въ западной Европѣ мнѣ рѣшительно нечего дѣлать.

Я думаю, что Вамъ лучше будетъ адресовать письма ко мнѣ на имя здѣшняго консула: Son Excellence Mr de Lex, consul général de Russie. Caire, Egypte; pour Mr V. S.

17.

Масръ—эль Каэро. 25 ноября 1875 г..

Дорогая мама!

Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ. Когда вы получите оное, я буду въ Ѳиваидѣ, верстахъ въ 200 отсюда, въ мѣстѣ дикомъ и необразованномъ, куда и откуда почта не ходитъ, и ни до какого государства, иначе какъ пѣшкомъ, достигнуть нельзя.

Пробуду я тамъ съ мѣсяцъ и по возвращеніи буду чувствовать крайнюю нужду въ такъ называемыхъ деньгахъ, а потому, если къ тому времени, къ Рождеству по вашему стилю, мнѣ нельзя будетъ получить изъ министерства (о чемъ прошу узнать у властей предержащихъ), то пришлите 200 рублей. Впрочемъ, я еще ни одного письма ни откуда не получалъ; адресовать мнѣ нужно на имя генеральнаго консула Лекса такъ:

Египетъ. Каиръ, Le Caire, Egypte. A Son Excellence M. de Lex, consul général de Russie, pour Mr V. S.

Засимъ ничего чрезвычайнаго. Будьте здоровы, чего и вамъ желаю.

Сфинкса очень кланяется мамѣ, съ которой она почему-то считаетъ себя въ родствѣ.

Цѣлую всѣхъ по порядку.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

P. S. Принцъ Ра-мен-Готенъ, родившійся 7 тысячъ лѣтъ тому назадъ, и нынѣ проживающій въ Булакскомъ музеѣ, „ тамъ, гдѣ вѣчно чуждый тѣни, моетъ желтый Нилъ раскаленныя ступени царственныхъ могилъ“, недноократно изъявлялъ мнѣ сожалѣніе, что не могъ познакомиться съ достопочтеннымъ Мишей, отъ котораго онъ могъ бы позаимствовать много полезныхъ свѣдѣній относительно глаголовъ на μι и равенства треугольниковъ.

Впрочемъ, кланяется всѣмъ сердечно.

18.

Каиръ. 27 ноября 1875.

Дорогая мама!

Путешествіе мое въ Ѳиваиду, о которомъ я писалъ въ прошломъ письмѣ, оказалось невозможнымъ. Отойдя верстъ 20 отъ Каира, я чуть не былъ убитъ бедуинами, которые ночью приняли меня за чорта, долженъ былъ ночевать на голой землѣ etc., вслѣдствіе чего вернулся назадъ.

Если нельзя ускорить высылку денегъ изъ министерства, то прошу папа прислать 200 р. поскорѣе. Я съ будущей недѣли долженъ буду жить въ долгъ въ гостинницѣ, квартиръ же дешевыхъ въ Каирѣ не имѣется.

Письма какъ денежныя, такъ и простыя нужно посылать въ Египетъ via Triest и на имя Лекса. Если деньги векселемъ, то вексель долженъ быть на Парижъ или Лондонъ. Черезъ Тріестъ письма идутъ дней 8, тогда какъ черезъ Константинополь и Одессу болѣе 2 недѣль, и при томъ чаще пропадаютъ.

Я здѣсь кое съ кѣмъ познакомился, былъ у министра иностранныхъ дѣлъ—хитрый армяшка, но для меня не интересенъ.

Часто видаюсь съ генераломъ Ѳаддеевымъ—типъ русскаго медвѣдя, впрочемъ, очень неглупый человѣкъ. Однако, я начинаю писать какъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Посему прощайте.

Цѣлую крѣпко Васъ и всѣхъ.

Вл. Соловьевъ.

---

*

19.

Капръ. 28 ноября (10 декабря н. с.) 1875.

Дорогая мама!

Сейчасъ получилъ первое письмо отъ Васъ. Отвѣчаю на клочкахъ, потому что бумаги купить не на что. Я уже писалъ относительно денегъ, на всякій случай повторяю: посылать нужно черезъ Тріестъ: на имя Лекса. (Caire, Egypte, via Triest. A Son Excellence M. de Lex, Consul général de Russie, pour M. V. S.).

Я совершенно здоровъ, здѣсь все еще лѣто. На-дняхъ была гроза съ большимъ дождемъ, что̀ предвѣщаетъ важныя политическія событія, потому что большіе дожди бываютъ здѣсь въ пятьдесятъ лѣтъ разъ.

Пока, впрочемъ, кромѣ весьма глупой войны съ Абиссинцами, нѣтъ ничего. У вице-короля былъ поносъ, но прошелъ.

Скажите папа, что Восточнаго вопроса до 1877 года быть не должно, а если и будетъ, то самый паршивый, и во всякомъ случаѣ всѣ европейцы, кромѣ англичанъ, въ Египтѣ безопасны.

Будьте здоровы. Цѣлую всѣхъ, поздравляю Анну Кузьминишну [1]).

Вашъ Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Гувернантка и другъ дома, проживавшая въ семьѣ Соловьевыхъ болѣе 10 лѣтъ. *Прим. ред.*

20.

Капръ. 19/31 дек. 1875 г..

Дорогая мама!

Только что получилъ письмо Ваше отъ 4-го декабря. Мое придетъ къ Вамъ, вѣроятно, въ новый годъ, съ которымъ Васъ и поздравляю.

Происшествіе съ арабами болѣе меня позабавило, чѣмъ испугало.

Разскажу при свиданіи. Я совершенно здоровъ, но скучаю, между прочимъ потому, что то, для чего я пріѣхалъ въ Египетъ, оказывается почти невозможнымъ найти. Деньги (960 франковъ) я получилъ, но насилу могъ размѣнять вексель. Уплативши долги и давши впередъ за мѣсяцъ за квартиру (куда я переѣхалъ изъ гостиницы), я остался съ 40 рублями. Я написалъ въ министерство, чтобъ выслали папа 800 р., а его прошу прислать мнѣ изъ нихъ сколько слѣдуетъ, такъ какъ черезъ три недѣли я опять буду безъ копѣйки. Не можетъ ли Юнкеръ дать вексель прямо на Banque austroegyptienne (Meijer'а, онъ же Banque ottomane), или же на банкъ Опенгейма (оба въ Каирѣ), потому что здѣсь съ трудомъ берутъ векселя на чужіе банки. Жизнь здѣсь дороже, чѣмъ въ Европѣ, а раньше весны ѣхать на сѣверъ, даже въ Италію, я не рѣшусь.

Пишу Всеволоду и Вадиму въ мѣста ихъ служенія, такъ какъ не знаю адресовъ.

Будьте здоровы. Цѣлую крѣпко всѣхъ.

Влад. Соловьевъ.

Дорогой папа!

Могу сообщить Вамъ la nouvelle du jour (боюсь только, что она не будетъ новостью, когда прійдетъ это письмо): англійская финансовая комиссія, пріѣзжавшая, чтобы забрать Египетъ, получила рѣшительный шишъ отъ Хедива и отправилась отъ нечего дѣлать въ верхній Египетъ, а затѣмъ возвращается въ свой домъ; англійскій же консулъ долженъ былъ объявить, что все это было только недоразумѣніе.

Поздравляю Васъ съ новымъ выборомъ и желаю всего лучшаго на новый годъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

21.

Каиръ. 30 января (11 февраля) 1876.

Дорогая мама!

Получилъ заразъ два Ваши письма, а также деньги; благодарю за то и за другое.

Когда уѣзжаю изъ Египта, еще не знаю. Теперь живетъ здѣсь со мною вмѣстѣ мой пріятель Цертелевъ. Есть и еще русскіе. Вообще же въ Каирѣ жить пріятнѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ за границей, а потому я и не тороплюсь уѣзжать отсюда. Письмо отъ Левы Лопатина получилъ и болѣе мѣсяца собираюсь отвѣчать; когда соберусь—неизвѣстно.

Надю, Анну Кузьминичну и дѣтей за письма благодарю чувствительно; со временемъ напишу всѣмъ. Получила-ли Вѣра мое поздравленіе?

Цѣлую крѣпко папа и всѣхъ васъ. Кланяюсь всѣмъ знакомымъ.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

Пишите мнѣ побольше обо всемъ.

22.

Каиръ. 4 марта 1876.

Дорогая мама!

Спѣшу отвѣчать Вамъ на Ваше письмо отъ 3 февраля. Надѣюсь, что Вы получили другое письмо, отправленное 2 недѣли тому назадъ. Я совершенно здоровъ и никогда боленъ не былъ. Изъ гостиницы переѣхалъ на квартиру, думая, что будетъ дешевле, что̀, впрочемъ, оказалось мечтой воображенія. Пищи себѣ въ Египтѣ не нашелъ никакой, а потому черезъ 8 дней и уѣзжаю отсюда въ Италію вмѣстѣ съ Калачовымъ (сыномъ директора архивовъ), который жилъ здѣсь все время. Цертелевъ уѣзжаетъ еще раньше. Въ Италіи я поселюсь на одинъ мѣсяцъ въ Сорренто, гдѣ въ тиши уединенія буду дописывать нѣкоторое произведеніе мистико-теософо-философо-теурго-политическаго содержанія и діалогической формы. Затѣмъ отправляюсь въ Парижъ, гдѣ для очищенія совѣсти займусь немного въ Bibliothèque Nationale и, заѣхавъ на нѣсколько дней въ Лондонъ, возвращусь въ іюлѣ черезъ Кіевъ въ Москву. Недавно получилъ письмо отъ Всеволода, изъ котораго къ удовольствію своему заключилъ, что онъ доволенъ своей судьбою.

Что Вы мнѣ два раза писали о какомъ-то сюрпризѣ, а потомъ ничего не сообщаете?

Левѣ Лопатину, а также Надѣ, Аннѣ Кузьминичнѣ и дѣтямъ буду писать своевременно.

Цѣлую крѣпко Васъ, папа и всѣхъ.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

Цѣлую Пелагею.

23.

Сорренто. 20 марта 1876 г.

Дорогая мама!

Покинувъ землю Египетскую 12 марта, послѣ благополучнаго плаванія прибылъ въ Неаполь 16-го, гдѣ, пробывъ 2 дня и отправивъ вамъ телеграмму о высылкѣ денегъ, уѣхалъ въ Сорренто вмѣстѣ съ Калачовымъ (съ которымъ пріѣхалъ и изъ Египта). Сорренто, какъ Вамъ, вѣроятно, извѣстно, есть маленькій приморскій городокъ въ виду Неаполя и Везувія и отличается всевозможными красотами природы, которыми я, впрочемъ, не успѣлъ еще насладиться по причинѣ непрерывнаго дождя и бурныхъ вѣтровъ, свойственныхъ этому мѣсяцу. Живу я въ довольно дешевомъ отелѣ надъ самымъ моремъ и думаю пробыть здѣсь до конца апрѣля, который въ Италіи есть лучшій мѣсяцъ.

Если Вы почему-нибудь не получили моей телеграммы (что̀ было бы для меня очень печально), то прошу немедленно по полученіи сего письма выслать мнѣ въ Сорренто деньги переводнымъ письмомъ, если можно на какой-нибудь неаполитанскій банкъ, въ противномъ случаѣ, какъ прежде, на Парижъ.

Будьте здоровы; я же здоровъ по-прежнему.

Отчего Вы мнѣ ничего не напишите яснаго объ юбилеѣ папа? Цѣлую его крѣпко и васъ всѣхъ.

Завтра буду писать другимъ.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

24.

Сорренто. 31 марта (12 апрѣля) 1876 г.

Христосъ воскресе, дорогая мама. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Италіи, я получилъ отъ васъ всего одно письмо — впрочемъ, кажется, не всѣ письма изъ Россіи доходятъ — такъ напримѣръ я не получилъ письмо Хитрово,—если увидите его, то, пожалуйста, передайте, что я очень сожалѣю, что письмо его пропало, и прошу не полѣниться написать другое, — а я отвѣчу непремѣнно. Левѣ Лопатину пишу сегодня.

Я это время жилъ попеременно въ Неаполѣ и Сорренто; сдѣлалъ одно новое весьма пріятное знакомство, о которомъ напишу послѣ, теперь же тороплюсь отправить сіе на почту.

На-дняхъ оставляю Сорренто и ѣду въ Парижъ одинъ.

Напишу по дорогѣ изъ Генуи или Ниццы. Если не получите другого извѣщенія, то пишите въ Парижъ, 22, Rue de la Paix, Hôtel des Iles Britanniques.

Пожалуйста, отвѣчайте на то, о чемъ я спрашивалъ въ прежнемъ письмѣ.

Цѣлую папа и всѣхъ васъ крѣпко.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

25.

[1876].

Вѣрѣ, Надѣ, Любѣ, Аннѣ Кузьминичнѣ, Машѣ и Сенѣ.

Соборное посланіе. Дѣти мои!

Благодарю васъ сердечно за письма ваши, еще въ землѣ египетской мною полученныя, и на которыя я хотѣлъ отвѣчать отдѣльно, но сначала разныя дѣла, а потомъ паденіе на Везувіи и происшедшее отъ онаго калѣчество воспрепятствовали.

Италія мнѣ надоѣла порядочно и давно уже собираюсь въ Парижъ, да боюсь повредить колѣно и остаться безногимъ. Теперь мы съ Калачовымъ осиротѣли вслѣдствіе отъѣзда двухъ добродѣтельныхъ дамъ, которыя за нами ухаживали. Приходится самому себѣ корпію щипать. Надѣюсь, что вы проводите праздники веселѣе. Будьте здоровы, рука устала.

Неужели мама не получила моего послѣдняго письма, посланнаго къ пасхѣ? На-дняхъ буду писать еще. Нила Александровича цѣлую. Напишу ему изъ Парижа.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

26.

Парижъ. 1/13 мая 1876.

Дорогой папа!

На случай, если бы Вы не получили моего поздравленія изъ Ниццы, посылаю вамъ другое изъ Парижа, куда послѣ многихъ бѣдствій и треволненій благополучно сегодня пріѣхалъ, получивъ деньги во время благопотребное, за что Вамъ весьма благодаренъ. Въ Парижѣ пробуду недѣль шесть и, захвативъ свои книги въ Лондонѣ, черезъ Остенде и Берлинъ возвращусь въ Москву къ Вашимъ именинамъ.

Въ Парижѣ буду заниматься изданіемъ своего малаго по объему, но великаго по значенію сочиненія Principes de la religion universelle; языкъ онаго отдамъ исправить аббату Гетте, который между прочимъ занимается этимъ дѣломъ (онъ исправлялъ сочиненіе министра Толстого о католицизмѣ), и къ которому я имѣю на счетъ этого рекомендацію отъ Ниццскаго священника. Можетъ быть, это меня задержитъ на лишнія двѣ недѣли, но въ іюлѣ во всякомъ случаѣ вернусь.

Будьте здоровы. Цѣлую Васъ крѣпко, такъ же какъ маму и всѣхъ прочихъ. Завтра буду писать Нилу Александровичу.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

27.

Парижъ. Rue de la Paix, Hôtel des Iles Britanniques. 16/28 мая 1875.

Дорогой папа!

Очень радъ узнать, что Ковалевскій въ Москвѣ, но желалъ бы знать въ точности его адресъ; я писалъ Янжулу, надѣюсь, онъ сообщитъ. Въ Лондонъ съѣздить изъ Парижа стоитъ всего 10 рублей и 8 часовъ времени, такъ что не разсчетъ хлопотать. Не понимаю, что Вы мнѣ пишете о Кіевѣ — насколько помню, я никогда не собирался туда ѣхать. Что касается до моего сочиненія, то мнѣ необходимо его издать, такъ какъ оно будетъ основой всѣхъ моихъ дальнѣйшихъ занятій, и я ничего не могу дѣлать, не ссылаясь на него.

Вы интересуетесь подробностями моего паденія, разскажу по возвращеніи, впрочемъ я, кажется, писалъ Вамъ объ этомъ изъ Генуи, не знаю, получили-ли Вы это письмо. Тамъ же сообщалъ Вамъ о двухъ дамахъ, принимавшихъ во мнѣ участіе, именно m-me Ауэръ и m-elle Трайнъ.

Здѣсь я ни у кого и нигдѣ не бываю (сегодня только былъ въ русской церкви), занимаюсь дома, завтра долженъ получить билетъ для занятій въ Національной библіотекѣ; проклятые французы до сихъ поръ дѣлали мнѣ шиканы; подлѣе народа не знаю (говорю я о мужскомъ полѣ), хуже даже англичанъ и египетскихъ эѳіоповъ.

Такъ какъ Вы, кажется, немножко по мнѣ скучаете, то могу Васъ успокоить: больше ужъ путешествовать не буду, ни на восточныя кладбища, ни въ западный н...... не поѣду, а такъ какъ мнѣ свѣдущіе люди предсказали много странствій, то я и буду странствовать по окрестностямъ города Москвы.

Отъ чего именно папа будетъ пить воды? Я получилъ почти разомъ 5 вашихъ писемъ.

Цѣлую васъ крѣпко, папа и всѣхъ.

Влад. Соловьевъ.

На послѣднемъ Вашемъ письмѣ Вы не поставили, кому оно адресовано, и потому оно было распечатано въ гостинницѣ.

28.

С.-Петербургъ. 4 мая 1877 г.

Дорогой папа!

Поздравляю Васъ съ днемъ рожденья и отъ души желаю исполненія всѣхъ вашихъ желаній. Что касается до желанія получить сборникъ Историческаго Общества, то, не добившись ничего отъ Ѳеоктистова, я обратился къ А. Н. Попову, который обѣщалъ пристать съ этимъ къ Полѣнову.

Здѣсь ничего особеннаго: большими дѣлами Петербургъ не очень интересуется; можно подумать, что исторія происходитъ гдѣ нибудь въ Атлантидѣ. Я совершенно убѣдился, что Петербургъ есть только далекая колонія, *на время* ставшая государственнымъ центромъ.

Очень жалѣю, что пришлось переселиться сюда въ это время.

Въ физическомъ отношеніи не могу пожаловаться на Петербургъ: чувствую себя совершенно хорошо. Служу весьма аккуратно, и поэтому въ концѣ этого мѣсяца потребую отпуска на все лѣто.

Передайте, пожалуйста, мама, что между моими бумагами есть двѣ большія рукописи Цертелева, которыя я забылъ взять и которыя я необходимо долженъ передать здѣсь по назначенію, а поэтому прошу прислать ихъ сюда по адресу Всеволода, въ видѣ посылки и какъ можно скорѣе. Я живу опять у Всеволода; въ деревню, куда собирался—не поѣхалъ, между прочимъ потому, что назначенъ въ нѣкую комиссію по составленію учебныхъ плановъ, которая засѣдаетъ три раза въ недѣлю.

Будьте здоровы. Поцѣлуйте за меня мама и т. д.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

29

Букурештъ. 28 іюня 1877.

Сомнѣваюсь, дойдетъ ли до васъ это письмо, дорогая мама. Отсюда никакихъ правильныхъ сообщеній не существуетъ, большая часть писемъ сжигается на почтѣ, телеграммы также пропадаютъ. Я писалъ уже вамъ два письма: одно изъ Кишинева, другое отсюда,—навѣрно не дошли. Я здѣсь уже почти недѣлю дожидался денегъ отъ Каткова и, не дождавшись, занялъ здѣсь и сегодня отправляюсь за Дунай.

По дорогѣ изъ Яссъ въ Букурештъ я встрѣтилъ Катю и ѣхалъ съ ней вмѣстѣ нѣсколько часовъ. Онѣ уже второй мѣсяцъ сидятъ безъ всякаго дѣла и не видѣли еще ни одного раненаго.

Вѣроятно, у васъ не вѣрятъ оффиціальнымъ извѣстіямъ о нашихъ потеряхъ при переходѣ черезъ Дунай. Но это совершенно несомнѣнно, что при переходѣ у Свиштова раненыхъ и убитыхъ было менѣе шестисотъ, да у Галаца около ста,—далеко до тридцати тысячъ, о которыхъ болтали въ Москвѣ.

Передайте папа, что я могъ бы сообщить ему кой-что интересное, но предпочитаю сдѣлать это при свиданіи. Пишите мнѣ пока въ Свиштово въ Болгаріи, въ штабъ дѣйствующей арміи, полковнику Скалону. Отправляйте заказнымъ—простыя *навѣрно* не доходятъ.

Что у васъ дѣлается? Что Всеволодъ и его болѣзни? Я совершенно здоровъ все время. Вчера здѣсь была отличная гроза, послѣ которой посвѣжѣло, а до того стояли страшныя жары.

Поздравляю папа съ именинами, а Васъ съ рожденьемъ, всѣхъ цѣлую. Будьте здоровы. Возможно, что я вернусь совсѣмъ въ концѣ іюля, но возможно также, что пріѣду только на нѣсколько дней въ сентябрѣ и затѣмъ возвращусь опять въ Болгарію.

Корреспонденцій моихъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, ранѣе половины іюля не ищите.

Крѣпко обнимаю васъ, дорогая мама, до свиданія.

Влад. Соловьевъ.

30.

[1880.]

Милая мама!

Я не могу пріѣхать раньше 21-го или 22-го. Напишите, пожалуйста, когда вы думаете переѣзжать въ городъ, чтобы мнѣ не попасть къ вамъ во время переѣзда. Я думаю, что мнѣ лучше было бы пріѣхать къ вамъ ужъ прямо въ Москву, если вы только не заживетесь въ Химкахъ.

Во всякомъ случаѣ присылайте скорѣе 6 экземпляровъ учебной книги въ Петербургъ, въ Европейскую гостиницу на Михайловской. Я вообще здоровъ, если не считать крапивной лихородки. Живу частію въ Пустынькѣ у Толстой, частію здѣсь, въ Европейской гостинницѣ. Видѣлъ Кирѣева и Сабурова и передалъ имъ вашу благодарность.

Думаю нанять квартиру въ Лѣсномъ, чтобы свободнѣе было заниматься, такъ какъ этотъ годъ мнѣ предстоитъ много работы. Цертелевъ будетъ жить тоже въ Лѣсномъ. Въ его здоровьи обозначилось явное улучшеніе,—по всей вѣроятности, выздоровѣетъ.

До свиданія.

Цѣлую всѣхъ. Письмо Нила Александровича получилъ.

Вашъ Владиміръ.

31.

[1880.]

Дорогая мама, будьте столь добры, попросите Нила Александровича, когда онъ будетъ въ городѣ, свезти митрополиту Макарію 29-ый томъ, а равно и мою книгу въ сафьянномъ переплетѣ и какъ нибудь объяснить, почему это приношеніе запоздало. Я думалъ самъ свезти, но теперь я до октября въ Москвѣ не буду. Я напишу Нилу Александровичу, но Вы и отъ себя попросите, а то посылать неловко.

Я еще не нанялъ квартиру, но имѣю въ виду очень хорошую. Лѣсной—это за Выборской стороною,—какъ Петровскій паркъ отъ Москвы. Я потому удаляюсь въ такое уединеніе, что мнѣ въ этомъ году нужно много работать, а петербургская толкотня мѣшаетъ. Что Вамъ за фантазія пришла, чтобы я ѣхалъ къ Боткину изъ-за крапивной лихорадки. Впрочемъ, я теперь страдаю ужасными невралгіями въ ногѣ и другихъ мѣстахъ, но къ Боткину все-таки не поѣду.

Будьте здоровы.

Всѣхъ цѣлую.
Владиміръ.

32.

[1880.]

Весьма поздравляю Васъ съ именинами, дорогая мама. 28-го, въ воскресенье, думаю быть въ Москвѣ. Здѣсь до 17-го было совершенное лѣто, но теперь холодно и мокро. У меня въ домѣ хорошо. Самъ же я не совсѣмъ здоровъ, но и не совсѣмъ боленъ.

Началъ лекціи на Бестужевскихъ женскихъ курсахъ. Слушательницы отличаются большимъ количествомъ и малою красотою.

Въ университетѣ я выбранъ въ экстраординарные профессора, но еще предстоятъ выборы въ совѣтѣ. Сообщите объ этомъ, кому нужно, т. е. если увидите — Иванцову, Третяковичу, Левушкѣ.

Будьте здоровы, всѣхъ цѣлую.

До свиданія.

Влад. Соловьевъ.

33.

[1880.]

Я былъ все это время и теперь продолжаю быть ужасно занятъ, дорогая мама: лекціи въ университетѣ, лекціи на женскихъ курсахъ, публичная рѣчь о Достоевскомъ, которую мнѣ нужно написать всю дословно, а то не разрѣшаютъ говорить. Сверхъ того, С. П. была больна—легкій тифъ; теперь, слава Богу, лучше. У Всеволода былъ и у Елены. Ея адресъ: на углу Невскаго и Большой Морской, домъ 9, кварт. 20.

Поцѣлуй Вѣру, съ ней, несчастной, что-то дѣлается; я ей рекомендовалъ хорошаго доктора. Видѣлъ и Катю съ женихомъ.

Не пріѣдетъ-ли съ Вами Надя въ Петербургъ? Скажите ей отъ меня, что это было бы не лишнимъ.

Затѣмъ до скораго свиданія. Цѣлую васъ всѣхъ.

Мишѣ напишу, когда будетъ досужиться.

34.

[1881.]

Милая мама, я былъ очень занятъ, у меня были публичныя лекціи, о которыхъ Вы, вѣроятно, услышите. Хотѣлъ бы скорѣе въ Москву, но не знаю, какъ удастся, есть разныя осложненія.

Я довольно здоровъ, но очень усталъ.

Подаю въ отставку изъ Министерства и думаю совсѣмъ покинуть Петербургъ.

Будьте здоровы, всѣхъ цѣлую.

Влад. Соловьевъ.

Мишѣ буду писать.

35.

[1883.]

Милая мама!

Скажите Надѣ, что и самъ бы телеграфировалъ, но дѣло въ томъ, что я вмѣсто утра пріѣхалъ только вечеромъ (8 часовъ стояли въ полѣ вслѣдствіе крушенія товарнаго поѣзда), и когда вернулся отъ своей больной, то уже нашелъ ея телеграмму.

Я предчувствовалъ, что это ложная тревога.

Вчера былъ у Всеволода; все, какъ слѣдуетъ.

А бѣдный Лапшинъ совсѣмъ помираетъ. Ужасно мнѣ обрадовался, и я не жалѣю, что пріѣхалъ.

Поздравляю васъ всѣхъ съ праздниками и новымъ годомъ, который я, вѣроятно, останусь въ Петербургѣ.

Будьте здоровы. Цѣлую всѣхъ, спасибо Надѣ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

36.

[1883.]

Милая мама!

Надѣюсь, что это письмо дойдетъ до Васъ, но боюсь, что оно не поспѣетъ къ 7-му іюля. Поздравляю Васъ сердечно. Очень желалъ бы имѣть отъ васъ извѣстіе. Я здоровъ, но еще не совсѣмъ окрѣпъ послѣ своей болѣзни, которая, какъ видно, была настоящимъ тифомъ. У меня стали падать волосы, и я обрилъ голову. Отъ Миши были два письма—онъ, кажется, совершенно счастливъ.

Пишите мнѣ: Брянскъ, Красный Рогъ. Знаете, что если не придетъ холера, то я, можетъ быть, встрѣчусь съ вами въ Крыму. Напишите, когда вы туда собираетесь.

Крѣпко обнимаю Васъ и всѣхъ прочихъ, какъ то:

Надю,

Машу,

Сену,

Анну Кузминичну.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

37.

[1883]

Милая мама!

Очень большое спасибо Вамъ и Надѣ за письма. Но какъ же мнѣ было отвѣчать, когда я не зналъ съ достовѣрностью, гдѣ именно вы находитесь въ то или другое время?

Радуюсь, что хоть переѣздъ черезъ Кавказскія горы вознаградилъ васъ сколько-нибудь за скуку всего этого лѣта.

Очень хотѣлось бы мнѣ застать васъ уже въ Москвѣ—я туда собираюсь въ послѣднихъ числахъ сентября. Ни въ Крымъ и никуда я изъ Краснаго Рога не двигался. Зато провелъ лѣто не даромъ: много написалъ, кой что ужъ напечаталъ (рублей на 300) и выучился итальянскому языку, такъ что свободно читаю самые трудные стихи. Даже перевелъ двѣ маленькія пьесы русскими стихами и прислалъ бы Сенѣ, но при неувѣренности, что это письмо дойдетъ—лѣнь переписывать.

Будьте здоровы. Я большею частью здоровъ.

Крѣпко цѣлую васъ всѣхъ. До скораго свиданія.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

38.

[1886.]

Милая мама!

Надѣюсь: 1) что вы всѣ здоровы и благополучны; 2) что Вы получили мою телеграмму и притомъ въ неперевранномъ отъ телеграфныхъ чиновниковъ видѣ; 3) что Вы послали мнѣ сто экземпляровъ моей послѣдней книжки, именуемой „Догматическое развитіе Церкви" и т. д.

Прошу: 1) Не сердиться на меня, что не ѣду. Право, невозможно никакъ выбраться. 2) Пришлите мнѣ пожалуйста какъ можно скорѣе, *на имя Ольги* изъ приготовленныхъ Вами мнѣ денегъ *сто рублей.*

Сообщаю: 1) что здѣсь наступило лѣто, и я прямо послѣ енотовой шубы выхожу въ безрукавной летучей мыши; 2) что навѣрное, если ничего совершенно неожиданнаго не случится, пріѣду къ Вамъ на Святой, на краткое время, ибо затѣмъ нужно за границу.

Всѣхъ цѣлую.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

39.

[1886.]

Милая мама, спасибо очень за деньги. Тѣмъ не менѣе разныя дѣла еще задерживаютъ въ Петербургѣ. Между 15-ымъ и 20-ымъ марта думаю навѣрно пріѣхать. Я здоровъ. Сегодня угощалъ Олю постнымъ обѣдомъ. Здѣсь ужасные туманы. Я сегодня не выспался и потому кончаю сіе краткое посланіе, что̀ и справедливо, такъ какъ Вы мнѣ тоже ужасно короткія пишете письма, и ничего не говорите ни о себѣ, ни о сестрахъ, ни о Мишѣ, который самъ пишетъ только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.

Впрочемъ, изъ Вашего о немъ умолчанія заключаю, что онъ по крайней мѣрѣ здоровъ.

До свиданія. Цѣлую и кланяюсь.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

Скажите Сенкѣ, что я сталъ печатать свои шутовскіе стихи въ „Новомъ Времени“ подъ именемъ князя Геліотропова.

А пожалуй, вотъ Вамъ и они сами [1]).

---

[1]) Стиховъ не приложено. *Прим. ред.*

40.

[1886.]

Милая мама!

Я только что пріѣхалъ изъ Ревеля и никакъ не могу выбраться въ Москву. Пожалуй, еще недѣли на двѣ придется отложить, а за границу ужъ послѣ Пасхи.

Пишу Вамъ это наскоро и даже не заказнымъ, авось дойдетъ. Я совершенно здоровъ.

Нашелъ у себя на столѣ очень милое письмо отъ Миши, которое дожидалось меня недолго. На-дняхъ напишу ему. Нужно ему непремѣнно купаться въ морѣ, только гдѣ? Въ Крымѣ далеко, а въ Ревелѣ слишкомъ холодно. Развѣ въ Гапсалѣ, если только ему нужны грязи.

До свиданія, милая мама. Вѣроятно, Вы видѣлись съ М. Н. Лопатинымъ, а онъ разсказалъ Вамъ, что засталъ меня здоровымъ и благоденствующимъ, чего и вамъ всѣмъ желаю.

Поздравляю Сену съ двадцатымъ годомъ!!!

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

41.

[1886.]

Дорогая мама!

Теперь попалъ я наконецъ за границу, поэтому и не писалъ до сихъ поръ. Вѣра, конечно, уже сообщила Вамъ о печальномъ исчезновенiи изъ моего бумажника 500 р., которые или унесены духами, или украдены домашнимъ человѣкомъ—третьяго быть не можетъ. Не хочу писать Вамъ подробностей—это скучно и безполезно. Но я еще не совсѣмъ оставилъ надежду, что похитившiй раскается и возвратитъ.

Я же былъ огорченъ не столько за себя, сколько за Васъ. Пока все устроилось для меня, благодаря Вѣрѣ и одному доброму знакомому.

Теперь я въ Вѣнѣ и на дняхъ ѣду далѣе къ цѣли своего путешествiя. Бо́льшую часть этого времени, отъ 31-го мая до 11-го iюня, я провелъ въ Гапсалѣ—купался немного въ морѣ. Скажите Надѣ, что я не забылъ 5-ое iюня, но не хотѣлъ пугать телеграммой изъ *Гапсаля*, когда Вы всѣ считали меня давно уже за границей.

Пожалуйста, напишите мнѣ по нижеслѣдующему адресу, куда Вамъ писать *заказнымъ*.

Австро-Венгрiя, via Vienne.
Autriche-Hongrie. Agram.
Académie des Sciences.
M-r le Président
D-r F. Rački.
Pour M-r V. Solovieff.

Цѣлую всѣхъ. Будьте здоровы. Когда-то увидимся? Надѣюсь, въ октябрѣ. Отъ Миши не имѣю извѣстiй, но полагаю, что онъ уже около недѣли въ Крыму.

Диспутъ Левы Лопатина, благодаря моимъ совѣтамъ, прошелъ благополучно для него и постыдно для Троицкаго.

42.

[1886.]

Милая мама, вѣроятно Вамъ будетъ пріятно узнать, что я здоровѣе обыкновеннаго, встаю въ 8 часовъ, ѣмъ много яицъ, гороху и всякихъ блюдовъ, днемъ работаю, а вечеромъ гуляю за городомъ.—Мать моего хозяина, 83-лѣтняя, но совершенно бодрая и крѣпкая старушка, весьма за мною ухаживаетъ, хотя объясняемся мы съ нею не безъ затрудненія. Хорватскій языкъ очень похожъ на малороссійскій, но она немножко туга на ухо.

Можетъ быть, въ концѣ успенскаго поста буду говѣть въ здѣшней православной (сербской) церкви.

Непріятныя подробности пропажи денегъ, вѣроятно, сообщила Вамъ Вѣра, и я разскажу при свиданіи, а писать не хочется.

Будьте здоровы, милая мама, и цѣлуйте за меня всѣхъ крѣпко.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

43.

[1886.]

Драга моя мамица!

Вернувшись сегодня въ Загребъ, нашелъ Ваше письмо, на которое отвѣчаю немедленно ради заповѣди: чти отца твоего и матерь твою и т. д. А то собственно не слѣдовало бы отвѣчать, ибо Вы наполняете Ваши письма церемоніями о томъ, что боитесь мнѣ надоѣсть, что заболтались и т. п. Такихъ рѣчей ни Вамъ писать, ни мнѣ читать не гоже.

Напрасно также, милая моя мама, Вы не приписываете на каждомъ письмѣ своего адреса, у меня память плоха стала, и теперь пишу на удачу.

Замѣчаю, что Вы не получили одного или двухъ моихъ писемъ, гдѣ я между прочимъ отвѣчалъ на Ваши вопросы, у кого я занялъ деньги: часть (250 р.) у Вѣры, которой буду выплачивать по немногу, а часть (200 р.) у одного добраго человѣка, пріятеля Левы Лопатина, Василія Александровича Писаренко, которому долженъ отдать сполна 1-го октября (на этомъ условіи и бралъ).

Если у меня къ этому сроку не окажется или не хватитъ, то я попрошу Мишу, Васъ и Надю съ Сеней сложиться и выручить меня изъ бѣды. Лучше быть должному своимъ, чѣмъ чужому. Въ настоящее время я нисколько не нуждаюсь въ деньгахъ, ибо получилъ отъ двухъ журналовъ, а также нѣсколько и книжныхъ отъ Миши.

Милая мама, если Вамъ и сестрамъ все равно, то пріѣзжайте въ Москву немножко пораньше, а то мнѣ было бы очень непріятно пріѣхать въ пустой домъ, или не столько пустой, сколько наполненный воспоминаніями объ Алексѣѣ и т. д. „Однако я заболтался. Боюсь Вамъ надоѣсть и т. д“. Не сердитесь, милая мама, скоро увидимся. Если Вы до 23-го уѣдете изъ Кисловодска, то примите мое поздравленіе, также и Сеня.

Надѣ пишу особо.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

44.

[1886.]

Милая мама, я совершенно благополучно пріѣхалъ и остаюсь пока здѣсь (Петербургъ, Европейская гостинница, на Михайловской).

Когда уѣду, напишу.

Ночью въ вагонѣ я сочинилъ стихотвореніе, которое при семъ прилагаю для домашняго употребленія.

Какой тяжелый сонъ! Въ толпѣ нѣмыхъ видѣній,
Тѣснящихся и рѣющихъ кругомъ,
Напрасно я ищу той легкокрылой тѣни,
Что̀ тронула меня невидимымъ крыломъ.
Но лишь въ безсиліи склоняю я колѣни,
Смертельною тоской и ужасомъ объятъ—
Вновь чую надъ собой крыло незримой тѣни,
Невнятныя слова по-прежнему звучатъ.
Какой тяжелый сонъ! Толпа нѣмыхъ видѣній
Растетъ, растетъ и заграждаетъ путь,
И еле слышится далекій голосъ тѣни:
Не вѣрь мгновенному, люби и не забудь![1])

Не забудь передать книжки Карпову etc.

Крѣпко цѣлую Васъ и всѣхъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

---

[1]) См. Стихотворенія Владиміра Соловьева, изд. 3-е 1906 г., стр. 39

45.

Европейская гост. 27 янв. [1886.

Здраствуйте, милая мама! Какъ поживаете, а я пока слава Богу. Только Миша меня сокрушаетъ: во 1-хъ тѣмъ, что болѣетъ, и это главное, а во 2-хъ немножко меня безпокоитъ, что онъ не пишетъ мнѣ о судьбѣ моей послѣдней книжки. Я писалъ ему подробно и спрашивалъ одновременно съ письмомъ къ Надѣ, отъ которой и получилъ отвѣтъ. Онъ же безмолвствуетъ. Надѣюсь, однако, что мое заказное письмо дошло до него. Если ему некогда теперь писать, попросите его передать Вамъ на словахъ, а Вы мнѣ напишите.

Я видѣлъ два раза Ольгу и Сережу—они благополучны.—Завтра Крамской начинаетъ меня дописывать. У швейцара того дома, гдѣ онъ живетъ, есть двѣ маленькія дѣвочки, которыя выбѣгаютъ ко мнѣ, и хватая за полы моей шубы восклицаютъ: „божинька, божинька"! очевидно принимая меня за священника. А однажды на лѣстницѣ Европейской гостинницы незнакомый почтенный господинъ съ сѣдою бородою бросился ко мнѣ съ радостнымъ возгласомъ: „Какъ! Вы здѣсь *батюшка*!" и когда я ему замѣтилъ, что онъ, вѣроятно, меня принимаетъ за другого, то онъ возразилъ: „вѣдь Вы отецъ Іоаннъ?"—на что я конечно замѣтилъ, что я не только не отецъ Іоаннъ, но и вовсе не отецъ ни въ какомъ смыслѣ.

Adieu, chère maman. Portez vous bien.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

Всѣхъ ужасно цѣлую.

46.

[1886.]

Милая мама!

Я все сижу въ Петербургѣ отчасти по дѣламъ, а отчасти потому, что выѣхать не съ чѣмъ. Доходы все болѣе изсякаютъ, а расходы есть новые (хотя и небольшіе): беру уроки еврейскаго языка. Еслибы у Васъ сверхъ чаянія нашлось рублей 40 или 50 свободныхъ, то очень былъ бы Вамъ благодаренъ, еслибы прислали на имя Ольги.

Ее я довольно часто видаю. Живетъ себѣ пока—ничего. Возится съ Сергѣемъ, который мнѣ болѣе нравится, чѣмъ прежде, хотя имѣетъ весьма необузданный нравъ. Его непремѣнно нужно отдать въ гимназію.

Что у Васъ? Свободна ли квартира отъ постоя? A propos. Я неожиданно видѣлся въ библіотекѣ съ Машиной учительницей пѣнія, которая говорила мнѣ о васъ всѣхъ.

Будьте здоровы.

47.

[1887.]

Милая мама, пишу Вамъ съ первой почтой. Здѣсь отъ всего далеко—поэтому не безпокойтесь, если долго не будете получать писемъ. Я здоровъ и страдаю отъ бездождія вмѣстѣ со всею природой. Здѣсь много песку и мало людей, а книгъ еще меньше. Пишите мнѣ такъ: Черниговской губ., Новозыбковскаго уѣзда, мѣстечко Семеновка, гр. Софіи Андр. Толстой (мѣстечко Погорѣльцы), для передачи В. С. С.

Будьте здоровы, всѣхъ цѣлую.

Влад. Соловьевъ.

48.

[1887.]

Дорогая мама!

Непредвидѣнныя обстоятельства еще задерживаютъ меня здѣсь, но 4-го іюля я непремѣнно буду у васъ. Спасибо за доброе письмо, мнѣ и самому къ вамъ хочется.

Денегъ мнѣ не посылайте, а пошлите, если можете, Всеволоду 85 рублей, я у него взялъ на прошлой недѣлѣ. Не знаете ли чего нибудь о Лопатинѣ—не имѣю никакихъ извѣстій.

Напишите мнѣ пожалуйста. Графиню Толстую зовутъ Софія Андреевна, а не Алексѣевна, но это все равно.

Будьте здоровы; до свиданія, всѣхъ обнимаю.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

49.

[1887.]

Дорогая мама!

Я ужъ давно уѣхалъ изъ Черниговской губерніи и живу у Фета. Пожалуйста, по полученіи этого письма, напишите мнѣ обстоятельно обо всѣхъ васъ, и гдѣ вы теперь находитесь, ибо между 12-ымъ и 15-ымъ сего іюня я намѣренъ къ вамъ пріѣхать. Сдали-ли вы московскую квартиру?—это мнѣ тоже нужно знать.

Что Миша, гдѣ и какъ?

Я такъ себѣ: страдаю маленькой лихорадкой, но не унываю. Жить у Фета пріятно и очень спокойно. Я написалъ одну важную вещь, которую буду печатать, какъ пріѣду въ Москву.

Завтра я съ Фетами ѣду въ другую ихъ деревню, въ Воронежскую губернію, на нѣсколько дней; но Вы пишите по постоянному адресу Фета, а именно: Московско-Курской жел. дор. станція *Будановка* (Коренная пустынь), Его Вбл. Аѳанасію Аѳанасьевичу Шеншину (въ с. Воробьевки), для передачи В. С. С.

Поздравляю милую Надежду съ днемъ ея рожденія. Я въ этотъ день буду за сто верстъ отъ всякаго телеграфа, а потому и пишу заранѣе.

Надѣюсь, Люба живетъ благополучно. Уѣхала ли Маша въ Крымъ и что Сенка? Цѣлую всѣхъ крѣпко. До скораго свиданія.

Напишите непремѣнно въ Будановку.

Влад. Соловьевъ.

50.

[1887.]

Милая мама!

Я благополученъ, надѣюсь, и Вы всѣ также. Хотѣлъ со станціи телеграфировать Мишѣ и поздравить его съ днемъ его рожденія, но подумалъ, что онъ упрекнетъ меня за неумѣстную расточительность. Пожалуйста, поцѣлуйте его за меня и скажите, что я на дняхъ буду писать ему и пришлю извѣстную ему рукопись.

Здѣсь почти такъ же, какъ въ Москвѣ, деревья стоятъ еще голыя да и трава только мѣстами зеленѣетъ. Грачи кричатъ неистово, но соловьи болѣе кашляютъ, чѣмъ поютъ. Не подумайте, что это я кашляю, я совершенно здоровъ и чихаю на солнце.

Фетъ борется съ одышкой и немного дряхлѣетъ. Впрочемъ, надѣюсь, что еще продержится. Марья Петровна, накормивъ меня до безчувствія, замѣчаетъ съ грустью: „И чѣмъ только живъ? Вѣдь ничего не кушаетъ!“

Я началъ вести правильную жизнь: встаю въ девятомъ часу и ложусь соотвѣтственно.

Будьте здоровы и пишите мнѣ такъ: Московско-Курской жел. дор., станція *Коренная Пустынь*, Его В—кродію Афанасію Афанасьевичу Шеншину (с. Воробьевка). Съ передачею В. С. С.

Цѣлую крѣпко Надю и прочихъ всѣхъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

---

*

51.

[1887.]

Феты усиленно кланяются.

Милая мама!

Я живъ и стараюсь быть здоровымъ. Уже болѣе мѣсяца какъ пересталъ совсѣмъ пить вино и водку.

Думаю, что это на пользу. Количество ѣды постепенно уменьшаю къ великому отчаянію Марьи Петровны. Гуляю умѣренно и только днемъ, вообще же пребываю въ полнѣйшемъ однообразіи. Получаю множество писемъ изъ-за границы, изъ Москвы и изъ Петербурга, но большею частью ненужныхъ, а самыя нужныя и дѣловыя или пропадаютъ, или вовсе не отправляются. Сегодня, слава Богу, получилъ заразъ два письма отъ Миши, который ужъ началъ приводить меня въ отчаяніе своимъ сорокадневнымъ молчаніемъ.

Упомяну и о природѣ. Сегодня здѣсь первый день безъ дождя (съ начала мая); ночью былъ маленькій *морозъ*; что же касается до второй половины этого слова, то ихъ здѣсь огромное количество, и бѣлыхъ, и розовыхъ, и темно-красныхъ. Цвѣли въ свое время и бѣлыя акаціи, равно какъ жасминъ и сирень. Самъ же я отцвѣлъ окончательно и даже удивляюсь, думая о Васъ, что у такого старика такая еще недревняя мама.

Впрочемъ, это не мѣшаетъ мнѣ иногда чувствовать себя совершенно школьникомъ, чтобы не сказать младенцемъ.

Будьте здоровы, дорогая мама.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

52.

[1887].

Милая мама!

Посылаю Вамъ свое сердечное поздравленіе къ 7-му іюля. Въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ Вы напрасно упрекаете меня за молчаніе, такъ какъ я передъ тѣмъ писалъ Вамъ. Значитъ, наши письма разошлись, ибо не думаю, чтобъ они пропадали. А очень часто писать не о чемъ при совершенномъ однообразіи моего теперешняго житья. Здоровье мое также находится въ одинаковомъ положеніи.

Первый день безъ дождя, о которомъ я Васъ извѣщалъ, былъ и послѣднимъ. Разверзлись хляби небесныя и повергли моего хозяина въ пучину мрачнаго отчаянія. По этой же причинѣ до сихъ поръ не могъ съѣздить съ Марьей Петровной въ монастырь Коренную Пустынь, гдѣ есть чудотворная икона.

Здѣсь пока гощу только я одинъ. На-дняхъ ждутъ Страхова (котораго Вы, впрочемъ, не знаете). Объ Левушкѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я ему писалъ, но такъ какъ на адресѣ поставилъ: Крокодилу Михаиловичу, а потомъ зачеркнувши: Евфрату Михаиловичу, то, можетъ быть, это письмо и не дошло. Еще обѣщали заѣхать Кутузовъ, Цертелевъ и Кулаковскій. Но пока только пріѣзжали два раза сосѣди, разорившіеся помѣщики, мужъ и жена довольно хорошенькая, но я никакъ не могъ себя заставить отвѣчать чѣмъ нибудь на ея любезности, такъ охладѣлъ я къ этимъ матеріямъ.

Волосъ бѣлѣющій духъ укрощаетъ,
Бойкость не та, и не та ужъ осанка...

До письменнаго свиданія, милая мама.

Цѣлую Васъ крѣпко.

Надѣ писалъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

53.

[1887.]

Милая мама!

Послѣ того письма, на которое Вы отвѣчали, я послалъ Вамъ еще другое, которое Вы должны были получить около 7-го іюля. Теперь прошу Васъ, во-первыхъ, передать Павлу, что я ему отвѣчаю на-дняхъ. Затѣмъ я долженъ Вамъ сказать, что усиленное Ваше желаніе видѣть меня въ Кисловодскѣ очень тронуло мое сердце, но прочіе члены мои пребываютъ неподвижно въ Воробьевкѣ, не взирая даже на двухъ *подчеркнутыхъ* подругъ. Въ Москву я также не собираюсь. Кто и зачѣмъ выдумалъ это извѣстіе—не знаю.

Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю родныхъ и знакомыхъ, что 14-го минувшаго мая ветхій мой человѣкъ волею Божіей умре и погребенъ на лонѣ природы подъ простымъ, но изящнымъ монументомъ. на коемъ внимательный прохожій можетъ прочесть слѣдующую надпись:

Здѣсь тихая могила
Прахъ юноши взяла.
Любовь его сразила,
А дружба погребла,

а отступя нѣсколько:

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра.

Желающимъ почтить память покойнаго не возбраняется выпить и закусить.

Итакъ, если ничего особеннаго не случится, я располагаю до конца сентября пробыть въ Воробьевкѣ, а васъ прошу въ знакъ дружбы не затягивать Вашего пребыванія на Кавказѣ, а сдѣлать такъ, чтобы я нашелъ Васъ уже устроившимися въ Москвѣ.

Скажите же Павлу, милая мама, что я ему пишу.

Цѣлую Васъ крѣпко, также и всѣхъ.

О Всеволодѣ ничего не знаю.

Здѣсь съ недѣлю тому назадъ началось наконецъ лѣто, и я купаюсь въ рѣкѣ.

Будьте здоровы.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

54.

[1887.]

Милая мама!

Нѣсколько словъ, чтобы поздравить Васъ съ 23-ьимъ.

Передъ 17-ымъ писалъ Надѣ, хотя не былъ вполнѣ увѣренъ, въ Кисловодскѣ-ли она, или уѣхала прежде Васъ въ Москву. Самъ я тоже черезъ нѣсколько дней собираюсь, но не прямо въ Москву, а заѣду къ Сологубъ. 2-го же и 3-го октября надѣюсь пасть въ Ваши материнскія объятія. Итакъ, до скораго свиданія. Поздравляю Сену и цѣлую всѣхъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

Сегодня получилъ черезъ Нила Александровича 100 р., за которые благодарю пославшую оные.

Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ я чувствую себя бодрѣе. Надѣюсь найти васъ всѣхъ здоровыми. Хозяева поздравляютъ и кланяются. На всякій случай вотъ адресъ Сологуба:

Серпуховъ (Московско-Курской ж. д.). Е. С. Графинѣ Нат. Мих. Сологубъ.

55.

[1887.]

Милая мама!

Никакъ не могъ написать Вамъ до сихъ поръ потому, что тотчасъ по пріѣздѣ былъ увлеченъ въ экскурсію по Балтійскому морю, изъ которой вернулся только сегодня, посвятивъ четыре дня бездѣлью и скукѣ.

Впрочемъ, кажется, я здоровъ. Въ воскресенье 10-го, вѣроятно, буду у васъ.

Всеволода не видалъ и врядъ-ли успѣю увидать.

Если что-нибудь задержитъ меня здѣсь—напишу.

До скораго свиданія. Напишите, что у васъ дѣлается, и не забудьте мое порученіе къ переплетчику.

Мнѣ ищутъ квартиру на Васильевскомъ островѣ.

Будьте здоровы.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

56.

[1887.].

Спасибо, милая мама, сейчасъ получилъ Ваше письмо.

Я телеграфировалъ Мишѣ, чтобы онъ прочелъ то, что изъ Кіева, и переслалъ мнѣ поскорѣй заказнымъ (прочелъ бы предварительно на всякій случай, если пропадетъ между Москвой и Троицей).

Желаніе Ваше исполню, какъ только буду въ соборѣ.

Я почти не выхожу. А. Ѳ. Аксакова, у которой я обѣдалъ два раза, уѣхала третьяго дня въ Москву. А я собираюсь 12-го. Я писалъ Надѣ, что пріѣду къ обѣду, но теперь оказалось удобнѣе ѣхать вечеромъ, что и примите къ свѣдѣнію.

До скораго свиданія, милая мама.

Цѣлую всѣхъ и M-lle Брагеръ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

57.

2 янв. 1888.

Милая мама, съ новымъ годомъ и если не съ новымъ счастьемъ, то, по крайней мѣрѣ, безъ новыхъ несчастій. Надѣюсь, что у Васъ все благополучно, что Сена выздоровѣла и никто еще не заболѣлъ. А я получилъ легкую крапивную лихорадку, которая не мѣшаетъ мнѣ ни въ чемъ, но побуждаетъ однако остаться пока на мѣстѣ и не ѣздить на 2 дня въ Москву, какъ я предполагалъ. Итакъ, ждите меня только къ моему рожденію. Между 7-ымъ и 10-ымъ буду говѣть, а 11-го, вѣроятно, поѣду на нѣсколько дней въ Ярославль. Пожалуйста, передайте Ѳ. М. Дмитріеву, что болѣзнь (можете ее немножко преувеличить) помѣшала мнѣ пріѣхать въ Москву, и что въ началѣ февраля думаю непремѣнно быть у него въ Петербургѣ. Здоровъ ли Миша? Если да, то побудите его, пожалуйста, мнѣ написать. На-дняхъ я отправилъ ему заказное письмо съ нѣкоторымъ порученіемъ.

Будьте здоровы. Пишите мнѣ: Сергіевъ Посадъ (Московской губ.), Вознесенская площадь, церковный домъ, кв. А. Ѳ. Аксакова.

Цѣлую очень Надю, Сену и всѣхъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

58.

25 апр. 7 мая 1888.

Христосъ воскресе!

Милая мама!

Пишу Вамъ изъ Баденъ-Бадена, гдѣ встрѣчалъ Пасху. Представьте себѣ, что я не только былъ въ русской церкви, но даже первый разъ въ жизни выслушалъ вполнѣ всю пасхальную службу: полунощницу, заутреню, обѣдню и потомъ вечерню. Разговлялся у принцевъ Баденскихъ (Марія Максимиліановна и мужъ ея), былъ обильнѣйшій ужинъ, но я ѣлъ только пасху и салатъ и пилъ шампанское. У этихъ же любезныхъ господъ провелъ днемъ нѣсколько часовъ.

Сегодня ѣду гулять по окрестностямъ Бадена, а завтра буду въ Парижѣ.

Пишите мнѣ немедленно такъ: *Hôtel de la Couronne. Rue St. Roch. 3. Paris.*

Будьте здоровы.

Цѣлую всѣхъ крѣпко.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

Я писалъ Мишѣ изъ Варшавы. Передайте ему мой парижскій адресъ.

59.

[1888.]

Милая мама, вотъ я опять въ Петербургѣ. Спасибо за исполненныя порученія. Ольгу и Сережу я нашелъ въ порядкѣ. Завтра (воскресенье) у нихъ обѣдаю. Передъ Рождествомъ буду говѣть— у знакомаго священника—въ Удѣлахъ.

Собираюсь писать Мишѣ—до его пріѣзда въ Москву.

Письма на мое имя распечатайте и, сдѣлавъ изъ нихъ одно большое письмо, вложите въ одинъ большой конвертъ и пошлите *заказнымъ*—Петербургъ, Европейская гостиница Вл. Серг. Сол. и сдѣлайте это теперь же, пока я въ Петербургѣ, ибо въ Саблино нельзя посылать заказныхъ писемъ, тамъ нѣтъ почтоваго отдѣленія. Былъ-ли у васъ посланный отъ Петербургскаго книгопродавца Мартынова съ запиской на 200 экземпляровъ моего „Еврейскаго вопроса"? Я не торопился писать Вамъ объ этомъ, ибо надѣюсь, что Вы помните, что эти книги находятся подъ угольнымъ столомъ въ пачкахъ.

Кстати, насчетъ стола. Такъ какъ приближается часъ роковой Маше—Сенинова спектакля, то да будетъ Вамъ извѣстно, что на моемъ большомъ столѣ среди разной дряни есть нѣсколько хотя и невзрачныхъ, но весьма мнѣ необходимыхъ бумажекъ, которыя я хотѣлъ спрятать въ столъ, но, кажется, позабылъ; а посему покорнѣйше прошу всю находящуюся на столѣ бумажную канитель,—я хочу сказать всѣ рукописные, а также и печатные потроха,—тщательно собравъ и ничѣмъ не гнушаясь, ввергнуть въ ящикъ стола или въ другія укрѣпленныя и защищенныя отъ бурь мѣста.

Сказанное не относится къ пустымъ конвертамъ, ниже къ пуговицамъ отъ кальсонъ: сіи могутъ быть ввергнуты въ пещь огненную.

Получила-ли Анна Кузминична мое краткое, но сильное поздравленіе?

Цѣлую крѣпко Васъ, Надю и всѣхъ.

Милая мама! у меня черезъ нѣсколько времени откроется новый маленькій вспомогательный источникъ доходовъ, который составляетъ секретъ, хотя и происходитъ отъ трудовъ праведныхъ и даже по указанію начальства. Не любопытствуйте—не интересно.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

60.

[1888.]

Милая мама, во первыхъ, поздравляю Васъ съ новымъ годомъ и надѣюсь, что Вы его встрѣтите въ здравіи и спокойствіи. Во вторыхъ, желаю, чтобы Вы мнѣ написали, или чтобъ Надя написала, а еще лучше обѣ—сюда (Саблино, Никол ж. д. etc), гдѣ я остаюсь до 6-го или 8-го января, а тамъ въ Петербургъ, до 16-го, а тамъ опять сюда и т. д. и т. д. Я пишу Мишѣ, но такъ какъ онъ чрезвычайно медлителенъ, то напишите Вы мнѣ поскорѣе, долго ли онъ остается въ Москвѣ, такъ какъ я, можетъ быть, далъ бы ему нѣкоторыя маленькія порученія.

Я вчера было заболѣлъ горломъ, но сегодня Вашими молитвами, кажется, выздоровѣлъ.

Имѣю къ Вамъ маленькую просьбу: возьмите одну книжку „Еврейскаго вопроса“ изъ-подъ стола и пошлите ее подъ бандеролью по слѣдующему адресу: Балашовъ, Саратовской губ., учителю городского училища Василію Петровичу Ѳедорову.

Насчетъ денегъ спасибо, пока не нужно: копите на будущее.

Всѣхъ цѣлую и поздравляю.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

61.

[1889.]

Милая мама!

Передъ Рождествомъ я послалъ Вамъ письмо съ припиской Мишѣ и на особомъ листкѣ порученія относительно книгъ и проч. Вѣроятно, Вы ничего этого не получили, такъ какъ ни Вы, ни Миша мнѣ не отвѣчаете. Тамъ же я писалъ Вамъ о своемъ переѣздѣ въ Пустыньку, гдѣ и пребываю съ 28-го декабря и думаю пробыть до 17-го января. Пишите такъ: Саблино, Николаевской ж. д., м. Пустынька, В. С. Сол. Пишите простымъ письмомъ, ибо заказныхъ, по неимѣнію почтоваго отдѣленія, здѣсь не принимаютъ. Я вчера въ новый годъ подвергся своему ежемѣсячному невриту, но сегодня мнѣ лучше даже безъ гомеопатіи. Если Миша не получилъ моихъ порученій о книжкѣ, объявленіяхъ и проч., то пусть скажетъ Вамъ, или самъ напишетъ, ихъ пришлю вторично.

Это письмо посылаю съ окказіей черезъ Петербургъ и потому заказнымъ.

Будьте здоровы. Всѣхъ цѣлую.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

62.

[1889.]

Вѣроятно, Вы мнѣ писали въ Петербургъ, милая мама, но я съ 30-го января въ деревнѣ, а во вторникъ или среду возвращаюсь опять въ Петербургъ.

Что у васъ дѣлается, какъ сошелъ спектакль? Обо мнѣ Васъ, вѣроятно, извѣстилъ Михаилъ Николаевичъ Лопатинъ, съ которымъ я дважды видѣлся.

Можетъ быть, еще великимъ постомъ прiѣду въ Москву.

Будьте здоровы, пишите въ Европейскую гостиницу.

Всѣхъ цѣлую.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

63.

26 іюня 1889. Петербургъ.

Милая мама!

Когда я уѣзжалъ изъ Москвы, Вы еще ничего не рѣшили о Вашемъ лѣтѣ, и только недавно, проѣзжая черезъ Москву, я узналъ, что Вы на Кавказѣ. Поэтому я Вамъ до сихъ поръ не писалъ, а также не могъ поздравить и Надю со днемъ ея рожденія. Вамъ же мой адресъ (у Цертелева) былъ извѣстенъ, и вы (т. е. Вы, или Надя или Сена) могли туда попасть передъ отъѣздомъ на Кавказъ.

Проведя около мѣсяца у Цертелева, я заѣхалъ къ Дмитріеву въ его Сызранскую деревню, а оттуда вверхъ по Волгѣ на Самару, Казань и Нижній. Въ Москвѣ былъ только одинъ день: видѣлъ Поповыхъ и Дѣдовскихъ. Нила нашелъ въ прежнемъ видѣ, но Вѣра очень уныла.

Въ Дѣдовѣ все благополучно. Миша поздоровѣлъ и ѣстъ за трехъ. А я—представьте себѣ!—вчера ѣздилъ въ Финляндію къ Боткину, чтобы онъ мнѣ объяснилъ, отчего меня каждый день рветъ. Онъ послѣ внимательнаго изслѣдованія никакихъ настоящихъ болѣзней во мнѣ не нашелъ, а только одну общую „иннервацію", отъ которой, какъ радикальное средство, посовѣтовалъ жениться, или, по его выраженію, „спориться" и жить спокойно. А за неудобоисполнимостью этого совѣта прописалъ пилюли. Пить не только разрѣшилъ, но и рекомендовалъ, разумѣется—„безъ эксцессовъ". Безмясную діэту одобрилъ.

На дняхъ уѣзжаю отсюда сначала въ Москву и ея окрестности, а потомъ—не знаю. Писать можете черезъ Мишу.

Настоящее письмо придетъ къ Вамъ, вѣроятно, около дня Вашего рожденія, съ которымъ сердечно поздравляю. Крѣпко цѣлую васъ всѣхъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

64.

[1893.]

Вотъ Вамъ и письмецо, милая мама, хотя и не по почтѣ, а съ окказіей.

Адресъ свой пишу на прилагаемомъ листкѣ, который передайте Машѣ. Я живу еще среди зелени, на берегу Океана. Въ Россію возвращаюсь въ декабрѣ; прямо ли въ Москву, или черезъ Петербургъ,—еще не знаю. Здоровье мое такъ себѣ, но чувствую старость, и волосы ужасно падаютъ. Трубецкой обѣщается къ Вамъ зайти и разсказать про мое житье-бытье у нихъ, хотя собственно нечего разсказывать. Сижу надъ книгами, а то волны морскія считаю. Рвотъ у меня почти нѣтъ, но страдаю отъ дѣвичьей немочи. Скоро два мѣсяца какъ изъ крѣпкихъ напитковъ пью только сидръ (яблочный квасъ), а если случайно выпью рюмку коньяку, то заболѣваю головой, какъ Миша. Ну, а у васъ что на Пречистенкѣ? Буду радъ письму.

Крѣпко цѣлую Васъ, Надежду и всѣхъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

65.

[1896.]

Милая мама!

Сена дала мнѣ адресъ Павла, но я его потерялъ, а потому прошу Васъ переслать по принадлежности прилагаемую записку (заказнымъ), которую можете прочитать.

У меня больше работы, чѣмъ времени, и отъ многописанія начинаетъ сводить правую руку.

Въ Москвѣ очень хотѣлъ бы побывать, но едва-ли удастся раньше конца апрѣля. Надю, Мишу и всѣхъ присныхъ цѣлую.

Надѣюсь до свиданія еще въ этомъ году, если только Вы не слишкомъ будете торопиться на Кавказъ.

Я вообще здоровъ и страдаю только выпаденіемъ волосъ; это все-таки лучше, чѣмъ выпаденіе кишки.

Прося родительскаго благословенія Вашего, остаюсь любящій и почтительный сынъ

Влад. Соловьевъ.

66.

[1898.]

Милая мама!

Очень жалѣю, что послѣдніе дни никакъ не успѣлъ заѣхать къ Вамъ проститься: нужно было кончать нѣсколько неотложныхъ дѣлъ, безъ которыхъ не могло бы состояться мое путешествіе. Съ Сеной я благополучно разъѣхался. Сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы заѣхать къ Вамъ на Кавказъ, но отъ меня зависитъ очень немногое.

Во всякомъ случаѣ прошу Васъ на меня не сердиться и заочно благословить меня въ далекое, но недолговременное путешествіе.

Выѣзжаю сегодня, а въ Свѣтлое Воскресенье буду уже на пароходѣ. Я останавливался у Нади, но на послѣдній день переѣхалъ въ „Славянскій Базаръ" для тщательнаго ремонта своей наружности, что̀ въ гостиницѣ сдѣлать удобнѣе, нежели въ домѣ Скородумова, гдѣ къ тому же поправляли трубы.

Миша здоровъ, но утомленъ посѣщеніями больной Марконетъ, которой, впрочемъ, врачи обѣщаютъ непремѣнное выздоровленіе. Я довольно здоровъ и надѣюсь окончательно поздоровѣть на морѣ. Хотя сегодня только четвергъ, но смѣло могу Васъ увѣрить, что Христосъ воскресъ.

Примите это извѣстіе отъ меня теперь же, такъ какъ съ корабля трудно будетъ его послать. До свиданія, милая мама, обнимаю крѣпко Васъ и Сену. Увидимся, можетъ-быть, черезъ шесть недѣль, а вѣрнѣе—черезъ шесть мѣсяцевъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ

Письма къ Н. Н. Арсеньеву.

1.

[Сент. 1891.]

Вчера я послалъ Михаилу Матвѣевичу статью о народной бѣдѣ и общественной помощи, гдѣ вторгаюсь въ Вашу область. Но статья эта имѣетъ связь кой съ какими обстоятельствами, о которыхъ сообщу при свиданіи. Въ Петербургъ собираюсь около 20-го октября, а до того съѣзжу на короткое время въ Кіевъ. У насъ здѣсь устраиваются публичныя лекціи въ пользу голодныхъ. Не пріѣдете ли и Вы съ Владиміромъ Даниловичемъ? Конечно, Вы и въ Петербургѣ можете то-же устроить, но одно другому не мѣшаетъ. Пишу Вамъ это отъ имени цѣлаго образующагося комитета, и если бы Вамъ показалось это возможнымъ, сообщите мнѣ.

До свиданія.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

P. S. NB. Отчего въ объявленіи о словарѣ мнѣ присвоено не принадлежащее мнѣ званіе профессора? *Очень прошу* Васъ сообщить, кому слѣдуетъ, чтобы впредь этого не было.

2.

[1891.]

Простите первую неаккуратность, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ, и какъ на смягчающее обстоятельство обратите вниманіе на посвященный мнѣ сегодняшній № „Московскихъ Вѣдомостей“ (понедѣльникъ, 21-го окт.).

Списокъ всѣхъ словъ на букву *В* вышлю самое позднее въ среду; Валентина и К° въ концѣ недѣли, а въ началѣ будущей — явлюсь самъ.

До свиданія.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

3.

22 октября 1891 г.
Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Вчера послалъ Вамъ всѣ присланныя Вами статьи, а вотъ списокъ словъ на *В* по философско-религіозному отдѣлу, за исключеніемъ фамилій философскихъ писателей, для полнаго списка которыхъ не имѣю здѣсь данныхъ. Дополнить списокъ и разграничить области нужно будетъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, т. е. 31-го октября или 1-го ноября. Валентина и К° пришлю раньше.

Я въ ужасныхъ хлопотахъ. „Московскія Вѣдомости" рѣшили заранѣе на всякій случай изъять меня изъ обращенія, да кстати и Грота съ Психологическомъ Обществомъ. Думаю, что Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

Надѣюсь, что не причинилъ Вамъ серьезныхъ задержекъ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ устрою все, какъ слѣдуетъ.

Будьте здоровы.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

4.

[1891.]

Посылаю Вамъ Валентиніанъ, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ, и еще 17 мелкихъ статей. Завтра думаю выѣзжать изъ дому, и дней черезъ 10 въ Петербургъ. Корректуру Валентина желательно было бы держать самому; но относительно греческихъ удареній позвольте слѣдовать примѣру Шопенгауэра: для знающихъ по-гречески они не нужны, а незнающіе будутъ все равно пропускать греческія слова. Во всякомъ случаѣ лучше отсутствіе удареній, чѣмъ ударенія ошибочныя, а добиваться отъ типографіи безошибочности—игра не стоитъ свѣчъ. До скораго (надѣюсь) и интереснаго свиданія. Впрочемъ, еще до пріѣзда пришлю дюжину другую статей и напишу.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

NB. Завтра или послѣ 15-го ноября 1891. Завтра я переселяюсь (на время радикальной дезинфекціи квартиры) въ гостиницу „Славянскій Базаръ“, куда и прошу извѣстить о полученіи статей.

5.

[1891.]

Многоуважаемый

Константинъ Константиновичъ!

Рекомендую Вамъ Нила Тимоѳеевича Владимірова, крупнаго землевладѣльца изъ крестьянъ (Калужской губ.). Онъ разскажетъ Вамъ много интереснаго и полезнаго. Побесѣдуйте съ нимъ обстоятельно. А относительно нашихъ словарныхъ дѣлъ, спѣшу сообщить Вамъ, что нисколько не стою ни за Валлу, ни за Ваттеля: въ первой статьѣ мнѣ собственно принадлежатъ только 2 фразы, а во второй, кажется, ни одной. Не помню, писалъ ли я Вамъ, что хочу написать самъ по первымъ источникамъ статьи о Василидѣ Гностикѣ, Вардесанѣ и нѣсколькихъ важныхъ схоластикахъ на *В*. Завтра возвращаюсь на прежнюю квартиру (Пречистенка, д. Лихутина), откуда пришлю Вамъ нѣсколько статей, а затѣмъ въ послѣднихъ числахъ собираюсь въ Петербургъ. Что касается до греческихъ удареній, то принимаю Вашъ резонъ и поставлю ихъ въ корректурѣ.

Будьте здоровы.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

6.

[1892.]

Возвращаю корректуру, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ, уснащенную греческими удареніями. Согласенъ съ Вами въ необходимости единообразія, но думаю единообразіе въ моемъ смыслѣ (т. е. безъ удареній) было бы лучше. Насчетъ „воспитанія“, „вѣротерпимости“ и т. д. не имѣю ничего возразить.

Прилагаю 4 маленькія статейки на случай, если Вы ихъ еще не заказали. Такъ какъ я не прислалъ Вамъ списокъ собственныхъ именъ по своему отдѣлу, то не могу претендовать на помѣщеніе всего мною доставленнаго.

Составленіемъ этихъ мелкихъ статей, не требовавшихъ напряженія ума, во время моей болѣзни и выздоравливанія я хотѣлъ только доказать, что и въ семъ грустномъ положеніи не забываю о нашемъ дѣлѣ.

Послѣ дифтерита я перенесъ еще инфлуэнцу, а теперь сижу въ крапивной лихорадкѣ и нѣсколькихъ спѣшныхъ работахъ.

Тѣмъ не менѣе въ первыхъ числахъ декабря разсчитываю быть въ Петербургѣ. Вардесана и Василида Гностика *постараюсь* доставить до пріѣзда.

Искренно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

7.

[1892.]

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Я имѣю въ виду *внушеніе* лишь въ общемъ и широкомъ смыслѣ, и очень радъ, если это не нужно: по моему, такая словесность не дѣло реальнаго словаря. Статья Розенбаха, которую возвращаю, вполнѣ удовлетворительна и устраняетъ всякую надобность въ моей замѣткѣ. Но ужъ, пожалуйста, и впредь держитесь этого правила и не спрашивайте у меня статей о возбужденности, вспыльчивости и т. п. (отчего ужъ тогда не напечатать и о „влюбленности“ или о „поцѣлуѣ“, какъ у Larousse'а: Le baiser est l'acte de rapprocher les lèvres en signe d'affection ou de respect).

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

Если бы впредь встрѣтился подобный же случай, уполномачиваю Васъ разъ и навсегда поступать по собственному усмотрѣнію. Я уже заранѣе одобряю всякое Ваше сокращающее и упрощающее дѣйствіе насчетъ меня.

Влад. Соловьевъ.

Въ пятницу отправилъ Вамъ все требуемое и болѣе.

8.

[1892.]

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Не думайте, что я полѣнился написать больше на слово „Вещество“. Увѣряю Васъ, что почти все его содержаніе (философское) неизбѣжно распредѣляется по словамъ: матерія, матерьялизмъ, атомъ, атомизмъ, механическое міросозерцаніе и т. д. Я хотѣлъ вмѣстѣ со своими отправить Вамъ статейку Челпанова о „вниманіи“, но со вниманіемъ ее разсмотрѣвши, увидѣлъ, что она нуждается въ коренной передѣлкѣ. Въ Москвѣ меня задерживаютъ des raisons majeures чисто-личнаго свойства, но тѣмъ не менѣе majeures. Послѣдній срокъ моего прибытія—1-ое февраля.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Евгеніи Ивановнѣ.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

9.

[1892.]

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Винословіе (въ философскомъ смыслѣ) значитъ то-же, что *причинность*, и статья должна быть подъ общеупотребительнымъ словомъ. Таково единогласное мнѣніе здѣшнихъ философовъ: Грота, Лопатина, Колубовскаго, Преображенскаго и бывшаго здѣсь проѣздомъ Радлова, съ которымъ я на всякій случай посовѣтовался. И такъ ограничьтесь пока ссылкой: *Винословіе* см. *Причинность*. Сохраните, пожалуйста, рукопись „Византизма": можетъ мнѣ пригодиться какъ программа статьи или статей. Послѣднее время я хвораю (симпатическій нервъ и т. п.). Въ Петербургъ и нужно скорѣе, и нельзя. Напомните на всякій случай, какія слѣдуетъ, слова.

Будьте здоровы. Передайте, пожалуйста, мое почтенье Евгеніи Ивановнѣ.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

10.

14 Мая 1892 г. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Вчера я послалъ Вамъ двѣ маленькія статейки на *возможность* и *возникновеніе*. При *возбужденіи* я ссылаюсь на *раздраженіе*, а при *вольнодумствѣ* на *вольтеріанство*, которое будетъ вѣроятно вмѣстѣ съ *Вольтеромъ*. *Возможность* и *возникновеніе* суть, конечно, темы философскія и весьма богатыя; тѣмъ не менѣе я не счелъ нужнымъ о нихъ распространяться и ограничился краткими указаніями и ссылками. По этому случаю долженъ сообщить Вамъ два общія правила, которыхъ рѣшилъ держаться въ этомъ дѣлѣ.

1) Съ нѣкоторою обстоятельностью писать только статьи подъ именами философовъ или философскихъ школъ, т. е. относящіяся къ *исторіи философіи*, а терминамъ общимъ и отвлеченнымъ посвящать лишь самыя краткія замѣтки. Это необходимо, ибо иначе пришлось бы или повторять по данному предмету идеи философовъ, излагаемыя подъ ихъ именами, или проповѣдывать собственные свои взгляды, или вдаваться въ словесность. Все это было бы выгодно для меня, но невыгодно для издателей и читателей. Исключеніе нужно сдѣлать для такихъ терминовъ, которые связаны съ очень сложными и запутанными вопросами, напр. свобода воли, здѣсь можетъ быть полезна расчистка почвы для правильной постановки вопроса независимо отъ того или другого его рѣшенія; о свободѣ воли я намѣренъ написать большую статью, но до этого еще далеко.

2) При терминахъ тождественныхъ или близкихъ по значенію я всегда отдаю предпочтеніе тому, которые ближе къ концу словаря по тому простому соображенію, что статьи написанныя въ 1895 или 1896 (а если Д. И. Менделѣевъ постарается, то и въ 1900 или 1905) непремѣнно будетъ coeteris paribus удовлетворительнѣе статьи, написанной въ *1892* г.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

О переѣздѣ на дачу извѣщу.

11.

17 Мая 1892 г. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Возвращаю Вамъ „возрожденіе“ и „воздвиженіе“, изъ коихъ послѣднее исправилъ только корректорски, а первое и редакторски. Свою поправку въ формулированіи Лютерова ученія объ оправданіи могу защищать съ оружіемъ въ рукахъ. Въ этой же статьѣ я провѣрилъ ссылки на Новый Завѣтъ. Надѣюсь, что я не зашелъ слишкомъ далеко въ моемъ стремленіи внушить наборщику, что Тимъ, не есть Тимоѳей и что греческое ν передъ γ превращается въ γ.

Ѣду на нѣсколько дней въ Курскую губ., откуда пришлю Вамъ „волю“ и „воспріятіе“. Вѣроятно, Вы не прислали мнѣ „вознесенія“ по причинѣ краткости; дѣйствительно подъ этимъ словомъ можно было бы ограничиться ссылкой на Дѣянія апостоловъ, если только нѣтъ какихъ нибудь опредѣленныхъ историческихъ указаній относительно установленія праздника, въ чемъ сомнѣваюсь.

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Евгеніи Ивановнѣ и Мэри и не оставляю надежды, когда пріѣду въ Петербургъ, побывать и у васъ въ деревнѣ. Всего вѣроятнѣе, это будетъ въ іюлѣ.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

12.

28 мая 1892. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Прилагаемыя корректуры запоздали не по моей винѣ, а по невѣжественной наглости почтоваго чиновника, увѣрившаго моего брата, что въ станціи Коренная Пустынь (куда я уѣхалъ) нѣтъ почтоваго отдѣленія для заказныхъ писемъ, тогда какъ оно существуетъ тамъ уже пятый годъ, а послать простымъ письмомъ братъ не рѣшился.

„Волю" Вы конечно получили, я отправилъ ее въ пятницу *22-го* мая. „Воспріятіе" посылаю завтра; оно почти готово.

Остальныя на *В*—надѣюсь—къ *10-му* іюня. А кому посылать послѣ Вашего отъѣзда изъ Петербурга?

Я пріѣду въ теченіе этого лѣта непремѣнно, но когда именно, еще не могу опредѣлить.

Будьте здоровы.

Истинно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

Съ воскресенья моя главная квартира переносится на полуст. *Сходня*, Николаевской жел. дор. (для простой корреспонденціи и телеграммъ).

13.

15 октября 1891. Москва, Пречистенка, д. Лихутина

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Завтра или послѣзавтра посылаю Вамъ исправленныя мною статьи (присланныя Вами) и списокъ словъ на *В*, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней отправлю свои оригинальныя статьи.

Вѣданта (я пишу черезъ ѣ) беру навѣрное, а *Вѣдать* хочу взять, если не окажется у Васъ спеціалиста по санскриту. Но отчего же бы не найти—это лучше.

Лекціи, о которыхъ писалъ Вамъ, едва-ли могутъ организоваться, ибо въ принципѣ рѣшено не допускать никакихъ предпріятій въ пользу голодающихъ.

Какъ я представляю себѣ практическое осуществленіе того, о чемъ писалъ въ „Вѣстникѣ Европы“—поговоримъ при свиданіи. Къ 1-му ноября мнѣ необходимо быть въ Петербургѣ, какъ для Словаря, такъ и для другихъ дѣлъ. Прошла ли Ваша инфлуэнца? Здѣсь всѣ окружающіе меня также ею одержимы въ весьма упорной формѣ.

Чортъ знаетъ, какая-то апокалиптическая болѣзнь!

До свиданія.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

14.

6 сентября 1892. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Ни Гартлея и ни какихъ другихъ корректуръ, возвѣщенныхъ въ Вашемъ письмѣ, я не получалъ. Недоумѣваю. Я послалъ Семену Аѳанасьевичу три слова на *Г*, а Габлера я сослалъ къ Гегельянцамъ, но если у Васъ уже есть статья, то можно напечатать. За Гамильтономъ я хотѣлъ обратиться къ проф. Троицкому, если же окажется поздно, то напишу самъ, также какъ и Гарве. О Гартманѣ получилъ статью Цертелева, но ее нужно передѣлать и дополнить. Пришлю на дняхъ вмѣстѣ со своими. Мысль о Дмитріѣ Ивановичѣ Менделѣевѣ съ его *газами* погружаетъ душу мою въ полную безмятежность

Очень жалѣю, что Вы хвораете; самъ я на это пожаловаться не могу. До половины октября едва-ли соберусь въ Петербургъ, а тогда ужъ навѣрно.

Передайте, пожалуйста, Семену Аѳанасьевичу, что я пишу для него свою автобіографію, но что это гораздо труднѣе и дольше, чѣмъ я думалъ.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

Посылаю Михаилу Матвѣевичу прекрасную статью о Леонтьевѣ князя Трубецкого подъ заглавіемъ: *Разочарованный славянофилъ*.

15.

30 Ноября 1892. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Извѣстите меня, пожалуйста, доставилъ ли Колубовскій въ редакцію статью о Гербартѣ—Козлова или свою; если нѣтъ,—имѣете ли вы людей и время для перевода статьи изъ нѣмецкаго Брокгауза. Если нѣтъ, то я поспѣшу выслать Вамъ небольшую статью, вполнѣ соотвѣтствующую—на мой взглядъ—дѣйствительному значенію этого философа. Вы видите, что я только въ крайности и при независящихъ отъ меня неустранимыхъ обстоятельствахъ позволяю себѣ соразмѣрять объемъ и характеръ статей съ моею субъективною оцѣнкою ихъ предмета.

Гераклита, если есть время, пришлите мнѣ въ гранкахъ, ибо Трубецкой согласенъ и на дальнѣйшія сокращенія. Если Вы найдете возможнымъ сдѣлать ихъ сами, то только лучше.

Гермеса Трисмегиста, Гетчесона, Гилозоизмъ и Гипатію я Вамъ пришлю; Гностиковъ и Горгія передамъ лично; также разныхъ (восточныхъ) Григоріевъ. Очеркъ греческой философіи напишетъ Трубецкой (или я). Гирнгаймъ, Глэнвилль, Гоббесъ, Гольбахъ и Гэлинксъ—за Радловымъ.

Русскіе философы на *Г*—за Колубовскимъ. Вотъ, кажется, и все. Непоименованныя мелкія статьи пускай переводятся изъ Брокгауза.

Думаю вернуться между 15-ымъ и 20-ымъ.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

16.

[1892.]

Вотъ и Гетчесонъ, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ; надѣюсь,—за его краткость Вы не сочтете слишкомъ длиннымъ моего Гермеса Трисмегиста, котораго я и такъ сократилъ до-нельзя. Если Вы его прочли, то вѣроятно согласились, что у него есть любопытные пункты. Я не могъ подчеркивать въ виду духовной цензуры.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

Поздравляю Васъ и Евгенію Ивановну съ наступающими праздниками. Передайте также мое глубокое почтеніе m-lle Mary, если она меня не забыла.

О дальнѣйшей своей судьбѣ ничего опредѣленнаго не знаю.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

NB. *Пятна отъ дезинфекціи.*

17.

[1893.]

Я полагалъ, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ, что вопросы о деспотіи, конституціи и т. д. болѣе относятся къ *формамъ правленія*, нежели къ идеѣ *власти*. Съ юридическою литературой по этому предмету я недостаточно знакомъ. Болѣе подходилъ мнѣ вопросъ объ отношеніяхъ духовной власти къ свѣтской, но на немъ я не хотѣлъ останавливаться по цензурнымъ и другимъ внѣшнимъ соображеніямъ. Вообще я по слабохарактерности не послѣдовалъ примѣру короля Милана и не отрекся отъ власти. Всякимъ дополненіямъ могу быть только радъ.

Противъ упоминанія о психологическихъ курьезахъ Владислава ничего не имѣю. Радловъ также согласенъ на всякія измѣненія въ его неподписанной статьѣ.

Въ серединѣ недѣли пришлю ближайшія слова. Пріѣхавъ изъ Петербурга, я чувствовалъ себя очень хорошо, но теперь опять плохо. Здѣсь томительная жара,—вѣроятно, передъ грозой.

Усердный поклонъ Евгеніи Ивановнѣ и miss Mary.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

18.

[1893.]

Вотъ и моя очередь сидѣть съ гриппомъ, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ. Болитъ горло и сильно кашляю. Пришлите, пожалуйста, Гуго изъ С.-Виктора, а также если есть какія нибудь поповскія статьи. Внесенъ ли въ списокъ на *Д* индійскій философъ Джаймини? Его, впрочемъ, можно и на *Ж*. Написать о немъ могу я самъ.

Сейчасъ получилъ вновь изданный важный источникъ по гностицизму. Ради него необходимо будетъ сдѣлать особую статью подъ словомъ *египетскій гнозисъ*.

Гротъ прислалъ своего Декарта.

До свиданія.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

19.

[1893.]

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Тороплюсь на почту и потому пишу Вамъ теперь только объ одномъ необходимомъ дѣлѣ. Кн. Трубецкой уѣзжаетъ за-границу, оставляя мнѣ статью *греческая философія*, но онъ еще не получалъ гонорара за Гераклита. Вчера я заѣзжалъ къ здѣшнему агенту словаря д-ру Закку, но у него бѣднаго умираетъ жена послѣ родовъ, и я не захотѣлъ утруждать его этой комиссіей. Будьте такъ добры, скажите И. А. Ефрону, чтобы онъ распорядился скорѣйшею посылкою гонорара (максимальнаго для постороннихъ сотрудниковъ) по слѣдующему адресу:

Князю Сергѣю Николаевичу Трубецкому, Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный переулокъ, домъ Общества русскихъ врачей. Это нужно какъ можно скорѣе.

Отъ *Григорiевъ* отказываюсь, объясню въ ближайшемъ письмѣ. За мной теперь на *Г*—только *Горгій* и *Гюнтеръ*.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

20.

[1893.]

Нисколько не отказываюсь отъ означенныхъ словъ, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ, а просто забылъ о нихъ.

Посылаю три первыя. Прочія вмѣстѣ съ Горгіемъ. Отъ Григоріевъ отказываюсь по слѣдующимъ причинамъ. Въ статьѣ о Григоріи Назіанзинѣ (Богословѣ) я не могъ бы обойти его взглядъ на развитіе догматовъ, его мнѣніе, что слѣдуетъ держать въ тайнѣ Божество Духа Святого, такъ какъ общее сознаніе еще не подготовлено къ этой истинѣ, и, наконецъ, его взглядъ на соборы епископовъ (въ частности 2-ой вселенскій соборъ), какъ на величайшее зло для христіанства. Въ статьѣ о Григоріѣ Нисскомъ я не могъ бы умолчать о его отрицаніи вѣчности адскихъ мученій, а также и его утвержденіи, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына. Все это мною подписанное привлекло бы вниманіе цензуры и могло бы дать П—ву желанный поводъ устранить меня изъ Словаря, какъ я уже устраненъ изъ ученыхъ обществъ. О третьемъ же Григоріи (Неокесарійскомъ или Чудотворцѣ) мнѣ пришлось бы сказать только два слова, но также неудобныя, именно, что всѣ его сочиненія потеряны, вѣроятно, не случайно, а потому что онъ, какъ вѣрный ученикъ Оригена, былъ съ позднѣйшей точки зрѣнія еретикъ, а между тѣмъ имѣлъ въ христіанскомъ народѣ огромную славу какъ чудотворецъ.

До свиданія—въ Москвѣ или Петербургѣ?

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

Обратите вниманіе, что бы въ типографіи не перепутали Гомоусіосъ и Гомойусіосъ—это почти всегда случается.

21.

Hôtel Vouillemont. Rue Boissy—d'Anglas. 19/31 окт. 1893.

Спѣшу отвѣтить Вамъ, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ. Послѣ отъѣзда Трубецкихъ я вмѣсто того, чтобы отправиться въ Шартръ для уединенія, разсудилъ, что отъ добра добра не ищутъ, къ тому же море и теплый климатъ несомнѣнныя преимущества, а потому остался здѣсь одинъ, переѣхавши только въ гостиницу; такимъ образомъ адресъ мой до 3-го ноября (русскаго) *Hôtel des Bains, Dinard* (Ille et Vilaine). Чтобы на дѣлѣ доказать свое искреннее сочувствіе сокращенію Словаря, сокращаю Дэвиса (Андру Джэксона, американскаго спирита), велите перевести его изъ нѣмецкаго Брокгауза, а также Дюрана де Сенъ Пусэна (Durandus)—схоластика XIV вѣка—также можно перевести изъ нѣмецкаго Брокгауза, а если тамъ нѣтъ, то изъ исторіи средневѣковой философіи *Ueberweg'a*, полстранички, т. е. $^1/_2$ столбца. Такимъ образомъ останется на *Д* только *Дѣйствіе*, *Дѣйствительность* и *Дюшенъ* (аббатъ, лучшій современный французскій ученый по части церковной исторіи и археологіи, признанный въ Германіи; онъ мнѣ далъ свѣдѣнія о себѣ—это выйдетъ $^1/_4$ столбца). Пришлю все это въ началѣ ноября, а отъ Васъ жду корректуру Дунса.

Ловитву свою послалъ М. М. въ воскресенье 17-го; надѣюсь, не опоздастъ для самаго конца книжки. Передайте ему, пожалуйста (если успѣете), что я не буду имѣть ничего противъ того, чтобы онъ похѣрилъ совсѣмъ всю вторую часть письма (фиктивную проповѣдь), окончивши статью такъ: и неужели только *улица* и больше ничего?

Этотъ вопросъ отлагаю до слѣдующаго письма; и вмѣсто моей подписи X. Впрочемъ, предоставляю это на его усмотрѣніе.

Усердно кланяюсь Евгеніи Ивановнѣ и всѣмъ Вашимъ.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

22.

Paris, le 18/30 Nov. 1893.

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Вы конечно получили *Дѣйствительность* и проч. Извѣстите меня объ этомъ, пожалуйста, по вышестоящему адресу, а также пришлите гранки Дунсъ-Скота (2 экз.), какъ я Вамъ писалъ, мнѣ нужно сдѣлать тамъ одну поправку. Я этою ночью прiѣхалъ въ Парижъ не совсѣмъ здоровымъ, но кажется, это сдѣлалось непрерывно хроническимъ. Писать могу съ грѣхомъ пополамъ. Вскорѣ послѣ посланнаго Вамъ я отправилъ Михаилу Матвѣевичу статью „Первый шагъ къ положительной эстетикѣ" (передѣланная глава изъ приготовленной къ печати книги), гдѣ я между прочимъ защищаю извѣстный Вамъ, вѣроятно, трактатъ объ эстетическихъ отношенiхъ искусства къ дѣйствительности—это даетъ нѣкоторый интересъ статьѣ, если бы она и не имѣла другого.

Здѣсь руссоманiя начинаетъ, повидимому, остывать,—какъ бы не вышло реакцiи. Очень много интереснаго, но трудно разсказать въ письмѣ. Главное, впрочемъ, вѣроятно, доходитъ до васъ печатнымъ путемъ.

Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, я буду въ Петербургѣ — пишу такъ увѣренно потому, что 15-го декабря у меня тамъ есть неотложное дѣло матерьяльнаго характера, которое не можетъ произойти безъ моего личнаго присутствiя. Кстати: будьте такъ добры, передайте, кому слѣдуетъ, въ Словарѣ: за ними мой гонораръ за Демона и Данилевскаго, прошу присоединить къ нему таковой же за Дунса-Скота и Дѣйствительностъ и прислать мнѣ какъ можно поскорѣе (это выйдетъ рублей 200) сюда по вышеозначенному адресу. Я здѣсь остаюсь 2 недѣли, не больше. Прошу Васъ передать мой усердный поклонъ Евгенiи Ивановнѣ и Мэри.

Истинно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

23.

25 (ст. с.) ноября 1893.

Парижъ. Hôtel Vouillemont, 15, Boissy—d'Anglas.

Сейчасъ получилъ Ваше второе письмо, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ, какъ разъ въ то время, когда собирался отвѣтить на первое.

Вы ничего не пишите о Радловѣ. Надѣюсь, что его нездоровье несерьезно. Я не знаю его теперешняго адреса, а въ библіотеку онъ, если боленъ, то значитъ не ходитъ, поэтому будьте столь добры, перешлите ему прилагаемое письмецо.

Здѣсь находится извѣстный Вамъ Водовозовъ, котораго я, когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга, направилъ въ круги „католическаго соціализма“ или „соціальнаго католицизма“, чѣмъ онъ воспользовался и написалъ обширную статью объ этомъ движеніи. Онъ желалъ бы напечатать ее въ „Вѣстникѣ Европы“, но думаетъ почему-то, что встрѣтитъ сопротивленіе въ нѣкоторыхъ членахъ редакціи (не въ Васъ). Я написалъ Михаилу Матвѣевичу о статьѣ (которую привезу съ собою). Вѣроятно, опасенія Водовозова ошибочны или преувеличены, но, во всякомъ случаѣ, я разсчитываю на Вашу поддержку. Статья не умѣстится въ одной, а пожалуй и въ двухъ книжкахъ. Я предложу Водовозову свое содѣйствіе для сокращеній и вообще для литературной ретуши; надѣюсь, онъ не одержимъ авторскою мегаломаніей.

Кстати: въ Дунсъ-Скотѣ я не замѣтилъ никакихъ выпусковъ,— значитъ, Вы несомнѣнно зачеркнули только лишнее. Сдѣлайте то-же и съ Дѣйствительностью. На прочтеніе своей статьи въ вашемъ кружкѣ согласенъ съ удовольствіемъ. Она, кажется, понравилась Михаилу Михайловичу, а также, надѣюсь, и Александру Николаевичу, но къ январю ее можно дополнить и усовершенствовать. Усердно кланяюсь Евгеніи Ивановнѣ, Мэри и всѣмъ Вашимъ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

Изъ Словаря еще не получилъ; вѣроятно, получу завтра.

P. S. „Душу міра“ я напишу для дополненія, если не требуется слишкомъ скоро.

24.

30 сентября 1894. Иматра. Рауха (пансіонъ Альма).

Вотъ Вамъ Кампанелли, многоуважаемый Константинъ Константиновичъ, а Каббалу я переслалъ Марголину въ два пріема: 27-го сентября изъ Выборга и 28-го изъ Иматры. Пришлось написать самому, ибо статья Гинцбурга, основательная и содержательная сама по себѣ, написана для однихъ ученыхъ, а не для публики, ученіе Каббалы болѣе предполагается, чѣмъ излагается; есть вещи нецензурныя по отношенію къ Библіи и т. д. Я постараюсь помѣстить ее въ философскомъ журналѣ—тамъ въ спеціальномъ отдѣлѣ ей настоящее мѣсто.—Я напишу Гинцбургамъ и сыну, и отцу, но, можетъ быть, съ послѣднимъ Вы встрѣтитесь до того на зеленомъ полѣ. Въ такомъ случаѣ прошу васъ очень передать ему мои похвалы статьѣ его сына, но вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовать, что краткость и общедоступность статей ставится редакціей какъ непремѣнное условіе, сокращать же статью (это уже мое мнѣніе), въ виду ея содержательности, было бы жалко и гораздо лучше напечатать ее цѣликомъ въ другомъ мѣстѣ.

Чтобы Вы видѣли, насколько статья бар. Гинцбурга удовлетворяетъ требованію общедоступности, я списалъ и посылаю Вамъ 2 страницы изъ нея. Какъ я сказалъ, самъ авторъ почти не излагаетъ умозрительнаго ученія Каббалы, но чтобы дать читателямъ понятіе о содержаніи и стилѣ этого ученія, онъ приводитъ въ буквальномъ переводѣ начало книги Цохоръ.

Вотъ оно (на особомъ листкѣ).

Не правда ли, что этотъ пассажъ, помимо собственной неудобоваримости, можетъ дать удобный поводъ для всякихъ издѣвательствъ и придирокъ „Новому Времени“ и К°.

Но, пожалуйста, поддержите меня въ глазахъ стараго барона; Вы знаете, что я его очень люблю. Я пока здѣсь благоденствую. Въ Петербургѣ думаю быть 17-го. Мой усердный поклонъ Евгеніи Ивановнѣ и Мэри.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

25.

[1895.]

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Доставленный мною въ редакцію списокъ былъ только предварительный, какъ я и объяснилъ М. М. Марголину. Тѣмъ не менѣе меня изумляетъ отсутствіе нѣкоторыхъ словъ. Я не могъ, напримѣръ, не записать Локка. Быть можетъ, Вамъ сообщены только слова, взятыя мною для себя лично? Но и въ такомъ случаѣ непонятно отсутствіе Раймунда Люллія, котораго я несомнѣнно назначилъ себѣ самому и помню, какъ записалъ его. Впрочемъ, это не важно.

Относительно всецѣлаго предоставленія *Ланге* Петру Б. Струве никакихъ возраженій не имѣю. О *Локкѣ, какъ экономистѣ*, судить не могу, но думаю, что послѣ отсутствія отдѣльной статьи о Декартѣ, какъ математикѣ и физикѣ, особая статья о Локкѣ экономистѣ была бы неожиданною роскошью. *Литтре*, какъ философъ, былъ вполнѣ ученикъ позитивной философіи Конта, и особой статьи о немъ по моему отдѣлу не требуется; насколько нужно, онъ будетъ помянутъ въ статьѣ о Контѣ,—а въ какой отдѣлъ отнести его вообще—въ философическій или естественнонаучный, не берусь рѣшить. *Лацаруса* можно перевести съ нѣмецкаго, если нѣтъ кого нибудь очень желающаго о немъ написать. *Леонтьева* Константина я беру самъ, *Лавровъ*, П. Л. и *Лесевичъ* подлежатъ Колубовскому. Прочихъ, Вами упомянутыхъ, раздѣлю между собою и Радловымъ.

Я долженъ быть въ Петербургѣ къ 3-му мая, такъ какъ въ этотъ день у меня чтеніе въ еврейскомъ обществѣ распространенія просвѣщенія. Если Вамъ нельзя остаться до 3-го, то это будетъ для меня достаточнымъ побужденіемъ ускорить свой пріѣздъ дня на два—на три. Поэтому прошу Васъ извѣстить меня, когда рѣшится окончательно день Вашего отъѣзда.

Усердно кланяюсь Евгеніи Ивановнѣ и Маріи Константиновнѣ.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

26.

30 авг. 1895. ПБ-гъ.

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Во время поѣздки по озерамъ въ сѣверной Финляндіи я провелъ ночь на палубѣ парохода и получилъ серьезную простуду. Послѣ этого въ меня ударило молніей, что не помѣшало однако дѣйствію простуды. Я почти не выхожу и сегодня не могъ поѣхать въ Гатчину, куда меня звалъ А. Н. Пыпинъ на свои именины. Не придется, къ сожалѣнію, и у Васъ побывать. Въ Петербургѣ меня, кромѣ нездоровья, держитъ еще нѣчто худшее: разборъ къ сроку писаній К. Случевскаго для академіи. Ужасно, о ужасно, о ужасно! какъ выражаются нѣкоторые романисты. „Я дѣлаю не человѣческія усилія", чтобы сохранить академическій тонъ.

А съ другимъ Случевскимъ у меня вышло забавное недоразумѣніе, его статья о Кони была приписана мнѣ во 1-хъ самимъ Кони, приславшимъ мнѣ за нее благодарственное письмо, а во 2-хъ конторой Словаря, уплатившей мнѣ за нее гонораръ.

Какъ Вамъ понравилась моя статья о Контѣ? Теперь ужъ до самаго Платона такихъ большихъ статей у меня не будетъ.

До скораго свиданія. Прошу Васъ передайте мой сердечный поклонъ Евгеніи Ивановнѣ и Маріи Константиновнѣ.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

27.

[1895.]

Многоуважаемый
Константинъ Константиновичъ!

Сейчасъ получилъ Ваше письмо и спѣшу Вамъ отвѣтить, что, какъ я твердо помню, Ланге давно предоставленъ мною въ Ваше полное распоряженіе.

Относительно Конта Ваше замѣчаніе отчасти справедливо, но тутъ виноваты тѣ—въ особенности нашъ пріятель С. А. Венгеровъ,—которые въ началѣ дѣла настаивали (противъ меня) на томъ, чтобы критическая оцѣнка философовъ (даже живущихъ!) занимала видное мѣсто. Тенденціи *непремѣнно* и *вообще опровергать* Конта въ моей статьѣ нельзя найти. Но при мотивированной оцѣнкѣ тѣхъ его идей, съ которыми я не согласенъ, само собой пришлось и опровергать ихъ. Что касается до моего предпочтенія второй контовской системы, то оно зависитъ вполнѣ отъ общей точки зрѣнія и высказано мною лишь мимоходомъ; я нисколько бы на Васъ не посѣтовалъ, если бы это мѣсто Вы просто зачеркнули.

Я продолжаю сидѣть больной въ Петербургѣ. Гриппъ смѣнился сильнымъ кровотеченіемъ, которое пришлось останавливать льдомъ, а это вызвало опять усиленный гриппъ, противъ котораго употреблена хина, а она черезъ свое отравляющее дѣйствіе опять произвела кровотеченіе и т. д.—совершенное perpetuum mobile или Тришкинъ кафтанъ. Между тѣмъ имѣю крайнюю необходимость съѣздить въ Финляндію на нѣсколько дней.

Здѣсь вчера сверкала молнія средь теплой сырости, а сегодня зимній холодъ.

До скораго свиданія.

Очень кланяюсь Евгеніи Ивановнѣ и Маріи Константиновнѣ.

Искренно преданный
Влад. Соловьевъ.

Письма къ А. А. Кирѣеву.

1.

[1878.]

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Здѣшнее университетское начальство затруднилось дать мнѣ свою залу для публичныхъ лекцій, находя, вѣроятно, что aula academica болѣе предназначена для студенческихъ танцевъ и публичнаго избіенія начальства, нежели для разсужденій о сухихъ матеріяхъ. Въ виду этого я долженъ нанять себѣ аудиторію и остановился окончательно на залѣ кредитнаго общества. Но какъ это сдѣлать, совершенно не знаю. Между тѣмъ мнѣ нужно торопиться, лекціи давно мнѣ разрѣшены, содержаніе ихъ стало извѣстно черезъ газеты, отказаться отъ чтенія и неловко, и нежелательно для меня, а также и откладывать ихъ больше нельзя, потому что приближается пасха. Не будете ли Вы такъ благодѣтельны и не прибавите ли еще одно къ многочисленнымъ правамъ. Вашимъ на мою благодарность, устроивши мнѣ залъ, во всякомъ случаѣ Вы можете это сдѣлать въ сорокъ разъ скорѣе и легче меня. Цѣна мнѣ безразлична, хотя бы пришлось отдать весь сборъ. Время четвергъ и суббота этой недѣли вечеромъ, — но впрочемъ, если это почему нибудь неудобно, то можно и другіе дни.

Будьте такъ добры, дайте мнѣ какой нибудь отвѣтъ.

Преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

2.

[1878.]

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Разрѣшеніе получено, и лекціи объявлены (въ двухъ газетахъ) на 26-ое и 28-ое. Сегодня я долженъ былъ быть на обѣдѣ у Суворина съ Аксаковымъ и Черняевымъ, и поэтому Курачкинъ меня не засталъ. Посылаю еще записку. Надѣюсь, что все устроится и благодарю Васъ отъ души.

Преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

3.

[1881.]

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Посылаю Вамъ содержаніе моей рѣчи на диспутѣ и все существенное, что сохранилось въ моей памяти отъ возраженій моихъ оппонентовъ и моихъ отвѣтовъ на оныя.

Дѣлайте изъ этого, что хотите. Если поздно для „Московскихъ Вѣдомостей", то можно, пожалуй, для „Русскаго Вѣстника". Впрочемъ, поступайте по усмотрѣнію. Спасибо Вамъ, что интересуетесь мною, кажется, больше, чѣмъ собою.

Видѣлся я съ Катковымъ. Имѣю о многомъ поговорить съ Вами, но предпочитаю лицомъ къ лицу.

Въ первыхъ числахъ мая буду въ Петербургѣ.

Im wunderschönen Monat Mai,
Da alle Vögel singen etc.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

Адресъ мой: Москва, Арбатъ, Никольскій переулокъ, домъ Даньель.

Въ своей вступительной рѣчи докторантъ, указавши два существенные признака всякой философіи, а именно: 1) принципъ свободнаго изслѣдованія, отличающій всякую философію (и, слѣдовательно, философію вообще) отъ религіи, и 2) универсальность предмета, отличающая философію отъ частныхъ наукъ, опредѣлилъ

задачу философіи такъ: путемъ свободнаго изслѣдованія всѣхъ данныхъ сознанія установить общую связь или смыслъ (ratio) всего существующаго.

Но все существующее для насъ принадлежитъ къ тремъ различнымъ областямъ и можетъ быть сведено къ тремъ различнымъ началамъ. Во первыхъ мы находимъ въ себѣ нѣчто такое, что мы признаемъ безусловнымъ и высшимъ себя, что есть въ насъ, но не отъ насъ, нѣчто такое, чему мы свободно подчиняемся, какъ высшему идеалу для насъ внутренно-обязательному, — это начало божественное въ человѣкѣ, дѣлающее человѣка болѣе, чѣмъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы находимъ въ себѣ нѣкоторое другое данное, также отъ насъ независимое, но съ противуположнымъ характеромъ, нѣчто такое, что мы признаемъ условнымъ, случайнымъ и низшимъ себя, подчиненнымъ—это есть природное или матеріальное начало, въ насъ, но не отъ насъ, существующее и дѣлающее человѣка менѣе, чѣмъ человѣкомъ. Между этими двумя противуположными началами сознаніе находитъ само себя, какъ нѣчто содержащее въ себѣ оба первыхъ начала, но отъ нихъ отличающееся, могущее такъ или иначе къ нимъ относиться, давать имъ въ себѣ то или другое мѣсто. Такимъ образомъ самосознаніе, какъ таковое, представляетъ нѣкоторое особенное начало — начало раціональное или чисто человѣческое; и если первое, божественное начало образуетъ область религіи, если матеріальное начало опредѣляетъ собою внѣшнюю жизнь и внѣшнее (эмпирическое) знаніе, то начало сознанія или раціональное составляетъ собственно сферу философіи. Это есть сфера сама по себѣ *формальная* — все содержаніе свое она получаетъ отъ двухъ другихъ началъ,—изъ мистической области начала божественнаго и изъ эмпирической области начала матеріальнаго, ибо къ этимъ двумъ областямъ можетъ быть сведено все намъ данное, все для насъ существующее. Такимъ образомъ если задача философіи заключается въ томъ, чтобы установить общую связь всего существующаго, а все существующее сводится къ божественному и къ матеріальному (природному) началу, то задача философіи опредѣляется ближайшимъ образомъ такъ: установить внутреннюю связь между началомъ божественнымъ и началомъ матеріальнымъ. Одностороннее утвержденіе въ сознаніи одного изъ этихъ началъ въ ущербъ другому оказывается невозможнымъ; оба эти начала существуютъ въ насъ

и для насъ непреложно и неустранимо, и задача сознанія и его высшаго проявленія—философіи—можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы привести эти начала въ опредѣленную гармоническую связь. Такая связь вытекаетъ изъ существа дѣла, ибо съ одной стороны божественное начало является для насъ (въ сознаніи) какъ высшій идеалъ и абсолютная цѣль. Но идеалъ требуетъ матеріи для своего воплощенія, и абсолютная цѣль требуетъ средствъ для своего осуществленія; божественное начало требуетъ *другого* для своей реализаціи; это другое и дается ему въ сферѣ природнаго или матеріальнаго бытія. Съ другой стороны это послѣднее, само по себѣ не имѣющее никакого безусловнаго значенія и права на существованіе, получаетъ таковое, становясь средою и орудіемъ для реализаціи абсолютнаго идеальнаго содержанія, и задача сознанія (и философіи) состоитъ именно въ томъ, чтобы понять и раскрыть тѣ условія, подъ которыми бытіе божественное осуществляется въ бытіи природномъ, и, такимъ образомъ, установить внутреннюю связь между ними.

Первый оффиціальный оппонентъ, проф. Владиславлевъ, послѣ общихъ замѣчаній о достоинствахъ и недостаткахъ диссертаціи, заявилъ, что онъ не будетъ спорить противъ ея основныхъ положеній, такъ какъ онъ и самъ „немножко“ мистикъ, хотя и не идетъ такъ далеко, какъ докторантъ, и „по обязанности оффиціальнаго оппонента“ перешелъ къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ. Онъ между прочимъ возразилъ противъ допущеннаго докторантомъ распространенія нравственной обязанности на всѣ живыя существа, указывая на то, что такое расширеніе невозможно, такъ какъ намъ постоянно приходится пользоваться живыми существами какъ средствами и, напр., ѣсть животныхъ. *Отвѣтъ*. Нравственный принципъ требуетъ лишь, чтобы мы не относились къ другимъ существамъ какъ *только* къ средствамъ, но признавали бы за ними *и* значеніе самостоятельной цѣли. Нравственный принципъ запрещаетъ превращать другое существо *всецѣло* въ средство для насъ, но онъ не запрещаетъ отчасти пользоваться другимъ существомъ и какъ средствомъ, что намъ приходится дѣлать не только съ животными, но и съ людьми; что же касается до употребленія животныхъ въ пищу, то, допуская его позволительность (вопросъ во всякомъ случаѣ спорный), мы нисколько этимъ однако не избавляемся отъ *всякой* нравственной обязанности къ животнымъ: если

*

даже мы можемъ ихъ убивать, то во всякомъ случаѣ не *должны* ихъ мучить.

Далѣе проф. Владиславлевъ, указывая на то, что въ диссертаціи основаніемъ идеальнаго общества признается начало любви, находилъ, что это не соотвѣтствуетъ дѣйствительному состоянію человѣчества, что начало любви въ дѣйствительности слишкомъ слабо для такой роли, и куда же мы тогда дѣнемъ, прибавилъ онъ, противныя любви чувства: ненависть, вражду и т. д.? *Отвѣтъ*. Общественный идеалъ потому и есть идеалъ, что данное состояніе общества ему не соотвѣтствуетъ. Что же касается до ненависти и вражды, то совершенно несомнѣнно, что онѣ существуютъ, и столь же несомнѣнно съ нравственной точки зрѣнія, что онѣ не должны существовать.

Проф. Владиславлевъ сдѣлалъ еще нѣсколько возраженій въ томъ же родѣ; ни съ однимъ изъ нихъ докторантъ не нашелъ возможнымъ согласиться.

Второй оффиціальный оппонентъ, проф. богословія Рождественскій, послѣ длинныхъ похвалъ диссертаціи, сказалъ, что его не удовлетворила та ея часть, которая касается собственно религіозныхъ вопросовъ. Религіозные взгляды докторанта, по мнѣнію о. Рождественскаго, близко сродные съ воззрѣніями Шеллинга и Шлейермахера, могутъ быть поняты въ пантеистическомъ смыслѣ и подать поводъ къ заблужденіямъ. Докторантъ отвѣтилъ, что напрасно оппонентъ смѣшиваетъ столь разнородныя вещи, какъ религіозный взглядъ Шлейермахера (точка зрѣнія религіознаго *чувства*) съ умозрительнымъ пантеизмомъ первой Шеллинговой системы (Identitätsphilosophie) и съ теософическими построеніями второй Шеллинговой системы (такъ называемой положительной философіи); докторантъ призналъ сродство своихъ взглядовъ только съ этой послѣдней системой Шеллинга, въ которой этотъ философъ уже освободился отъ ложнаго пантеизма своихъ прежнихъ теорій. Что касается до самого докторанта, то онъ не можетъ поручиться, чтобы въ его мысляхъ не найдено было кѣмъ-нибудь то, чего въ нихъ нѣтъ, но это будетъ уже не его вина.

Третій оппонентъ, проф. всеобщей исторіи Бауеръ, говоря о законѣ историческаго развитія (изложенномъ въ приложеніи къ диссертаціи), замѣтилъ, что въ первомъ фазисѣ развитія заключаются уже элементы второго. Докторантъ отвѣтилъ, что онъ этого нисколько

не отвергалъ, и что вообще періоды міровой исторіи, какъ процесса сложнаго, могутъ опредѣляться не исключительнымъ присутствіемъ того или другого принципа, а только его относительнымъ преобладаніемъ.

Четвертый оппонентъ, преподаватель полицейскаго права Ведровъ, утверждалъ, что въ диссертаціи не вѣрно характеризованъ соціализмъ, какъ принципъ матеріально-экономическій, такъ какъ въ различныхъ системахъ соціализма находятся и другіе элементы: нравственные, религіозные и т. д. Докторантъ отвѣчалъ, что присутствіе нравственныхъ и религіозныхъ элементовъ въ различныхъ соціалистическихъ ученіяхъ прямо указано въ самой диссертаціи, но что это нисколько не относится къ основному опредѣленію соціализма какъ принципа, ибо въ такомъ опредѣленіи необходимо имѣть въ видуне тѣ или другія частныя теоріи и системы, которыхъ можетъ быть неопредѣленное множество, а существенное начало, общее имъ всѣмъ и опредѣляющее ихъ какъ соціализмъ. А это общее всѣмъ соціалистическимъ построеніямъ начало несомнѣнно имѣетъ характеръ матеріально-экономическій, другіе же религіозные и нравственные элементы являются постороннею примѣсью, не имѣющею внутренней связи съ соціализмомъ, какъ такимъ.

Пятый оппонентъ, проф. химіи Бутлеровъ, высказалъ недоумѣніе по поводу одного изъ тезисовъ, въ которомъ мистическому элементу придается первенствующее значеніе въ познаніи. Докторантъ объяснилъ, что первенство здѣсь разумѣется не генетическое, а логическое.

Шестой оппонентъ, студентъ Онаповъ.

? ? ?

Седьмой оппонентъ, кандидатъ математическаго факультета Вульфсонъ, упрекнулъ докторанта въ томъ, что, признавая начало любви основаніемъ нормальнаго общества, онъ не упомянулъ, что это основаніе было прежде него указано Огюстомъ Контомъ. Докторантъ замѣтилъ, что значительно раньше Ог. Конта начало любви было провозглашено Іисусомъ Христомъ.

4.

Пречистенка, д. Лихутина, 10 окт. 1883 г.

Многоуважаемый

Александръ Алексѣевичъ!

Благодарю Васъ за доброе письмо. Отъ полемики *съ Вами* я не прочь: во всякомъ случаѣ это не будетъ полемикой въ дурномъ смыслѣ этого слова. Совершенно согласенъ также, что толковать о богословскихъ предметахъ удобнѣе въ „Руси", чѣмъ въ „Новомъ Времени". Но дѣло въ томъ, что И. С. Аксаковъ, кажется, напуганъ моимъ „католицизмомъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько сконфуженъ и раздосадованъ тѣмъ неблаговиднымъ оборотомъ, который былъ данъ „Великому спору" при его пассивномъ участіи, — и все это заставляетъ его желать, чтобы поднятые мною вопросы поскорѣе куда нибудь провалились. Я съ своей стороны былъ настолько догадливъ и любезенъ, что рѣшительно объявилъ ему о прекращеніи „Великаго спора" въ „Руси". Хотя это не должно помѣшать Вашей статьѣ, но отвѣчать мнѣ уже неудобно.

Поэтому не лучше-ли Вамъ будетъ дать Вашей статьѣ наименѣе полемическій характеръ, — исключить изъ нея все то, что требовало бы прямого и немедленнаго отвѣта?

А затѣмъ, если я буду издавать „Великій споръ" отдѣльной книгой, то можно будетъ въ предисловіи, или въ приложеніи, а то и въ самомъ текстѣ, поспорить съ Вами на свободѣ.

Что касается журнала Славянскаго Общества, то я охотно напишу Вамъ что нибудь о народности и націонализмѣ, и думаю, что тутъ мы спорить не будемъ. Кстати: то, что Вы писали графинѣ С. А. по поводу болгарскихъ дѣлъ, — доставило мнѣ истинное удовольствіе: на такое славянофильство я согласенъ. — Жду отъ Васъ печатныхъ вѣстей. Вѣроятно, придется побывать въ Петербургѣ, но когда — еще не знаю. Внѣшнія дѣла мои тоже плохи. Здѣсь изъ общихъ знакомыхъ, кромѣ Аксакова, не видалъ никого.

Будьте здоровы. Надѣюсь, что Вы съ мая мѣсяца все таки поправились.

Крѣпко жму Вашу руку. Истинно Васъ уважающій.

Влад. Соловьевъ.

[1883.]

5.

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Опять мнѣ приходится извиниться въ запоздаломъ отвѣтѣ. Хотя гр. С. А. и говорила мнѣ, что писала Вамъ два раза, но такъ какъ она не всегда пишетъ съ достаточной опредѣленностью, то вотъ Вамъ требуемыя свѣдѣнія о С. П. За границу она не поѣдетъ. Больна она общимъ невритомъ или невритами по свидѣтельству здѣшняго архимедика Захарьина. Одинъ мой знакомый слово невриты произноситъ раздѣльно: неври ты. Это конечно возможно, но мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ сказанный архимедикъ [1]) не ошибся. Болѣзнь не опасная, но можетъ быть очень продолжительной и требуетъ неподвижности.

Я пишу для Васъ статейку о народности. Не знаю, какъ Вамъ она покажется. Я признаю народность какъ *положительную силу*, служащую вселенской (сверхнародной) идеѣ. Чѣмъ болѣе извѣстный народъ преданъ вселенской (сверхнародной) идеѣ, тѣмъ самъ онъ сильнѣе, лучше, значительнѣе. Поэтому я рѣшительный врагъ *отрицательнаго націонализма* или народнаго эгоизма, самообожанія народности, которое въ сущности также отвратительно, какъ и самообожаніе личности. Я принимаю вторую заповѣдь безусловно: не сотвори себѣ кумира, ни *всякаго* подобія etc. А старовѣры славянофильства (къ которымъ Вы *не* принадлежите) [2]) дѣлаютъ изъ народности именно кумира, и возносятъ передъ нимъ свой ѳиміамъ многословныхъ и малосодержательныхъ фразъ. Хотя бы они подумали о томъ, что это вовсе не ориги-

---

[1]) Не должно принимать это за diminutivum отъ Архимеда, также какъ не слѣдуетъ думать, что помощникъ Боткина долженъ непремѣнно называться Субботкинъ. Если Вамъ эти каламбуры не нравятся, то сообщите ихъ Н. Н. Страхову—онъ любитель глупостей.

[2]) Въ этомъ, конечно, Соловьевъ ошибался. Съ самаго начала моей публицистической дѣятельности (съ 70-ыхъ годовъ) я не отступалъ отъ моихъ славянофильскихъ идеаловъ. *Прим. А. А. Кирѣева.*

нально,—они, которые такъ хлопочутъ о самобытности. Чтò можетъ быть менѣе самобытно, менѣе оригинально, менѣе народно, какъ эти вѣчные толки о самобытности, оригинальности, народности, которымъ предаются патріоты всѣхъ странъ? Не хотятъ понять той простой вещи, что для показанія своей національной самобытности *на дѣлѣ* нужно и думать о самомъ этомъ дѣлѣ, нужно стараться рѣшить его самымъ *лучшимъ*, а никакъ не самымъ *національнымъ* образомъ. Если національность хороша, то самое лучшее рѣшеніе выйдетъ и самымъ національнымъ, а если она не хороша, такъ чортъ съ нею. А то вдругъ выскакиваютъ патріоты и требуютъ, чтобы, напримѣръ, церковный вопросъ рѣшался не ad majorem Dei,—а ad majorem Russiae gloriam, не на религіозной и теологической почвѣ, а на почвѣ національнаго самомнѣнія. Въ этомъ случаѣ, пожалуй, вспомнишь, что „патріотъ“ риѳмуетъ съ „идіотъ“.

Я, кажется, начинаю браниться, а это противно моимъ правиламъ. Значитъ, нужно остановиться. Впрочемъ, я увѣренъ, что если не съ формой, то съ сущностью моихъ сужденій и Вы согласны. Въ статьѣ форма другая.

Будьте здоровы.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

6.

12 ноября 1883 г.

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Различныя хлопоты и переѣзды помѣшали мнѣ раньше отвѣтить на Ваше доброе письмо и поблагодарить Васъ за присылку.

Нашихъ старо-католиковъ, конечно, можно сдать въ архивъ, тѣмъ болѣе, что Вы совершенно правильно сводите вопросъ о старокатоликахъ къ болѣе общему вопросу о „ватиканскихъ догматахъ". Здѣсь и наше принципіальное разногласіе во всемъ этомъ дѣлѣ. По Вашему, эти „новые" догматы, т. е. „infallibilitas" и „immaculata conceptio", къ которымъ Вы присоединяете также „filioque", составляютъ ересь и лишаютъ католичество значенія *церкви* въ истинномъ смыслѣ этого слова. По моему, эти догматы и не новы и никакой ереси ни по существу, ни формально въ себѣ не заключаютъ, а, слѣдовательно, и не могутъ отнимать у католичества характера истинной Церкви, такъ какъ истинная церковность не зависитъ отъ большаго или меньшаго прогресса въ *раскрытіи* и *формулированіи* догматическихъ *частностей,* а зависитъ отъ присутствія апостольскаго преемства, отъ православной вѣры въ Христа какъ совершеннаго Бога и совершеннаго человѣка, и, наконецъ, отъ полноты таинствъ. Все это одинаково находится и у насъ, и у католиковъ, слѣдовательно и мы, и они составляемъ вмѣстѣ единую святую каѳолическую и апостольскую церковь, несмотря на наше историческое временное раздѣленіе, не соотвѣтствующее истинѣ дѣла и тѣмъ болѣе печальное.

Поэтому я рѣшительно отвергаю приписанное мнѣ Вами мнѣніе, что вселенская церковь собственно еще не существуетъ. Напротивъ, она существуетъ *и* въ восточномъ православіи, *и* въ западномъ

католичествѣ. Что касается до протестантства, то его историческая и нравственная равноправность съ православіемъ и католичествомъ еще не даетъ ему никакихъ правъ въ *собственно-церковной* мистической области. Оторванные отъ апостольскаго преемства, нетвердые въ исповѣданіи богочеловѣчества и лишенные полноты таинствъ протестанты находятся *внѣ Церкви*, тогда какъ и мы, и католики—*въ Церкви*. Все это я болѣе подробно изложилъ въ заключительной статьѣ „Великаго спора", которую Аксаковъ, кажется, рѣшился напечатать, чтобы сказать по этому поводу и свое последнее слово. Хотя бо́льшая часть моего заключенія написана до прочтенія Вашей статьи, но Вы найдете тамъ косвенный отвѣтъ и на главныя Ваши замѣчанія. Такимъ образомъ, въ прямой полемикѣ между нами пока нѣтъ надобности.

Что касается до „Извѣстій Славянскаго Общества", то, какъ я уже Вамъ писалъ, я съ удовольствіемъ пришлю Вамъ статью *о народности*, какъ только успѣю ее написать. Съ Вашимъ profession de foi я въ существѣ дѣла согласенъ, не знаю только какъ оно покажется католическимъ, конституціоннымъ и не-русскимъ славянамъ.

Впрочемъ, Вы ни на кого не нападаете, и это очень хорошо, хотя бы на Васъ за это нападали. Будьте здоровы и бодры. Крѣпко жму Вашу руку.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

7.

[1883.]

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Послалъ Вамъ вчера статью о народности и боюсь, что она обманетъ Ваши ожиданія. Я рѣшительно ничего не имѣю противъ панславизма, но мы никакъ не сойдемся въ церковномъ вопросѣ, а къ нему у меня теперь все сводится: что бы я ни сталъ писать, всегда одинъ конецъ: caeterum censeo instaurandam esse Ecclesiae unitatem. Впрочемъ, и съ панславистической точки зрѣнія, мнѣ кажется, ça donne à penser: вѣдь все-таки славянскій вопросъ — русско-польскій, т. е. православно-католическій, греко-латинскій, византійско-римскій или какъ хотите.

Правда, Аксаковъ, на котораго Вы ссылаетесь въ Вашей послѣдней статьѣ, видитъ сущность славянофильства въ духовной и общественной солидарности между Россіей и остальнымъ *православно-славянскимъ* міромъ. Но гдѣ же однако этотъ *православно-славянскій* міръ? Кто эти православные славяне, кромѣ Россіи? Не болгары ли, отлученные отъ церкви? Не сербы ли, допустившіе уничтоженіе церкви у себя самымъ позорнымъ образомъ?

Какъ бы то ни было, безъ оговорки Вы моей статьи не напечатаете, и я, конечно, вполнѣ на это согласенъ.

Но измѣненій, кромѣ отмѣченнаго мной мѣста, не дѣлайте.

Также, пожалуйста, не раздѣляйте статью, хотя она немножко длинна для „Извѣстій". Если рѣшитесь напечатать, то, пожалуйста, оставьте мнѣ нѣсколько оттисковъ, которые и пришлите въ Москву.

Будьте здоровы. Извѣстите меня о моей „народности".

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

8.

[1883.]

Многоуважаемый
Александръ Алексѣевичъ!

Въ письмѣ, которое я послалъ Вамъ вчера, я прошу не дѣлать измѣненій въ моей статьѣ; но это относится только къ существеннымъ измѣненіямъ, что же касается до смягченія отдѣльныхъ выраженій, то я *охотно* это допускаю, особенно, когда такими смягченіями устраняется что-нибудь обидное для цѣлыхъ корпорацій, какъ напр., для нашего духовенства. Поэтому указанныя Вами мѣста я согласенъ смягчить слѣдующимъ образомъ (припоминаю ихъ приблизительно, такъ какъ не имѣю черновой):

1. Вмѣсто: „бездѣятельное духовенство" можно сказать такъ: „превратитъ наше во многихъ отношеніяхъ почтенное, но, къ сожалѣнію, недостаточно авторитетное и дѣйственное духовенство" etc. „недостаточно *дѣйственное*"—это гораздо мягче, чѣмъ „бездѣятельное".

2. Вмѣсто: „въ этой области ничего, кромѣ раскола, мы не произвели"—можно сказать въ такомъ родѣ: „въ этой области самое крупное и замѣтное, что мы произвели, есть церковный расколъ".

3. Что касается до мѣста о полицейской защитѣ православія, то его желательно было бы смягчить не *ослабляя,* такъ какъ съ нимъ связанъ одинъ изъ практическихъ постулатовъ моей статьи. Поэтому я не желалъ бы тутъ идти далѣе замѣны категорическаго выраженія условнымъ, чтобы вышло такъ:

„Боятся католической пропаганды. Но гораздо страннѣе было бы, если бы эта религіозная пропаганда могла встрѣтить съ нашей стороны не религіозное, а только полицейское противодѣйствіе, если бы наша церковная правота (поскольку мы правы) не находила

бы себѣ лучшаго оружія, какъ уголовные законы и принудительную цензуру“ etc.

Что касается до Тургенева, то я упоминаю о немъ *только* какъ о типичномъ литературномъ представителѣ русскаго просвѣщенія за послѣднее время,—*представитель*, хотя бы въ томъ смыслѣ, какой изъясненъ Н. Н. Страховымъ въ его прекрасной статьѣ о Тургеневѣ въ „Руси“.

Примѣчанія, предисловіе или послѣсловіе къ моей статьѣ съ Вашей стороны будутъ мнѣ, безъ сомнѣнія, höchst willkommen. Спасибо Вамъ за гостепріимныя хлопоты о моемъ послѣднемъ дѣтищѣ. Надѣюсь, что съ Вашей доброй помощью оно благополучно выступитъ въ свѣтъ.

Будьте здоровы.

Истинно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

9.

[1883.]

Многоуважаемый
Александръ Алексѣевичъ!

Конечно, Вы можете зачеркнуть фразу о Данилевскомъ, но въ такомъ случаѣ и сказанное о Леонтьевѣ нужно измѣнить. Предоставляю это сдѣлать Вамъ самимъ.

Меня очень радуетъ Ваше согласіе съ моими основными взглядами, но напрасно Вы думаете, что наше воззрѣніе есть общее славянофильское, по крайней мѣрѣ Аксаковъ рѣшительно открещивается отъ меня, да и Васъ не одобряетъ [1]).

Тѣмъ хуже для него.

Александръ Алексѣевичъ! Мнѣ минулъ 31 годъ, и я начинаю тяготиться своей праздностью; не придумаете ли Вы мнѣ какого-нибудь практическаго занятія (кромѣ профессорскаго, ибо я къ нему не желаю возвращаться)?

Здѣсь Л. Толстой печатаетъ новую книгу подъ названіемъ „Въ чемъ *моя* вѣра?“ Одинъ мой пріятель, прочитавшій ее въ корректурѣ, говоритъ, что ничего болѣе наглаго и глупаго онъ никогда не читалъ. Сущность книги—въ ожесточенной полемикѣ противъ идеи безсмертія души, противъ церкви, государства и общественнаго порядка—все это во имя евангелія.

Ап. Павелъ называется „полоумнымъ каббалистомъ“, совершенно исказившимъ христіанство.

Конечно, эта книга будетъ запрещена, что̀ не помѣшаетъ ея распространенію въ публикѣ, но сдѣлаетъ невозможнымъ ея опроверженіе въ печати.

Будьте здоровы.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Соловьевъ и я совершенно одинаково смотрѣли на руководительство церкви въ дѣлахъ государственныхъ, считая вліяніе религіи на жизнь государственную и народную законнымъ и необходимымъ. При этомъ, однако, мы ничуть не отожествляли законное вліяніе церкви съ клерикализмомъ. *Прим. А. А. Кирѣева.*

10.

[1883.]

Многоуважаемый
Александръ Алексѣевичъ!

Я бы совсѣмъ вычеркнулъ все примѣчаніе, но Леонтьевъ очень дорожитъ всякой печатной похвалой. Съ другой стороны, зачѣмъ лишній упрекъ славянофиламъ? Итакъ, во имя сугубаго христіанскаго чувства пусть примѣчаніе будетъ такъ:

„Поэтому можно и должно дорожить различными особенностями народнаго характера и быта, какъ украшеніями или служебными атрибутами въ земномъ воплощеніи религіозной истины. Но во всякомъ случаѣ религіозная и церковная идея должна первенствовать надъ племенными и народными стремленіями. Наиболѣе рѣзкое выраженіе этой истины можно найти въ сочиненіяхъ талантливаго и оригинальнаго автора книги „Византизмъ и славянство“ К. Н. Леонтьева“.

Неправда ли, такъ лучше?

Что касается И. С. Аксакова, то я разумѣю только (по отношенію къ Вамъ), что онъ не одобрялъ примирительнаго характера Вашей руководящей статьи, о чемъ онъ Вамъ самимъ писалъ [1]) прежде, чѣмъ говорилъ мнѣ, почему я и не усомнился упомянуть объ этомъ. Такимъ образомъ спрашивать его нѣтъ никакого основанія.

Надѣюсь, что la question Leontieff есть послѣдній вопросъ, или, какъ говорятъ мои земляки, послѣдняя „заковыка“ въ моей статьѣ.

Пришлите оттиски.

Будьте здоровы.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Дѣйствительно нѣкоторые изъ моихъ единомышленниковъ, хотя и одобряли мои принципы, упрекали меня, однако, въ томъ, что я излагаю ихъ недостаточно рѣзко. „Что вы съ ними церемонитесь“ писалъ мнѣ Аксаковъ про нашихъ общихъ противниковъ. „Вы этимъ ихъ, дураковъ, не проймете“. *Прим. А. А. Кирѣева.*

11.

[1883.]

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Спасибо Вамъ за присланное письмо Полозовой, хотя я еще не собрался съ силами его прочесть (такъ оно длинно), но прочту непремѣнно.

Что касается до философскаго общества, то участвовать въ его *основаніи* я не могу, такъ какъ не допускаю вѣроятности его успѣха; но если я ошибаюсь, если оно осуществится, какъ слѣдуетъ, то я, разумѣется, не отказываюсь при случаѣ принять участіе въ его дѣятельности.

Относительно нашего маленькаго недоразумѣнія я подтверждаю Вамъ *безъ шутокъ*, что я имѣю собственно въ виду письмо Льва Великаго къ *императору Маркіону*; но такъ какъ письмо къ оо. халкидонскаго собора писано въ томъ же духѣ, то для ректификаціи въ печати нѣтъ ни малѣйшаго повода. Для полной ясности скажу Вамъ прямо, что меня раздосадовало это инкогнито проклятое, т. е. эти православные богословы, которые все давно разъяснили, тогда какъ извѣстные мнѣ православные богословы—Макарій, Иннокентій, Никаноръ, Хомяковъ, и проч.—рѣшительно ничего не разъяснили и ужасно много напутали. Впрочемъ, оставимъ это до введенія въ „Исторію и будущность теократіи".

А Васъ я очень искренно люблю и уважаю.

До свиданія на будущей недѣлѣ.

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

12.

Grand Hôtel d'Europe. St.-Pétersbourg. 1883.

Многоуважаемый
Александръ Алексѣевичъ!

Тысячу разъ стремился я видѣться съ Вами, но пылъ сердца уступалъ вліянію холоднаго разсудка, который внушалъ, что Васъ можно застать только на зарѣ, между тѣмъ какъ про меня, еще до моего рожденія, мой другъ Фетъ сочинилъ пѣсню: на зарѣ ты ее не буди, на зарѣ она сладко такъ спитъ.—Въ субботу слышу, что Вы въ 64-омъ №, лечу стремглавъ по лѣстницѣ, сшибаю съ ногъ трехъ француженокъ, двухъ адвокатовъ и множество коммиссіонеровъ—и что же нахожу?—Совершенно обратное тому, что искалъ: вмѣсто военнаго генерала — генерала штатскаго, вмѣсто истиннаго консерватора—лжелиберала, вмѣсто славянофила—западника, вмѣсто православнаго — аѳея; вмѣсто человѣка образованнаго — нахожу человѣка, открывшаго французскую фамилію „Дойенъ д'Аге" (doyen d'âge) и „пушечное право" (droit canon)— однимъ словомъ, вмѣсто Васъ нахожу N. въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Итакъ, потерявъ надежду Васъ увидѣть, прибѣгаю къ письму, которое кстати можетъ служить также отвѣтомъ г-жѣ Полозовой. Я вполнѣ оцѣнилъ то, что она пишетъ о соединеніи церквей въ видѣ соглашенія между мною и о. Астромовымъ [1]). Къ несчастію, этотъ трогательный союзъ не можетъ состояться потому, что я со второго же письма Астромова понялъ,

---

[1]) Вл. С. Соловьевъ написалъ о. Астромову пять большихъ писемъ по вопросу о непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы. О. Астромовъ любезно предоставилъ намъ право напечатаніе этихъ писемъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось получить этихъ писемъ отъ г. Манусевича-Мануйлова, бывшаго сотрудника „Новостей". *Прим. ред.*

въ чемъ дѣло, а именно, что этотъ почтенный человѣкъ считаетъ себя только чиномъ ниже Бога, не оставляя, впрочемъ, надежды на повышеніе, — а извѣстно, что повышеніе этого рода обыкновенно происходитъ въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя указываетъ г-жа Полозова. In jene Sphären wag ich nicht zu streben. Эта аберрація бѣднаго старика тѣмъ печальнѣе, что въ его разсужденіяхъ о Богородицѣ есть нѣчто весьма цѣнное и значительное. Что касается до соединенія церквей, то я имѣю въ виду не такое, какое мнѣ приписываетъ г-жа Полозова: она разумѣетъ соединеніе механическое, которое и нежелательно, и невозможно; я же разумѣю соединеніе, такъ сказать, *химическое*, при которомъ обыкновенно происходитъ нѣчто весьма отличное отъ прежняго состоянія соединившихся элементовъ (напр., отъ соединенія водорода съ кислородомъ происходитъ вода, совершенно непохожая по свойствамъ своимъ на эти газы). Не во власти химика измѣнить свойства того или другого тѣла, но онъ можетъ поставить различныя тѣла въ такія условія, при которыхъ они удобно соединяются и производятъ новое тѣло, обладающее искомыми качествами. Кой-что по части такой химіи можемъ и мы сдѣлать съ Божьей помощью. Мнѣ еще съ 1875 года разные голоса и во снѣ и на-яву твердятъ: занимайся химіей, занимайся химіей — я сначала разумѣлъ это въ буквальномъ смыслѣ и пытался исполнить, но потомъ понялъ, въ чемъ дѣло.

Передайте г-жѣ Полозовой мой поклонъ и признательность за добрыя слова въ ея письмѣ (хотя она и считаетъ меня немножко сумасшедшимъ, но я не обижаюсь).

А то просто перешлите ей это письмо.

Я до Рождества здѣсь собираюсь говѣть у о. Канидія.

Все-таки надѣюсь на свиданіе съ Вами.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

13.

[1884.]

Поздравляю Васъ, глубокоуважаемый Александръ Алексѣевичъ, и отъ всей души желаю Вамъ всего лучшаго въ настоящемъ году. Я передъ праздникомъ былъ въ большихъ хлопотахъ и сверхъ того говѣлъ у о. Канидія, изъ чего Вы можете заключить, что я еще не окончательно погибъ.

Теперь я въ Пустынькѣ благодушествую, хотя изъ нетвердости моего почерка Вы можете заключить объ окоченѣніи моихъ рукъ. (О если бы эта нетвердость происходила отъ другой причины, напримѣръ отъ лишняго стакана вина!!)

Читали ли Вы въ „Руси“ просто глупую статью Данилевскаго и сугубо-глупую Гилярова о нигилистахъ? Ахъ, какъ стыдно!— Я рѣшительно чувствую потребность видѣться съ Вами, и если Вы не рѣшитесь пріѣхать сюда до 6-го января (кромѣ хлада и глада, здѣсь еще корь у обоихъ мальчиковъ), то, по возвращеніи въ Петербургъ, въ одну прекрасную ночь я не лягу спать и въ 7 часовъ утра являюсь къ Вамъ.

Если увидите кн. Волконскую и гр. Гейдена, передайте имъ мой глубокій поклонъ, непремѣнно буду у нихъ, какъ только вернусь въ Петербургъ. Окоченѣніе усиливается. Быть можетъ, Вы увидите только мой хладный трупъ. Простите и помните обо мнѣ.

Еще одно предсмертное слово. Окажите покровительство злополучному подателю сего.

Весь Вашъ

Влад. Соловьевъ.

---

*

14.

[1884.]

Многоуважаемый
Александръ Алексѣевичъ!

Все, что Вы пишете въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ, совершенно справедливо. Но мой вопросъ относился собственно до того пункта, къ которому Вы только подходите въ концѣ Вашего письма, оставляя его безъ разсмотрѣнія. И я думаю лучше отложить этотъ разговоръ до свиданія.

Посылаю Вамъ 7 экземпляровъ моей „Христіанской политики" для Васъ, для М. Н. Островскаго, для Т. И. Филиппова, для княгини Волконской, для С. А. Ѳеоктистовой и два Страхову (одинъ для него самого, а другой для Стахѣева, приславшаго мнѣ свои романы). Вѣроятно, Вы видаетесь съ этими лицами и не затруднитесь передачей этой маленькой книжки. Это только оттиски изъ „Руси", но я хотѣлъ бы очень напечатать книгу вполнѣ, т. е. вдвое объемистѣе теперешняго. Оттиски эти разрѣшены цензурой гражданскою и избавлены отъ духовной. Въ предполагаемыхъ дополненіяхъ нѣтъ ничего болѣе противоцензурнаго, чѣмъ то, что разрѣшено Тѣмъ не менѣе возможны препятствія. Въ Вашей дружелюбно-полемической статьѣ въ „Руси" Вы, не соглашаясь со мною въ частностяхъ (если не ошибаюсь), приходите однако къ тому заключенію, что мои разсужденія о церковномъ вопросѣ полезны и желательны. И такъ, я надѣюсь, что Вы окажете мнѣ дружеское содѣйствіе къ изданію книги здѣсь въ Россіи, ибо обращаться заграницу мнѣ *очень не хотѣлось бы*. Во всякомъ случаѣ, я бы очень просилъ Васъ недѣли черезъ три, разспросивъ кого слѣдуетъ, сообщить мнѣ, могу ли я безъ большого риска

приступить къ печатанію книги. Ибо устраивать фейерверки мнѣ не по карману.

Получилъ я настоятельное приглашеніе отъ А. Г. Достоевской прочесть что нибудь на литературномъ вечерѣ, но я рѣшительно отказываюсь. Basta!

Будьте здоровы, многоуважаемый и дорогой Александръ Алексѣевичъ. Все таки большое Вамъ спасибо за Ваше доброе и справедливое письмо.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

15.

[1884.]

(Начало письма затеряно.)

. . . эту поправку я напечаталъ отъ своего имени, то телеграфируйте мнѣ, и я это исполню.

А что́ же оттиски? Если они не заготовлены, то не можете-ли мнѣ прислать нѣсколько экземпляровъ февральскихъ „Извѣстій“.

А получили ли вы мою посылку и успѣли-ли раздать книжки и какіе отзывы слышали насчетъ возможности издать книгу вполнѣ?

Меня это очень озабочиваетъ, но я очень надѣюсь на Ваше содѣйствіе. Вы еще разъ высказались рѣшительно за полезность богословской полемики, и если католическая церковь можетъ явиться у насъ все таки не иначе, какъ на скамьѣ подсудимыхъ, то пусть по крайней мѣрѣ позволятъ ей имѣть адвоката въ моемъ лицѣ. А то еще этимъ лѣтомъ наша цензура иностранныхъ книгъ подвергла *безусловному* запрещенію одно безобиднѣйшее сочиненіе „de l'Infaillibilité“. Какъ уже тутъ рѣшать вопросъ объ истинѣ или лжи католичества, о солидарности или несолидарности Льва XIII съ Львомъ Великимъ?

Вы мнѣ совѣтуете писать книгу *объ этикѣ*. Но вѣдь я этику не отдѣляю отъ религіи, а религію не отдѣляю отъ положительнаго откровенія, а положительное откровеніе не отдѣляю отъ *Церкви*. Ото заковыка!

И если мнѣ нельзя свободно писать о церковной заковыкѣ, то я не могу писать и объ этикѣ.

Во всякомъ случаѣ сердечно благодарю Васъ за доказательства Вашей дружбы и прошедшія, и будущія, въ которыхъ не сомнѣваюсь.

Надѣюсь также на Вашу доброту къ бѣдному Еврею. Извѣститѣ объ *оттискахъ*, о *поправкахъ*, о *книжкахъ*.

Душевно Вамъ преданный.

Влад. Соловьевъ.

Caeterum censeo:

Primum et ante omnia Ecclesiae unitas instauranda, ignis fovendus in gremio sponsae Christi.

16.

[1885.]

Глубокоуважаемый

Александръ Алексѣевичъ!

Предполагаю, что забытая Вами книжка есть „Религіозныя основы“, которыя и посылаю.

Скоро я окончу свою статью и очень бы хотѣлъ Вамъ ее дочитать. Если Вы еще не собираетесь изъ Москвы, то я Васъ такъ или иначе повидаю, и тогда сговоримся. Можетъ быть, сегодня, если потеплѣетъ, буду у Аксакова. Эти дни мнѣ нездоровилось, и я сидѣлъ дома.

Какъ печально—смерть Н. Я. Данилевскаго! Я вчера получилъ очень трогательное письмо отъ Н. Н. Страхова, онъ чрезвычайно разстроенъ, а ихъ общій пріятель Н. П. Семеновъ такъ даже слегъ въ постель.

Будьте здоровы.

До свиданія.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ

17.

[1885.]

Дорогой Александръ Алексѣевичъ!

Если бы предметъ нашей переписки былъ личнаго характера, то я конечно былъ бы весьма тронутъ и, можетъ быть, смущенъ тѣмъ невозмутимымъ благодушіемъ, съ которымъ Вы отвѣчаете на мои *намѣренныя* рѣзкости. Но такъ какъ эти рѣзкости были направлены не противъ моего стараго пріятеля Александра Алексѣевича, а противъ А. Кирѣева, послѣдняго могикана славянофильскаго псевдо-православія, то вмѣсто похвальнаго благодушія я усматриваю у Васъ совсѣмъ непохвальную апатію. Должно быть, дѣло Ваше—дрянь, когда даже разсердиться изъ-за него Вы не можете, какъ слѣдуетъ. Вы *отписываетесь* по пунктамъ точно отъ канцелярской бумаги, но *ни однимъ* серьезнымъ *словомъ не отвѣчаете на мои вопросы и вызовы.*

Напримѣръ: я говорю, католики послѣдовательны, они свободны отъ того внутренняго противорѣчія, въ которое мы попали. А Вы на это отвѣчаете, что послѣдовательность еще не есть истина. Ну развѣ это серьезно?

Вы даже не дали себѣ труда прочесть, какъ слѣдуетъ, мое письмо, въ которомъ я нѣсколько разъ оговариваюсь, что внутренняя правота (по существу) католиковъ,—истина ихъ догматовъ, есть вопросъ особый, который рѣшенъ для меня лично, но котораго я еще не обсуждалъ въ печати.

Да вѣдь дѣло-то въ томъ, что хотя отсутствіе внутренняго противорѣчія (какъ у католиковъ) еще не есть само по себѣ доказательство истины, но присутствіе-то внутренняго противорѣчія (какъ у насъ) есть несомнѣнное доказательство *лжи.* Или еще я говорю: католики правы по крайней мѣрѣ съ своей точки зрѣнія,

тогда какъ мы *и* съ своей неправы. А вы отвѣчаете: *недостаточно* быть правымъ съ своей точки зрѣнія. Господи Боже мой! Да кто же говорилъ, что *достаточно?* Но вѣдь, во всякомъ случаѣ, лучше быть правымъ хоть съ своей точки зрѣнія, нежели быть (какъ вы) неправымъ и передъ собственнымъ своимъ принципомъ.

Но всего прискорбнѣе, что въ одномъ мѣстѣ Вашего письма Вы совсѣмъ почти въ упоръ (такъ сказать) подошли къ сути дѣла и вдругъ выстрѣлили въ сторону холостымъ зарядомъ, безбожно обманувъ мои справедливыя ожиданія. Вы пишете: Св. Православіе состоитъ не только въ перечисленномъ мною, но еще и въ томъ,—тутъ я ожидалъ, наконецъ, интереснаго сообщенія — въ чемъ же, въ чемъ же? — въ томъ, что препятствуетъ намъ соединиться съ папствомъ. Матерь Божія! Да отъ чего же не сказать прямо, *что это такое*, что препятствуетъ? Ну что за секретъ такой! ей Богу, и смѣшно и грустно! Вѣдь если бы меня кто-нибудь спросилъ: въ чемъ суть А. А. Кирѣева, кромѣ тѣхъ хорошихъ качествъ, которыя я, щадя Вашу скромность, не перечисляю, навѣрное я не отвѣчалъ бы: въ томъ, что препятствуетъ ему отвѣчать, какъ слѣдуетъ, на мои, Соловьева, вопросы, а назвалъ бы прямо то свойство или обстоятельство, которое препятствуетъ, напр., небрежность, апатія, недостаточный интересъ къ дѣлу и т. п.

Но, должно быть, Вамъ ужъ такъ и суждено вертѣться въ колесѣ: мы протестуемъ противъ Рима во имя православія; а на вопросъ, что же вы собственно разумѣете подъ православіемъ, одинъ отвѣтъ: протестъ противъ Рима.

Спорные вопросы, дорогой Александръ Алексѣевичъ, рѣшаются основательно только двумя путями: или путемъ авторитета, или путемъ свободнаго обсужденія. Оба эти пути для васъ закрыты: первый по невозможности вселенскаго Собора, а второй по отсутствію у насъ религіозной и научной свободы. И быть вамъ бѣлкой, и вертѣться вамъ въ колесѣ во вся дни живота. Но, безъ шутокъ, Александръ Алексѣевичъ, неужели такъ трудно понять слѣдующее простое соображеніе? Вы вѣрите во внутреннюю силу Восточнаго православія и признаете вмѣстѣ съ тѣмъ его настоящее положеніе ненормальнымъ. Но какой же отсюда исходъ, кромѣ открытой и свободной борьбы съ западной Церковью, причемъ должны пробудиться и обнаружиться наши спящія духовныя силы? По моему, такая борьба

должна кончиться соединеніемъ Церквей; по вашему, полнымъ торжествомъ Востока. Но во всякомъ случаѣ эта свободная и открытая борьба одинаково необходима и съ моей, и съ вашей точки зрѣнія: вѣдь не петербургскіе же чиновники, по вашему, разбудятъ православіе. Вы видите, что лекарство у насъ одно и то же, хотя бы мы и ожидали отъ него неодинаковыхъ результатовъ. Вотъ если бы Вы стали въ печати предлагать это единственное средство противъ нашего недуга съ такимъ же постоянствомъ и усердіемъ, съ которымъ Вы пишите о какомъ-то министерствѣ въ Сербіи и о тому подобныхъ пустякахъ, тогда бы я повѣрилъ въ Вашу серьезность и искренность (по этому предмету) и пересталъ бы считать Васъ на дѣлѣ солидарнымъ съ Побѣдоносцевымъ и К° [1]).

А до тѣхъ поръ, воля Ваша, не могу.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) На аргументы, содержащіеся въ этомъ письмѣ, я отвѣтилъ въ Аксаковской Руси, гдѣ писалъ и Соловьевъ („Великій споръ“).
Прим. А. А. Кирѣева.

18.

[1886.]

Дорогой Александръ Алексѣевичъ!

Прежде, чѣмъ говорить о предметѣ Вашего письма съ епископомъ Штроссмайеромъ, съ которымъ я увижусь на-дняхъ въ Рагаця, гдѣ онъ лечится водами, могу отвѣтить Вамъ нѣчто и о себѣ. Разсужденіе Ваше основано на томъ ошибочномъ предположеніи, что относительно даннаго вопроса Восточная Церковь и Западная находятся въ *одинаковомъ* положеніи, между тѣмъ какъ все дѣло именно въ томъ, что ихъ положеніе *существенно* различно. Во Западной (разумѣю римско-католическую) Церкви упомянутые вами догматическіе пункты не составляютъ нынѣ *предмета спора*, они спорны только для насъ, а слѣдовательно мы сами и должны разрѣшить этотъ споръ, и черезъ его разрѣшеніе или *соединиться* съ католиками, или же несомнѣнно и рѣшительно отъ нихъ *отдѣлиться*. А теперь мы сидимъ между двухъ стульевъ. Если кто нибудь изъ членовъ римско-католической церкви станетъ отрицать Filioque или infallibilitatem ex cathedra, онъ тѣмъ самымъ отлучаетъ себя отъ Церкви. А у насъ можно открыто отрицать мнимо-православныя ученія, „a Patre solo“ и „de nullitate Romani Pontificis“, оставаясь въ лонѣ Восточной Церкви. Можно ихъ отрицать не только de facto, но de jure, ибо они не опираются на единственное признанное нами самими основаніе *всецерковныхъ* догматовъ.

Итакъ, прежде чѣмъ обращаться къ католикамъ съ какими бы то ни было требованіями или предложеніями, намъ нужно опредѣлить наше собственное *обязательное* отношеніе къ спорнымъ (для насъ, а не для нихъ) вопросамъ. Пусть соберется Соборъ всѣхъ восточныхъ церквей (что ему есть для чего собраться, Вы сами не разъ заявляли), и тогда можетъ произойти одно изъ трехъ: или

1) этотъ Соборъ, признавши себя за вселенскій (и признанный таковымъ повсюду на Востокѣ), осудитъ католическія ученія—тогда дѣло выяснится въ смыслѣ несомнѣннаго раздѣленія церквей. Или 2) этотъ Соборъ, осудившій (т. е. имѣющій осудить) католическія ученія, не будетъ признанъ на Востокѣ за вселенскій Соборъ *наряду съ прежними семью*—тогда дѣло выяснится по крайней мѣрѣ въ смыслѣ неспособности Восточной церкви имѣть вселенскій соборъ. 3) Или, наконецъ, этотъ соборъ признаетъ католическія ученія правильными—и тогда состоится соединеніе Церквей. Я другого пути *не предвижу*, хотя и не отрицаю возможности *непредвидѣннаго*. Что касается до епископа Штроссмайера, то, конечно, онъ и не можетъ, и не хочетъ упразднить постановленія Флорентійскаго и Ватиканскаго Соборовъ, но онъ конечно, и можетъ, и хочетъ облегчить дѣло такимъ, напр., заявленіемъ, что анаѳемы этихъ соборовъ не относятся къ тѣмъ православнымъ, которые отвергаютъ извѣстные догматы вслѣдствіе невѣрныхъ представленій о ихъ значеніи, а еще менѣе къ такимъ, которые стараются такъ или иначе прійти къ соединенію во имя истины.

Вообще, я полагаю, нельзя сомнѣваться въ томъ, что всякое осужденіе или анаѳема и съ католической точки зрѣнія относится только къ людямъ заблуждающимся по злой волѣ.

Pax hominibus bonae voluntatis.

Послѣ свиданія съ епископомъ Штроссмайеромъ напишу Вамъ, вѣроятно, еще. Будьте здоровы.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

19.

[1886.]

Дорогой Александръ Алексѣевичъ!

Епископъ Штроссмайеръ самымъ рѣшительнымъ образомъ одобрилъ и подтвердилъ то, что я написалъ Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, а именно, что анаѳемства Флорентійскаго и Ватиканскаго собора нисколько не относятся къ тѣмъ православнымъ, которые по недоразумѣнію и bona fide отвергаютъ извѣстные католическіе догматы, особенно если они при этомъ стараются, насколько могутъ, о возстановленіи церковнаго единства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ мнѣ передать Вамъ лично его братскій привѣтъ и епископское благословеніе.

Что епископъ Штроссмайеръ (вопреки тому, что Вы слышали)— добрый католикъ, объ этомъ, очевидно, свидѣтельствуетъ его подчиненіе Ватиканскому рѣшенію, несмотря на заявленное имъ прежде *личное мнѣніе о несвоевременности* этого рѣшенія.

Будьте такъ добры, извѣстите меня о полученіи моего перваго, а также и этого письма. Въ дополненіе къ тому, что я Вамъ писалъ прошлый разъ, приведу нѣсколько относящихся сюда словъ изъ вступительной главы въ мою (наконецъ печатаемую), книгу: „Съ тѣхъ поръ, какъ произошло раздѣленіе церквей восточной и западной, и именно въ силу этого раздѣленія, стало невозможно для насъ вселенское или всецерковное дѣйствіе. Оно невозможно для насъ не по чужому мнѣнію, а по нашему собственному признанію. Наше церковное положеніе фальшиво не только съ точки зрѣнія католиковъ и протестантовъ, но прежде всего съ нашей собственной точки зрѣнія. Мы хотимъ стоять подъ такимъ знаменемъ, которое не въ нашихъ рукахъ, котораго мы не можемъ поднять. Поэтому намъ нечего обращаться къ другимъ съ укорами и требованіями. Другіе никакъ не могутъ быть виноваты въ томъ внутреннемъ противорѣчіи, которое подавляетъ нашу церковную жизнь; и не для другихъ, а для насъ раздѣленіе церквей имѣло такія роковыя послѣдствія.“

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

20.

[1887.]

Помилуйте, дорогой Александръ Алексѣевичъ, я бы радъ былъ Вамъ послать не одинъ, а сто экземпляровъ моей книги, но какъ же мнѣ это сдѣлать, когда я живу въ сельцѣ Воробьевкѣ, а книга напечатана въ Загребѣ, который настолько отдѣленъ отъ меня системой нашего Церберизма, что я не только не видѣлъ до сихъ поръ своего собственнаго произведенія, но не знаю, когда и увижу. Вашъ экземпляръ долженъ быть адресованъ въ Мраморный дворецъ вмѣстѣ съ двумя другими на имя В. К. Александры Іосифовны и В. К. Константина Константиновича. Списокъ адресовъ посланъ былъ мною въ типографію на другой день нашего свиданія въ Москвѣ. Книга вышла въ концѣ апрѣля. Но, повидимому, до сихъ поръ никто еще ея не получалъ. Не знаю даже, не пропалъ ли списокъ адресовъ, хотя я послалъ его заказнымъ. Если пропалъ, то нѣтъ причины, чтобы и вторично посланный не подвергся той же участи. Что же прикажете дѣлать въ такихъ условіяхъ? Я стараюсь списаться съ Загребомъ, но пока еще не добился толку. Если мое предположеніе о потерѣ (случайно ли?) списка адресовъ окажется вѣрнымъ, то мнѣ остается только обратиться къ Вамъ съ слѣдующей просьбой: я пришлю Вамъ новый списокъ, а Вы препроводите его по назначенію, но не прямо въ Загребъ, а черезъ кого нибудь изъ служащихъ въ нашемъ Вѣнскомъ посольствѣ. Предполагаю, что это для Васъ возможно, во всякомъ случаѣ болѣе возможно, чѣмъ для меня, никого не знающаго въ дипломатическомъ мірѣ.

Извѣстіе Ваше о вверженіи моей книги въ ровъ львиный, конечно, меня огорчило. Вы пишете „многаго сдѣлать не могу,

однако думаю — усовѣстить“ etc. Такъ какъ дѣло идетъ не предварительной цензурѣ, то мнѣ кажется, что тутъ нельзя сдѣлать много или мало, а можно только сдѣлать или *все*, или *ничего*, т. е. или добиться разрѣшенія книги, или нѣтъ. Кажется, я къ Вамъ придираюсь, дорогой и уважаемый Александръ Алексѣевичъ. Я очень дурно себя чувствую и не столько отъ крупныхъ огорченій, противъ которыхъ есть нравственныя средства, сколько отъ мелкихъ и безсмысленныхъ притѣсненій, которыя до души не доходятъ и тѣла не убиваютъ, а только бьютъ по нервамъ. Васъ самихъ не балуетъ судьба, а потому я надѣюсь, что Вы не разсердитесь на мой mauvaise humeur, и сказавши: Non ignarus mali miseris succurrere disco, постараетесь, если не избавить мою книгу отъ запрещенія духовной цензуры (на что̀ я не надѣюсь), то по крайней мѣрѣ облегчить (что̀ дѣлается помимо всякой цензуры) полученіе ея для отдѣльныхъ благонадежныхъ лицъ, какъ напр. для генерала А. А. Кирѣева, которому, свидѣтельствуя свое глубокое уваженіе и сердечную признательность,

остаюсь Влад. Соловьевъ.

NB. Если случится Вамъ отправить мнѣ заказное письмо, то адресуйте его не прямо на мое имя, а Аѳан. Аѳан. Шеншину, Моск. Курск. ж. д., станція Коренная Пустынь. Впрочемъ, я думаю, заказныя письма не много помогаютъ. Мѣсяцъ тому назадъ мнѣ посланы изъ Парижа заказное письмо и брошюры подъ заказною бандеролью, — ни того, ни другого я досель не получалъ.

21.

]1887.]

Многоуважаемый

Александръ Алексѣевичъ!

Что же это однако такое? Я напечаталъ въ хорватскомъ католическомъ журналѣ статью въ *защиту Православія нашей Восточной Церкви противъ католическаго богослова*, францисканца Марковича (который и вступилъ со мною въ полемику), а у насъ обрушились на меня съ ругательствами и голословными обвиненіями, будто я нападаю на православіе въ заграничной печати. Это даже невѣроятно, но однако очень просто: все дѣло въ томъ, что мои богословствующіе противники (имѣющіе связи и съ православно-атеистами въ Сербіи и Далмаціи), обрѣтясь не въ авантажѣ по спору о догматическомъ развитіи и не зная, какъ вылѣзти изъ этой ямы, пришли, по долгомъ размышленіи, къ слѣдующему рѣшенію: съ одной стороны, черезъ журналы и газеты, предать меня всевозможному священноябедничеству и благоклеветанію, а съ другой стороны, черезъ духовную цензуру, препятствовать мнѣ печатать что либо въ Россіи, пускай-молъ дѣйствуетъ заграницей, сіе лишь возблагопріятствуетъ наиблагопотребнѣйшему оклеветанію; вѣдь это только Іезуиты употребляютъ дурныя средства для хорошей цѣли, мы же въ семъ неповинны, ибо скверныя средства употребляемъ токмо для скверныхъ цѣлей.

И вотъ, только-что я вернулся въ Москву съ свидѣтельствомъ своего православія въ карманѣ (отъ православнаго сербскаго священника, у котораго я говѣлъ), какъ немедленно же обнаружилось дѣйствіе принятой противъ меня священномошеннической благосистемы [1]). Второе изданіе „Догматическаго Развитія“ (гдѣ между прочимъ въ Предисловіи я отвѣчалъ и на Вашу напрасную, по

---

[1]) Прискорбный и очень не умный запретъ, наложенный цензурою на статью Соловьева, лишилъ нѣкоторыхъ изъ его оппонентовъ, напр. Д. О. Самарина и меня, возможности продолжать полемику съ „безоружнымъ“.
Прим. А. А. Кирѣева.

моему, статью) задержано духовной цензурой, и даже оригиналъ онаго безслѣдно пропалъ на квартирѣ цензора.

Глава изъ ветхозавѣтной теократіи, гдѣ даже не было ни одного слова о соединеніи церквей или о какомъ нибудь иномъ подозрительномъ предметѣ, *безусловно запрещена* подъ тѣмъ предлогомъ, что цитаты изъ Библіи въ ней переведены прямо съ еврейскаго, но вѣдь я для того и учился еврейскому языку, и хотя плохой гебраистъ, но все таки получше тѣхъ академическихъ студентовъ, которые фабриковали сѵнодскій переводъ. — А затѣмъ воспослѣдовалъ залпъ небылицъ и клеветъ, потревожившій и Васъ въ Вашемъ Павловскомъ уединеніи. Успокойтесь. Моя защита православія нашей церкви (разумѣется, въ видахъ ея соединенія съ католичествомъ) не смутила никакихъ нашихъ славянскихъ братьевъ, кромѣ только моего противника францисканца Марковича съ одной стороны, а съ другой—нѣсколькихъ атеистовъ сербовъ, прикрывающихъ лже-православною маскою свое дрянное политиканство. *Этихъ* братьевъ я отдаю Вамъ безъ остатка и съ другомъ Вашимъ Ш. въ придачу.

Какъ бы то ни было, дорогой Александръ Алексѣевичъ, я совершенно увѣренъ, что, выздоровѣвши и прибывши въ Петербургъ, Вы употребите всѣ старанія, чтобы съ меня была снята цензурная опала, хотя бы для одного того, чтобы Васъ лично никто не могъ упрекнуть въ нападеніи на безоружнаго. Въ данныхъ условіяхъ Ваша полемическая статья была *ошибкой*, которую необходимо для Васъ же самихъ по возможности исправить. Мы съ Вами старые пріятели, и эта старая дружба, мнѣ кажется, въ настоящемъ случаѣ не только извиняетъ мою откровенность, но и обязываетъ меня къ ней.

Очень жалѣю, что разослалъ по разнымъ редакціямъ всѣ свои экземпляры corpus'a delicti—статьи моей „Je li tačna Crkva Pravoslavna". Если добуду, то пришлю Вамъ.

Будьте здоровы.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

22.

[1887.]

Дорогой Александръ Алексѣевичъ!

По множеству причинъ я не расположенъ пріѣзжать въ Петербургъ иначе, какъ лишь въ случаѣ *крайней необходимости.* Изъ письма Вашего и писемъ кн. В—ой я таковой крайности еще не усматриваю. Не знаю, что собственно разумѣете Вы подъ „фактами и аргументами“, которые я долженъ представить. (Я уже полгода нахожусь подъ бременемъ того факта, что *все*, представляемое мною въ цензуру, безусловно запрещается, не исключая новыхъ изданій такихъ сочиненій, которыя были разрѣшены въ прежнемъ изданіи.) Для сообщенія этого факта мнѣ нѣтъ надобности ѣздить въ Петербургъ. Если хотите, я могу прислать Вамъ статью „О законодательствѣ Моисеевомъ“, безусловно запрещенную цензурою даже безъ тѣни какого-нибудь основанія. Есть у меня еще листъ извѣстнаго Вамъ „Догматическаго развитія церкви“, также безусловно запрещеннаго во 2-мъ изданіи, и на этомъ листѣ въ фразѣ: „дѣйствительное явленіе Богочеловѣка Христа“ и т. д. цензорская рука зачеркнула слово „Богочеловѣка“. Но эту рѣдкость я не довѣряю почтѣ, а буду бережно хранить для потомства.

Впрочемъ, я не понимаю, какой смыслъ могутъ имѣть какіе бы то ни было „аргументы“ съ моей стороны, когда рѣшено относительно меня употреблять исключительно лишь argumentum baculinum?

Я даже хотѣлъ (но опоздалъ) телеграфировать Вамъ вчера, чтобы Вы вовсе не говорили обо мнѣ съ П—мъ. Во всякомъ случаѣ сердечно признателенъ Вамъ за участіе и хлопоты. Самъ я, хотя постоянно болѣю, нисколько, однако, не унываю въ твердой надеждѣ пережить всѣхъ этихъ Побѣдоносцевыхъ, чего и Вамъ желаю.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

23.

[1887.]

Дорогой Александръ Алексѣевичъ!

Благодарю Васъ очень за ходатайство и радуюсь его результатамъ. Не премину воспользоваться любезнымъ предложеніемъ П—ва—жаловаться на цензуру,—но не знаю—*кому*, на чье имя: прямо въ сунодъ, или митрополиту московскому? Довершите Ваши благодѣянія и сообщите мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ, а также, въ виду моей неопытности и безтолковости, объясните, въ какомъ родѣ пишутся подобныя жалобы. Впрочемъ, если первый томъ моей „Теократіи“, изъ котораго я исключилъ все прямо для насъ несносное,—напримѣръ, приматъ ап. Петра,—будетъ пропущенъ, то я этимъ вполнѣ удовлетворюсь и за прежнее жаловаться не буду.

Кромѣ предисловія, этотъ первый томъ уже напечатанъ.

Я все хвораю, но благодушествую, несмотря на то, что органы (срамные) архіепископа Амвросія стращаютъ меня избіеніемъ со стороны московскихъ мясниковъ.

Ахъ, чуть не забылъ: не получаете-ли Вы, или не можете-ли достать Union chrétienne (о. Гетте), декабрь, 86 г.? Тамъ онъ напечаталъ что-то противъ меня и вызываетъ на отвѣтъ. Я весьма не прочь, но, къ несчастью, не могъ достать въ Москвѣ этого журнала; выписалъ черезъ Готье,—но раньше мѣсяца не получу.

Простите, что злоупотребляю Вашей добротою.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

---

24 [1]).

Многоуважаемый
Александръ Алексѣевичъ!

Еще прибѣгаю къ Вашей ангельской добротѣ. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что министромъ юстиціи назначенъ главный военно-морской прокуроръ Яневичъ-Яневскій, изъ правовѣдовъ 1848 г. Не знаете-ли Вы его и не имѣете-ли къ нему удобнаго доступа? Простите за мою неотступность, но это для другого, или лучше сказать для другихъ, ибо у моего зятя жена и четверо дѣтей. По-моему, это очень гадко имѣть жену и четверыхъ дѣтей, но что же дѣлать?

Заранѣе благодарю Васъ за новое доказательство Вашей безпредѣльной доброты и остаюсь душевно Вамъ преданный

Вл. Соловьевъ.

---

[1]) Это письмо, а равно и слѣдующее, не удалось датировать. Яневичъ-Яневскій не былъ министромъ юстиціи. Слухи о его назначеніи могли возникнуть въ ноябрѣ 1885 г., когда министръ Набоковъ былъ уволенъ и былъ назначенъ Н. В. Муравьевъ, остававшійся на этомъ посту до 1894 г. *Прим. ред.*

25.

Не можете-ли, многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ, назначить мнѣ до Вашего отъѣзда свиданіе въ какой угодно часъ, но только чтобъ навѣрно. Мнѣ нужно Васъ кой о чемъ спросить по одному (чужому) дѣлу. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Извѣстите телеграммой или по городской почтѣ: Пречистенка, д. Лихутина.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ

Письма къ Ф. Б. Гецу.

1.

[1881.]

Уважаемый г. Гецъ!

Возвращаю Вамъ съ благодарностью Ваши книги. Теперь я намѣреваюсь усердно заняться своей статьей объ іудействѣ. A propos: мнѣ говорили, будто въ газетѣ „Русскій Еврей“ была напечатана quasi—моя лекція съ заявленіемъ о цѣломъ рядѣ предполагаемыхъ моихъ статей. Въ этомъ нѣтъ бѣды, но это неправда, а потому, если Вы имѣете какія-нибудь отношенія къ этой газетѣ, то хорошо было бы воспрепятствовать такимъ ложнымъ извѣстіямъ.

Впрочемъ, несмотря на подобныя вещи, я въ послѣднее время имѣлъ случай убѣдиться, что въ дѣйствующей русской интеллигенціи самый честный элементъ есть все-таки еврейскій.

Я оставляю Петербургъ, вѣроятно, скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Не знаю, когда и гдѣ мы съ Вами увидимся, но во всякомъ случаѣ у меня останется самое пріятное воспоминаніе о вечерѣ, проведенномъ у Васъ.

Прошу Васъ передать мой сердечный поклонъ тогдашнимъ собесѣдникамъ.

Уважающій Васъ

Влад. Соловьевъ.

2.

[1883.]

Любезнѣйшій г. Гецъ!

Сегодня, къ сожалѣнію, не могу быть у Васъ. Впрочемъ, не думайте, что я лѣнюсь. Я читаю и библію, и грамматику. Надѣюсь, въ *субботу*, Вы найдете, что я сдѣлалъ успѣхи.

Итакъ, до субботы.

Спасибо Вамъ за книгу.

Будьте здоровы.

Влад. Соловьевъ.

3.

[1886.]

Заѣзжалъ за Вами, чтобы ѣхать вмѣстѣ къ Страхову. Въ четвергъ уѣзжаю въ Ревель на недѣлю, потомъ вернусь и еще будемъ заниматься.

Влад. Соловьевъ.

4.

[1885.]

Дорогой Файвель Бенциловичъ, посылаю Вамъ на всякій случай довѣренность для полученія рукописи моего „Талмуда" изъ редакціи „Вѣстника Европы", если не будетъ напечатано. Освѣдомьтесь тамъ *въ концѣ іюня*—не раньше. Сегодня же посылаю Вамъ Арабскую библію, а Сирійской въ Москвѣ не оказалось,—вышлю изъ Вѣны. Уѣзжаю въ воскресенье или во вторникъ. Напишите мнѣ, пожалуйста, по слѣдующему адресу: Австро-Венгрія viâ *Vienne. Agram.* A M-r le Président de l'Académie des Sciences M-r F. Račky pour M-r W. Solovieff.

При французскомъ адресѣ письма вѣрнѣе доходятъ, чѣмъ при нѣмецкомъ.

Я куда то далеко запряталъ адресъ Гамелица и, пожалуй, не найду. Поэтому, пожалуйста, напишите мнѣ его въ Аграмъ. Мнѣ нужно будетъ еще кой о чемъ съ Вами списаться.

Будьте здоровы и если увидите Саккетти, передайте ему мой сердечный поклонъ. Передъ отъѣздомъ я въ хлопотахъ не успѣлъ побывать у него.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

5.

[1886.]

Дорогой Файвель Бенциловичъ!

Не отвѣчалъ Вамъ такъ долго потому, что ничего хорошаго не имѣлъ сообщить. Во-первыхъ, за границу я попалъ вмѣсто мая лишь въ концѣ іюня, потому что въ день назначеннаго отъѣзда слуга укралъ у меня 500 р., притотовленные для путешествія, и я долженъ былъ хлопотать о займѣ. Во-вторыхъ, я получилъ письмо отъ Стасюлевича, что „Талмудъ" не можетъ быть напечатанъ, ибо подлежитъ (?) предварительной духовной цензурѣ, которая его навѣрно (?) запретила бы. Третья неудача, гораздо менѣе важная, но всетаки меня огорчившая, это то, что въ 8 дней моего пребыванія въ Вѣнѣ, я, несмотря на всѣ мои старанія, (лично и посредствомъ коммиссіонеровъ) нигдѣ не могъ отыскать сvрійской Библіи.

Чтобы написать Вамъ хоть что нибудь пріятное, сообщу, что на австрійской границѣ я имѣлъ случай убѣдиться въ дѣйствіи принципа Хиллуль га-шэмъ у евреевъ. А именно, одинъ старикъ еврей, размѣнивая мнѣ русскія деньги на австрійскія черезъ окно вагона, когда поѣздъ вдругъ тронулся, а онъ не доплатилъ мнѣ нѣсколько гульденовъ, прибѣжалъ пѣшкомъ до слѣдующей остановки поѣзда и принесъ остальныя деньги, говоря, что не желалъ, чтобы я могъ упрекать еврея въ обманѣ.

Я понемногу продолжаю еврейское чтеніе—кончаю „Царей". Будьте здоровы.

Спасибо за любезное приглашеніе. Надѣюсь имъ воспользоваться.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

P. S. Только что кончилъ это письмецо, когда мнѣ принесли Ваше второе письмо. Отвѣчу на него на-дняхъ.

6.

[1886.]

Любезнѣйшій Файвель Бенциловичъ!

Очень огорчило меня Ваше второе письмо,—не извѣстіемъ о моей рукописи (которое къ тому же не было для меня новостью, какъ я Вамъ писалъ),—а извѣстіемъ о новыхъ погромахъ. Я читалъ въ Загребѣ „Московскія Вѣдомости“, но тамъ была телеграмма только объ одномъ погромѣ безъ всякаго объясненія причинъ. Что же намъ дѣлать съ этой бѣдой? Пусть благочестивые евреи усиленно молятъ Бога, чтобы Онъ отдалъ судьбы Россіи въ руки религіозныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разумныхъ и смѣлыхъ людей, которые и хотѣли бы, и умѣли, и смѣли сдѣлать добро обоимъ народамъ.

Что касается до моей статьи (которая Вамъ нравится болѣе, чѣмъ мнѣ самому), то тутъ есть еще новое затрудненіе: отправляя списокъ Стасюлевичу, я не могъ поручить оригинала своему брату, который уѣхалъ въ Крымъ. Прочіе члены моего семейства на Кавказѣ, а также и всѣ московскіе друзья разъѣхались на лѣто. Переслать рукопись Вамъ я тогда не догадался среди тѣхъ тревогъ и хлопотъ, о которыхъ я Вамъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ. Такъ эти листы и остались гдѣ-нибудь у меня въ столѣ или въ портфелѣ. Поэтому, если нужно, по Вашему мнѣнію, напечатать статью въ Россіи, то пошлите сейчасъ же находящійся у Васъ списокъ въ редакцію „Русской Мысли“ (если не ошибаюсь,—Леонтьевскій переулокъ, д. Мамонтова) и попросите, чтобы или скорѣе печатали, или немедленно вернули Вамъ рукопись.

Я живу въ настоящее время въ прекрасномъ горномъ мѣстечкѣ Rohitsch Sauerbrunn (въ Штиріи), но писать мнѣ нужно по прежнему адресу: Agram, Ac. des sc. prés. Dr. F. Rački pour le dr. V. Sol. Будьте здоровы и не унывайте. Если видаете Саккетти, кланяйтесь ему.

Истинно Васъ любящій
Влад. Соловьевъ.

7.

[1886.

Что-жъ это Вы не написали мнѣ, дорогой Файвель Бенциловичъ, какъ и чѣмъ Вы были больны? Надѣюсь, теперь Ваше выздоровленіе идетъ впередъ, и Вы скоро мнѣ пришлете подробное письмо. Пожалуйста, не безпокойтесь о моей статьѣ: мы съ Вами сдѣлали, что могли, и если нужно ей появиться, она появится, а нѣтъ—такъ нѣтъ. Моя жизнь здѣсь можетъ быть выражена въ двухъ словахъ: oro et laboro, но, чтобы Вы не возымѣли обо мнѣ слишкомъ хорошаго мнѣнія, прибавлю третье: *bibo* хорватское вино, которое удивительнымъ образомъ избавило меня отъ геморроя и прочихъ недуговъ.

Печатаю начало моего сочиненія и обрабатываю продолженіе. Въ Россію думаю къ октябрю. Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, не исполнится наше обоюдное желаніе пожить нѣкоторое время вмѣстѣ въ Лѣсномъ.

Продолжаю читать и перечитывать еврейскую библію и заглядываю даже иногда въ грамматику. Русскія газеты, которыя здѣсь видаю, ничего не пишутъ о еврейскихъ дѣлахъ. Сообщите все, что знаете. Будьте здоровы и не забывайте искренно къ Вамъ пріязненнаго

Влад. Соловьева.

8.

[1886.]

Дорогой мой

Файвель Бенциловичъ!

Вернувшись въ Загребъ послѣ трехнедѣльнаго отсутствія, я съ удовольствіемъ нашелъ и прочелъ Ваше письмо. О напечатаніи моего „Талмуда“ въ „Русской Мысли“ я ничего не зналъ. Пожалуйста, не обижайте меня предположеніемъ, что я захочу чѣмъ-нибудь воспользоваться отъ нѣмецкаго изданія этой статьи. Чей трудъ, того и вознагражденіе, и все, что Вы сдѣлаете изъ моей статьи, всецѣло принадлежитъ Вамъ. Предоставляю Вамъ полное и безусловное право перевода какъ этого очерка, такъ и всего, что я когда-нибудь напишу относительно еврейства.

Черезъ двѣ недѣли я собираюсь въ Россію, а въ половинѣ или концѣ октября надѣюсь обнять Васъ, мой любезный другъ.

У меня все меньше и меньше остается друзей въ Петербургѣ. Въ прошломъ году умерло два близкихъ пріятеля, теперь умеръ Бутлеровъ, а жена старшаго моего брата (разведенная съ нимъ, но съ которой я сохраняю братскія отношенія) переселяется въ Москву.

Пожалуйста, будьте живы и здоровы для Вашихъ друзей и для Вашего народа, который нуждается въ добрыхъ израильтянахъ.

Итакъ, до недалекаго свиданія. Посылаю Вамъ свое послѣднее стихотвореніе въ чисто-лирическомъ родѣ [1]).

Душевно Вашъ

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) „Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія“ (оно напечатано въ сборникѣ стихотвореній Вл. С. С.). *Прим. Ф. Г.*

9.

[Декабрь 1886.]

Не писалъ Вамъ, любезный другъ Файвель Бенциловичъ, потому что все ждалъ Вашего отвѣта на мое послѣднее письмо изъ Загреба. Очевидно, Вы мнѣ писали, но письмо пропало.

Настоящія Ваши сообщенія объ успѣхѣ моей статьи за-границей меня отчасти радуютъ, а отчасти безпокоятъ. Вы, вѣроятно, знаете, что я теперь претерпѣваю прямо гоненіе. Всякое мое сочиненіе, не только новое, но и перепечатка стараго, *безусловно* запрещается. Оберъ-прокуроръ синода П-въ сказалъ одному моему пріятелю, что *всякая* моя дѣятельность вредна для Россіи и для православія и, слѣдовательно, не можетъ быть допущена. А для того, чтобы оправдать такое рѣшеніе, выдумываются и распускаются про меня всякія небылицы. Сегодня я сдѣлался іезуитомъ, а завтра, можетъ-быть приму, обрѣзаніе; нынче я служу папѣ и еп. Штроссмайеру, а завтра навѣрно буду служить Alliance Israélite и Ротшильдамъ. Наши государственные, церковные и литературные мошенники такъ нахальны, а публика такъ глупа, что всего можно ожидать. Я, конечно, не унываю и держусь своего девиза: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Но все таки слѣдуетъ быть по возможности осторожнымъ. Поэтому мнѣ не хотѣлось бы, чтобы выходили изданія моей статьи за-границей безъ нѣкоторыхъ оговорокъ и дополненій, о которыхъ нужно будетъ поговорить съ Вами при свиданіи. Думаю пріѣхать въ Петербургъ въ серединѣ зимы, а можетъ быть и раньше. Во всякомъ случаѣ Еврейство и Талмудъ такіе долговѣчные предметы, что одинъ или два мѣсяца раньше или позже въ этомъ вопросѣ не много значатъ.

Будьте здоровы, часто о Васъ вспоминаю. Кланяйтесь Саккетти, если онъ меня помнитъ.

Сердечно Вашъ
Влад. Соловьевъ.

10.

[1886.]

Любезный другъ!

Имѣю пріятныя новости. Зайдите въ субботу, въ 8 час. веч. Въ Царское Село въ это воскресенье ѣхать не могу. Отложимъ до будущаго.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

Впрочемъ, если есть поѣздъ раньше 1 часа, то я, пожалуй, поѣду. Мнѣ нужно быть въ Петербургѣ къ 5 часамъ. Рѣшимъ въ субботу.

11.

[1887.]

Не сердитесь на меня, дорогой Файвель Бенциловичъ, что такъ долго не отвѣчалъ Вамъ. Я переживаю теперь очень тяжелое время: яхад алай йит'лахашу кол-сон'ай, алай ях'шебу раа ли: д'бар-б'ліяал яцук бо ваашэр шаякаб ло-йосиф лакум: гам иш-ш'ломи ашэр-батахти бо окэл лах'ми'игдил алай акэб [1]). — Впрочемъ, все это не мѣшаетъ мнѣ работать. Первый томъ „Исторіи теократіи" скоро долженъ выйти. Еврейское чтеніе продолжаю. Кромѣ торы и исторических книгъ, прочелъ всѣхъ пророковъ и началъ псалмы. Теперь, слава Богу, я могу хотя отчасти исполнять долгъ религіозной учтивости, присоединяя къ своимъ ежедневнымъ молитвамъ и еврейскія фразы, напримѣръ: Пнэ элай в'ханнэни ки яхид в'ани ани, царот л'бабы ирхибу, мимцукотай оц'іэни [2]).

Надѣюсь, что ради моихъ добрыхъ намѣреній Богъ будетъ снисходителенъ къ моему плохому еврейскому выговору.

Саккетти писалъ мнѣ по извѣстному дѣлу, и я отвѣчалъ ему изъ Кіева уже; но никакихъ прямыхъ извѣстій еще не имѣлъ.

Въ Петербургъ я въ этомъ году, вѣроятно, не попаду. Очень жалѣю, что еще долго, можетъ-быть, не придется увидѣться съ Вами.

Передайте мой сердечный поклонъ супругамъ Саккетти.

Сейчасъ половина шестого утра, и пора ложиться спать. Будьте здоровы.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) 41-ый псаломъ Давида, стихи 8—10 еврейскаго подлинника.
Прим. Ф. Г.

[2]) 25-ый псаломъ Давида, стихи 16 и 17 еврейскаго подлинника.
Прим. Ф. Г.

12.

[11 апр. 1887 г. Москва.]

Дорогой Файвель Бенциловичъ!

Я менѣе виноватъ, чѣмъ Вы, можетъ-быть, думаете, въ моемъ долгомъ молчаніи. По возвращеніи моемъ отъ Троицы въ Москву я былъ три раза боленъ и теперь пишу Вамъ съ трудомъ по причинѣ воспаленнаго глаза.

Сердечно благодарю Васъ за №№ нѣмецкаго и англійскаго журнала и Васъ съ Л. А. Саккетти за телеграмму. На-дняхъ я уѣзжаю въ деревню на неопредѣленное время. Вотъ мой адресъ: Московско-Курской жел. дор. станція Коренная Пустынь, Е. В—крдію Аѳанасію Аѳанасьевичу Шеншину (с. Воробьевка), съ передачей В. С. С.

Двѣ недѣли тому назадъ я прочелъ здѣсь въ пользу бѣдныхъ студентовъ публичную лекцію, которая доставила этимъ студентамъ около 2.000 руб., а московской славянофильствующей публикѣ— большое неудовольствіе. Я же хотя по причинѣ болѣзни читалъ слабо, но доволенъ, что умѣлъ сказать, что̀ хотѣлъ, а также тѣмъ, что мои противники не могли противупоставить моей мысли ничего, кромѣ своего неудовольствія —признакъ, что будущее принадлежитъ не имъ. Кажется, на мое счастье въ газетахъ ничего не было объ этой лекціи, а то это опять возбудило бы противъ меня цензуру, которая, повидимому, начинаетъ смягчаться.

Первый томъ моей „Теократіи“ напечатанъ и въ маѣ будетъ разосланъ. Напишите, присылать-ли Вамъ его по теперешнему петербургскому адресу, или по дачному. Будьте здоровы. Мой сердечный поклонъ Саккетти mit Gemahlin.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

P. S. О французскомъ переводѣ напишу Вамъ изъ деревни.

13.

8 авг. 1887. Моск.-Курск. ж. д., ст. **Коренная Пустынь, у Аѳ. Аѳ. Шеншина.**

Любезный другъ!

Я все это лѣто страдаю почти непрерывными невралгіями, обыкновенно сопровождаемыми безсонницей. Сверхъ того, много спѣшной работы и дѣловой безотлагательной переписки.

Вотъ причины моего долгаго молчанія. Но я часто вспоминалъ о Васъ и собирался наконецъ писать Вамъ, когда получилъ послѣднее Ваше письмо.

Изъ посланныхъ уже давно въ Россію экземпляровъ моей книги нѣкоторые дошли по назначенію, другіе—нѣтъ. Вашъ экземпляръ, очевидно, принадлежитъ къ числу сихъ послѣднихъ.

А причина такого различія для меня остается загадочной, какъ и многое другое, что у насъ дѣлается. У меня здѣсь нѣтъ ни одного экземпляра, но будутъ въ концѣ сентября въ Москвѣ. Оттуда пришлю Вамъ непремѣнно. По извѣстіямъ моимъ изъ Петербурга запрещеніе книги есть дѣло рѣшенное.

Министерство народнаго просвѣщенія вообще и его антисемитическій циркуляръ въ особенности есть одна изъ причинъ, поддерживающихъ мои нервныя боли. Вопросъ: что же дѣлать противъ этой дурацкой и преступной политики? Я въ тѣсныхъ предѣлахъ своихъ средствъ имѣю въ виду слѣдующее:

1) Одинъ изъ моихъ друзей (Вамъ неизвѣстный) имѣетъ намѣреніе и надежду пріобрѣсти „Московскія Вѣдомости“. Онъ обратился ко мнѣ съ настоятельною просьбой сотрудничества, и я обѣщаю ему это лишь съ условіемъ, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ писать въ защиту еврейства. Думаю, что онъ согласится,

тѣмъ болѣе, что „Московскія Вѣдомости" и при Катковѣ не были заражены юдофобіей.

2) Я готовлю къ печати сочиненіе на французскомъ языкѣ, сочиненіе о главныхъ политическихъ задачахъ, или, какъ я выражаюсь, *обязанностяхъ* Россіи. Дарованіе русскимъ евреямъ полныхъ гражданскихъ правъ есть одна изъ этихъ обязанностей, и я постараюсь выставить ее убѣдительнѣйшимъ образомъ.

Если Вы найдете еще какой-нибудь практическій шагъ, который бы я могъ предпринять въ пользу этого дѣла, то, зная мои чувства къ Вашему народу, Вы можете быть увѣрены, что я буду Вамъ благодаренъ за всякое такое указаніе.

Будьте здоровы.

Сердечно Вашъ
Влад. Соловьевъ.

14.

[1887.]

Любезный другъ!

Ваше письмо около недѣли пролежало въ Курскѣ, куда оно попало въ качествѣ заказного, ибо болѣе близкая отсюда желѣзнодорожная станція заказныхъ писемъ не принимаетъ. Такимъ образомъ я не виноватъ въ замедленіи этого отвѣта.

Къ моей дружбѣ и сердечному расположенію, дорогой Файвель Бенциловичъ, Вы могли бы обращаться каждый день, но что касается до моего вліянія на начальствующихъ лицъ, то боюсь, что оно окажется слишкомъ мало даже для этой единственной Вашей просьбы.

Посылаю Вамъ два письма: Ѳеоктистову и Майкову. Надѣюсь, что оба они въ Петербургѣ. Княгиня Волконская уѣхала въ деревню, а потомъ за-границу, гдѣ у нея сынъ умираетъ отъ чахотки. Думаю, что безполезно будетъ теперь къ ней обращаться.

Мнѣ, конечно, не нужно Васъ увѣрять, что, даже помимо моихъ личныхъ отношеній къ Вамъ, я буду искренно радъ еврейской газетѣ съ такою хорошею редакціей и съ такимъ симпатичнымъ мнѣ направленіемъ. Надѣюсь, что Ваше дѣло удастся. Нѣтъ-ли у Васъ какой-нибудь возможности обратиться къ Каткову? Онъ всемогущъ въ вѣдомствѣ печати и, кажется, не имѣетъ предубѣжденій противъ евреевъ. Я, къ сожалѣнію, съ нимъ разошелся и не могу обратиться съ ходатайствомъ.

Первый томъ моей „Теократіи“ вышелъ въ прошломъ мѣсяцѣ, но почему-то въ Россіи еще не полученъ. Онъ почти весь наполненъ еврействомъ. Надѣюсь, Вашъ экземпляръ не будетъ конфискованъ. Не упрекайте меня за ошибки въ транскрипціи еврейскихъ словъ. Это—вина типографіи, которая и съ русскими словами плохо ладила.

Будьте здоровы, любезный другъ. Когда то увидимся? „Сулитъ мнѣ трудъ и горе грядущаго волнуемое море““.

Кланяйтесь дружески отъ меня Саккетти, если они въ Петербургѣ.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

15.

[1887.

Любезный другъ!

Заказныя письма получаются здѣсь изъ города (Курска), куда посылаютъ разъ въ десять дней. Послѣдній разъ мнѣ доставили два письма отъ Васъ, оба, очевидно, написанныя до полученія Вами моего письма съ вложенными въ него рекомендательными письмами на имя Ѳеоктистова и Майкова. Въ одномъ изъ Вашихъ писемъ Вы извѣщаете, что бросили Ваше предпріятіе. Такъ какъ это письмо безъ числа (а на штемпель конвертовъ я предварительно не посмотрѣлъ и не знаю, къ какому конверту какое письмо принадлежитъ), то я и остаюсь въ недоумѣніи: отказались-ли Вы отъ предпріятія или нѣтъ? Пожалуйста, извѣстите меня объ этомъ, и если дѣло не оставлено Вами, то сообщите, доставили-ли Вы мои письма по назначенію, и обо всемъ дальнѣйшемъ.

Книга моя, какъ я уже Вамъ писалъ, вышла еще въ концѣ апрѣля, но, повидимому, посланный мною въ типографію списокъ адресовъ (и Вамъ въ томъ числѣ) пропалъ на почтѣ, хотя былъ посланъ заказнымъ письмомъ. Что дѣлать при такихъ порядкахъ?

Въ ожиданіи извѣстій отъ Васъ остаюсь искренно любящій и признательный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

16.

[1887.]

Любезный другъ!

Спѣшу отвѣтить Вамъ, что съ удовольствіемъ исполню Ваше желаніе—написать для „Новостей“ статью по еврейскому вопросу. Противъ „Новостей“ я ничего не имѣю. Ни съ какою другою газетою я не нахожусь въ сношеніяхъ. То, что я писалъ Вамъ о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, кажется, не состоится. Повидимому, эта газета останется за прежней редакціею, т. е. за сотрудниками Каткова, которые подражаютъ ему только въ дурномъ.

Вѣроятно, они при случаѣ примкнутъ къ юдофобамъ. Я уже началъ писать подъ заглавіемъ „Грѣхи Россіи“.

Эти грѣхи по-моему суть: 1) положеніе еврейства, 2) обрусеніе Польши, 3) отсутствіе религіозной свободы. Говорить въ печати о еврейскомъ вопросѣ въ связи съ этими другими нашими неправдами я нахожу во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе.

Итакъ, если Вы ручаетесь, что „Новости“ не побоятся напечатать мою статью, и беретесь передать ее въ редакцію, то напишите мнѣ скорѣе, когда Вы переѣзжаете въ Петербургъ и остается ли Вашъ адресъ тамъ, по прежнему: Ср. Подъяч. 16, 27— и тогда черезъ недѣлю или 10 дней получите мою рукопись.

Вы видите, что мое перо всегда готово къ защитѣ бѣдствующаго Израиля, но то, что Вы пишете о моихъ „друзьяхъ“, фантастично. Одинъ изъ названныхъ Вами, пожалуй, въ устной бесѣдѣ и заявитъ гуманные взгляды, но, навѣрно, ни одного слова въ пользу евреевъ не напишетъ и не напечатаетъ, а другой (не хочу говорить, кто именно) почти серьезно доказывалъ, что всѣхъ евреевъ нужно подвергнуть извѣстной операціи, которая разъ на-

всегда отниметъ у нихъ способность къ размноженію! Вотъ Вамъ и коллективное заявленіе въ пользу евреевъ.—Но Вы правы въ томъ, что если кто нибудь, хотя бы я, будетъ рѣшительно и съ полною подписью своего имени выступать противъ антисемитизма, то это можетъ вызвать и другихъ и наконецъ составить какой-нибудь противовѣсъ этимъ неистовствамъ. А пока могу предложить только свой собственный трудъ.

Итакъ, напишите скорѣе, куда Вамъ адресовать рукопись.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

Я все хвораю. Остаюсь здѣсь до 20-го сентября.

17.

[На конвертѣ: 5 октября 1887, Москва.

Любезный другъ!

Такъ какъ до сихъ поръ корректура моей статьи въ Москвѣ не получена, то я заключаю, что и это мое невинное вступленіе оказалось нецензурнымъ и потому оставляю пока дальнѣйшія статьи въ черновомъ видѣ. Если же мое предположеніе ошибочно, то прошу Васъ извѣстить меня, чтобы я зналъ, что дѣлать.

Сердечно Вамъ признателенъ за дружеское приглашеніе остановиться у Васъ въ Петербургѣ. Непремѣнно исполню Ваше любезное желаніе, если только попаду этою зимою въ Петербургъ, что еще неизвѣстно и не вполнѣ отъ меня зависитъ: я все хвораю и похудѣлъ такъ, что долженъ былъ перешивать свое платье, оказывающееся слишкомъ широкимъ. Теперь пишу Вамъ полумертвымъ отъ усталости послѣ двухъ безсонныхъ ночей. Поэтому не взыщите за краткость письма и вѣрьте въ неизмѣнную дружбу

искренно любящаго Васъ
Влад. Соловьева.

18.

10 ноября 1887. Москва, Пречистенка д. Лихутина.

Любезный Файвель Бенциловичъ!

Очень сожалѣю и негодую, что Вамъ приходится до сихъ поръ возиться съ вокабулами вслѣдствіе безправія еврейства. Но, какъ Вы теперь вѣроятно убѣдились, мое негодованіе должно таиться въ глубинѣ моего сердца, такъ какъ даже г. Нотовичъ находитъ неудобнымъ печатное его выраженіе.—До сихъ поръ я не могъ добыть (контрабандой) достаточнаго количества экземпляровъ моей запрещенной книги, чтобы прислать, какъ обѣщалъ, для Саккетти и для еврейскаго Литературнаго Общества.—Кланяюсь очень Саккетти и благодарю за добрую приписку къ одному изъ Вашихъ писемъ.

Новая книга Ренана мнѣ извѣстна, но я далеко не раздѣляю мнѣнія Вашего друга. Во-первыхъ, эта „Исторія Израиля" и не исторична, и, если можно такъ выразиться, не израильна. Можно-ли писать о Саулѣ и Давидѣ такимъ фельетоннымъ тономъ, точно о Баттенбергѣ или Кобургѣ? Не понимаю также, какъ можетъ настоящій еврей сочувствовать историку, для котораго Авраамъ и Моисей—миѳы, а Давидъ—счастливый проходимецъ? Евреи, которые изъ вражды къ христіанству бросаются въ объятія Ренановъ и Штраусовъ, напоминаютъ мнѣ тѣхъ японцевъ, которые, чтобы отомстить хорошенько врагу, распарываютъ себѣ животъ.

А читали Вы первый томъ Ranke, Weltgeschichte? Вотъ какъ настоящій ученый говорилъ объ Израилѣ по Библіи!

Будьте здоровы, любезный другъ, и не унывайте слишкомъ; я твердо надѣюсь, что мы съ Вами еще увидимъ лучшія времена.

Душевно Вашъ
Влад. Соловьевъ.

19.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина.
[18 января 1888.]

Дорогой Файвель Бенциловичъ!

Вернувшись въ Москву (откуда уѣзжалъ на цѣлый мѣсяцъ-спасаясь отъ праздничной праздности), нашелъ Вашу телеграмму, Сердечно благодарю Васъ и Л. А. Саккетти. Въ февралѣ собираюсь въ Петербургъ на нѣсколько дней, но, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться Вашимъ любезнымъ приглашеніемъ остановиться у Васъ, ибо новый мой родственникъ, академикъ Безобразовъ (его сынъ женился на одной изъ моихъ сестеръ), требуетъ непремѣнно, чтобы я остановился у него, въ Академіи Наукъ, и я долженъ старости и родству отдать предпочтеніе передъ дружбою.

Это время провелъ недаромъ: окончилъ французскую книгу и приготовляю къ печати 2-ой томъ „Теократіи"; сверхъ того, въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы" должна появиться статья моя: „Россія и Европа".

Я уже отослалъ корректуру и, кажется, цензурныхъ препятствій не предвидится. Стасюлевичъ очень доволенъ, пишетъ, что „это не только хорошая статья, но и доброе дѣло". Если эта первая пройдетъ благополучно, то должна послѣдовать вторая болѣе обширная статья.

Напишите, любезный другъ, какъ Вы поживаете и что дѣлается въ Петербургѣ.

Передайте мой сердечный привѣтъ Ливерію Антоновичу и его супругѣ.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

20.

23 февр. 1888. Москва. Пречистенка, д. Лихутина.

Дорогой Файвель Бенциловичъ!

Я уѣзжалъ на двѣ недѣли къ Троицѣ съ цѣлью абсолютнаго уединенія, такъ что мнѣ и письма туда не посылали.

По возвращеніи въ Москву нашелъ два Ваши письма, а тою же ночью пришла и Ваша телеграмма. Я очень радуюсь Вашему намѣренію и отъ всей души готовъ помочь Вамъ, но, конечно, могу сдѣлать очень немного.

Если у Васъ сохранились рекомендательныя письма, которыя я написалъ Вамъ прошлымъ лѣтомъ, то однимъ изъ этихъ писемъ (къ Ѳеоктистову) Вы можете теперь воспользоваться. Что касается до Майкова, то онъ и прежде меня не долюбливалъ, а теперь (послѣ статьи въ „Вѣстникѣ Европы"), должно быть, совсѣмъ сердитъ. Къ тому же онъ крайній юдофобъ. Поэтому съ письмомъ моимъ къ нему лучше не ходите.

А относительно княгини В. развѣ Вы не знаете, что ея мужъ теперь въ немилости, такъ какъ ему приписываютъ всѣ неудачи съ новымъ университетскимъ уставомъ; а вслѣдствіе немилости мужа и жена теперь никакого вліянія въ правительственныхъ сферахъ не имѣютъ. Тѣмъ не менѣе я, по Вашему желанію, напишу ей и буду говорить, пріѣхавши въ Петербургъ. Собираюсь 8-го марта, а потомъ за-границу.

До скораго свиданія, любезный другъ.

Кланяюсь сердечно общимъ друзьямъ.

Душевно преданный
Вашъ Влад. Соловьевъ.

Милостивый государь [1]),
глубокоуважаемый Аполлонъ Николаевичъ!

Г. Гецъ, который передастъ Вамъ это письмо, ищетъ разрѣшенія издавать журналъ для евреевъ.

Давно и близко зная г. Геца, какъ преподавателя еврейскаго языка, какъ писателя и какъ человѣка, я могу самымъ рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствовать о его образованности, выдающихся способностяхъ и прекрасныхъ нравственныхъ качествахъ. Онъ и въ теоріи, и въ жизни держится консервативнаго, строго-религіознаго направленія, но совершенно чуждъ всякаго фанатизма и искренно желаетъ сближенія еврейства съ христіанствомъ въ области высшихъ духовныхъ интересовъ. Въ такомъ направленіи онъ уже нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ трудится въ русской и заграничной еврейской журналистикѣ, а нѣкоторыя изданныя имъ брошюры показываютъ въ немъ человѣка съ серьезнымъ умственнымъ призваніемъ. Думаю, что между русскими евреями нѣтъ другого лица, болѣе способнаго съ успѣхомъ и пользой вести дѣло изданія еврейскаго журнала. Не сомнѣваюсь, что всѣ, знающіе г. Геца, подтвердятъ мое мнѣніе, а потому надѣюсь, что Вы не откажете поддержать своимъ вѣскимъ словомъ ходатайство г. Геца о разрѣшеніи ему изданія.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ,
душевно преданный Вамъ
Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) Письмо къ Аполону Николаевичу Майкову, которое упоминается въ письмѣ за №№ 15 и 20 къ Ф. Б. Гецу. *Прим. ред.*

21.

3, Rue St. Roch, Hôtel de la Couronne.
16—28 іюля 1888. Paris.

Любезный другъ!

Письмо Ваше меня порадовало, несмотря на неудачу съ журналомъ. Вижу, что Вы не унываете, и это главное. Не знаю, успѣю-ли приготовить что нибудь большое для Вашего сборника. Сентябрь ужъ близко, а я еще не устроился окончательно съ своею французскою книгой. Предварительно я издалъ предисловіе къ ней отдѣльной брошюрой и, кажется, поступилъ хорошо: во многихъ газетахъ были статьи, и нѣсколько издателей предлагаютъ свои услуги.

Недѣли черезъ двѣ ѣду отсюда, но не прямо въ Россію.

До меня доходятъ неопредѣленные слухи о сплетняхъ въ русскихъ газетахъ, будто я перешелъ въ католичество и т. д. На самомъ дѣлѣ я теперь еще болѣе далекъ отъ подобнаго шага, чѣмъ прежде.

Надѣюсь, что эти сплетни не повредятъ моему возвращенію.

Я написалъ В. П. Безобразову и благодарилъ его за Васъ и Фруга.

Будьте здоровы и не забывайте истинно любящаго Васъ

Влад. Соловьева.

22 [1]).

[1889.]

Любезный другъ!

Завтра, въ субботу, Тертій Ивановичъ Филипповъ проситъ Васъ зайти къ нему *для перваго знакомства* между 11 и 12 ч. дня. Такъ какъ это будетъ не дѣловой визитъ, то Вы можете его сдѣлать въ субботу. А въ третьемъ часу я постараюсь быть у Васъ для чтенія.

Живетъ Филипповъ на углу Невскаго и Пушкинской, д. № 75 (по Невскому, послѣдній подъѣздъ, не доходя Пушкинской, если направляться отъ Адмиралтейства).

До свиданія.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Письмо писано на бланкѣ телеграммы; на обратной сторонѣ адресъ
Ф. Б. Гецу.
Могилевская, д. № 19.

23.

Въ маѣ 1890 г

Любезный другъ!

Вашъ посланный засталъ меня собирающимся къ Муромцеву. За карточки благодарю. Нѣкоторыхъ изъ Вашего списка увижу самъ, другимъ (напр., Ключевскому) и говорить нельзя. Это историкъ „Новаго Времени". Если хотите сразу получить дюжину новыхъ подписей, то пріѣзжайте за ними въ воскресенье утромъ, ибо въ субботу я разсчитываю на большую жатву [1]). Впрочемъ, радъ буду Васъ видѣть сверхъ того и въ пятницу (завтра).

Душевно Вашъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Подписи, о которыхъ тутъ говорится, относятся къ подписямъ коллективнымъ подъ *протестъ* противъ антисемитическаго движенія въ печати, которымъ Вл. С. С. живо интересовался. Съ этой цѣлью Вл. С. обратился прежде всего къ гр. Л. Н. Толстому съ предложеніемъ составить текстъ означеннаго протеста и получилъ отъ него нижеслѣдующій отвѣтъ, отрывокъ изъ котораго, съ разрѣшенія гр. Л. Н., передалъ мнѣ для помѣщенія въ мою книжку: „Слово подсудимому".

Этотъ отрывокъ изъ письма гр. Л. Н. Толстого къ Вл. С. С. гласитъ: ... „Я впередъ знаю, что если Вы, Владиміръ Сергѣевичъ, выразите то, что Вы думаете объ этомъ предметѣ, то Вы выразите и мои мысли и чувства, потому, что основа нашего отвращенія отъ мѣръ угнетенія еврейской національности одна и та же: сознаніе братской связи со всѣми народами и тѣмъ болѣе съ евреями, среди которыхъ родился Христосъ и которые такъ много страдали и продолжаютъ страдать отъ языческаго невѣжества такъ называемыхъ христіанъ. Любящій Васъ Л. Толстой". Получивъ это письмо, Вл. С. С. самъ составилъ нижеслѣдующій текстъ протеста. *Прим. Ф. Г.*

Текстъ Протеста противъ антисемитическаго движенія въ печати.

Составленный Вл. С. Соловьевымъ въ маѣ 1890 г.

Движеніе противъ еврейства, распространяемое русской печатью, представляетъ небывалое прежде нарушеніе самыхъ основныхъ требованій справедливости и человѣколюбія. Мы считаемъ нужнымъ напомнить русскому обществу эти элементарныя требованія. Ихъ забвеніе есть единственная причина такъ называемаго еврейскаго вопроса, а простое и искреннее ихъ принятіе есть единственный путь къ его разрѣшенію.—

1) Во всѣхъ племенахъ есть люди негодные и зловредные, но нѣтъ и не можетъ быть негоднаго и зловреднаго племени, такъ какъ этимъ упразднялась бы личная нравственная отвѣтственность, и потому всякое враждебное заявленіе или дѣйствіе, обращенное противъ еврейства вообще и противъ евреевъ, какъ таковыхъ, показываетъ или безразсудное увлеченіе слѣпымъ національнымъ эгоизмомъ, или же личное своекорыстіе, и ни въ какомъ случаѣ оправдано быть не можетъ.

2) Несправедливо возлагать отвѣтственность на еврейство за тѣ явленія въ его жизни, которыя вызваны тысячелѣтними преслѣдованіями евреевъ въ Европѣ и тѣми ненормальными условіями, въ которыя этотъ народъ былъ поставленъ. Если въ теченіе многихъ вѣковъ евреевъ насильно принуждали заниматься однимъ денежнымъ дѣломъ, закрывая для нихъ всѣ другіе роды дѣятельности, то нежелательныя послѣдствія такого исключительнаго направленія еврейскихъ силъ никакъ не могутъ быть устранены дальнѣйшими стѣсненіями, которыя только увѣковѣчиваютъ прежній ненормальный порядокъ.

3) Принадлежность къ семитическому племени и Моисееву закону не представляетъ собою ничего предосудительнаго, не можетъ сама по себѣ служить основаніемъ для особаго гражданскаго положенія евреевъ сравнительно съ русскими подданными другихъ племенъ и вѣроисповѣданій. Такъ какъ русскіе евреи, принадлежащіе къ извѣстнымъ сословіямъ, несутъ одинаковыя повинности со всѣми прочими представителями тѣхъ же сословій, то по справедливости они должны имѣть и общія съ ними права.

Сознаніе и примѣненіе этихъ элементарныхъ истинъ важно и необходимо прежде всего для насъ самихъ. Усиленное возбужденіе племенной и религіозной вражды, столь противной духу христіанства, подавляя чувства справедливости и человѣколюбія, въ корнѣ развращаетъ общество и можетъ привести къ нравственному одичанію, особенно при нынѣ уже замѣтномъ упадкѣ гуманныхъ идей и при слабости юридическаго начала въ нашей жизни.

Вотъ почему уже изъ одного чувства національнаго самосохраненія слѣдуетъ рѣшительно осудить антисемитическое движеніе не только какъ безнравственное по существу, но и какъ крайне опасное для будущности Россіи.

Вл. Соловьевъ.

24.

[1891.]

21 Марта.

Любезный другъ, я пріѣхалъ въ Москву съ довольно сильною инфлуэнцей и въ первые дни могъ лишь съ трудомъ заниматься передѣлкою предисловія, которое вышло тѣмъ не менѣе удачно, судя по отзывамъ всѣхъ читавшихъ его (не исключаю и нѣкоторыхъ антисемитовъ, которые выходили изъ себя, но признавали, что письмо хорошо составлено).

Въ Москвѣ я нашелъ давнишнее письмо Чичерина, разрѣшающее мнѣ пользоваться публично его заявленіемъ по еврейскому вопросу, которое онъ прислалъ въ новой еще лучшей редакціи; я этимъ воспользовался сейчасъ же. Это не бѣда, что письмо Чичерина появится въ двухъ мѣстахъ Вашей книжки: лишь бы его прочли.

Я уже давно получилъ и возвратилъ корректуру предисловія, но извѣстій о появленіи книжки не имѣю. Если не поздно, то я совѣтую такое заглавіе: Ф. Г. „Слово подсудимому, съ неизданными письмами гр. Л. Н. Толстого, Б. Н. Чичерина, В. С. Соловьева и В. Г. Короленко“. Завтра или послѣ-завтра ѣду въ Петербургъ и везу Нотовичу цѣлыхъ три статьи.

Очень радуюсь, милый мой другъ, что Вы довольны своей судьбою, и надѣюсь, хотя бы и не надолго, побывать у Васъ подъ Вильной.

Будьте здоровы и не сомнѣвайтесь въ искренней и неизмѣнной привязанности

Вашего стараго друга
Влад. Соловьева.

---

25 [1]).

Любезный другъ, вы желаете, чтобы я еще разъ высказался о еврейскомъ вопросѣ по поводу вашей книжки. Охотно это дѣлаю не только для васъ, но и для себя,—для очищенія своей совѣсти относительно нашихъ проповѣдниковъ антисемитизма. Ибо, какъ сказано у пророка Iезекіиля: „если не возвѣстишь нечестивому, да обратится отъ пути своего и живъ будетъ..., взыщу кровь его отъ руки твоей. Если же возвѣстишь ему, и не обратится отъ нечестія своего и отъ пути нечестиваго своего,—въ беззаконіи своемъ умретъ онъ, ты же душу свою избавилъ.“

Прошло уже десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ „отецъ лжи“ возбудилъ въ нашемъ обществѣ антисемитическое движеніе. За это время мнѣ приходилось нѣсколько разъ указывать (сначала съ каѳедры, а потомъ въ духовной и свѣтской печати) на ту несомнѣнную истину, что еврейскій вопросъ есть прежде всего вопросъ христіанскій, именно: вопросъ о томъ, насколько христіанскія общества во всѣхъ своихъ отношеніяхъ,—между прочимъ, и въ отношеніи къ евреямъ,—способны руководиться на дѣлѣ началами евангельскаго ученія, исповѣдуемаго ими на словахъ. Я не стану повторять здѣсь моихъ разсужденій, которыя не могутъ имѣть никакого значенія для антисемитовъ: кто проповѣдуетъ огульную вражду къ цѣлому народу, тотъ тѣмъ самымъ показываетъ, что христіанская точка зрѣнія потеряла для него свою обязательность. Есть, однако, общеобязательная почва здраваго смысла и простой факти-

---

[1]) Это письмо было помѣщено первоначально, въ видѣ предисловія къ книжкѣ Ф. Геца по еврейскому вопросу, озаглавленной „Слово подсудимому“, которая была конфискована послѣ напечатанія С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ. Автору удалось спасти одинъ экземпляръ для себя. *Прим. Ф. Г.*

ческой правды, и существуютъ для антисемитовъ-націоналистовъ авторитеты болѣе доступные и болѣе внушительные, нежели Евангеліе.

„Ровно ничего не случилось въ еврейскомъ мірѣ,“ писалъ въ апрѣлѣ 1882 г. М. Н. Катковъ. „Что было назадъ тому сто лѣтъ, пятьдесятъ лѣтъ, двадцать лѣтъ, годъ, то и теперь. Но вотъ послышался чей-то свистъ; кто-то крикнулъ: бей евреевъ! и ни съ того, ни съ сего вдругъ возникъ еврейскій вопросъ и всѣ, кто во что гораздъ, напустились на евреевъ.“

„Всякій имѣетъ что-нибудь сказать съ теоретической или практической точки зрѣнія противъ евреевъ, но не только объ еврействѣ въ Россіи, обо всемъ на свѣтѣ можетъ быть возбужденъ вопросъ. Есть, однако, разница между вопросомъ, который зрѣетъ, шагъ за шагомъ, близясь къ своему разрѣшенію, и внезапнымъ возбужденіемъ вопроса, Богъ знаетъ откуда и Богъ знаетъ зачѣмъ. Въ томъ-то и сила всякой политической интриги, что она вдругъ возбуждаетъ между людьми вопросы, о которыхъ они и не думали, и заставляетъ ихъ плясать подъ свою дудку. Нельзя всѣхъ евреевъ собрать въ одну шею, чтобы заразъ отрубить имъ всѣмъ головы; нельзя также выгнать ихъ всѣхъ за нашу западную границу, если не считать таковою теченіе Днѣпра; нельзя и переселить всѣ эти четыре милліона народа[1]) въ восточные края; трудно также и выслать ихъ всѣхъ въ Палестину или въ Америку. Сколько бы умныхъ вещей мы ни наговорили, все-таки мы останемся съ евреями, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ при малѣйшемъ серьезномъ взглядѣ на дѣло. Откуда же теперь, именно теперь, это возбужденіе, которое ни къ чему доброму привести не можетъ?.. Не становимся-ли мы, въ слѣпомъ увлеченіи, исполнителями плановъ злоумышленнаго заговора?“

„Евреевъ укоряютъ“, говоритъ дальше знаменитый публицистъ, „евреевъ укоряютъ въ эксплоататорствѣ народа, изъ котораго они посредствомъ шинковъ высасываютъ соки. Нѣтъ сомнѣнія, что особенность ихъ положенія, образовавшагося исторически въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствовала Польша, сдѣлала евреевъ по преиму-

[1]) Число евреевъ въ Россіи тогда, 25 лѣтъ тому, какъ и теперь, было не 4, а $5^1/_2$ милл. Прироcтъ еврейскаго населенія за это время, опредѣляемый въ $1^1/_2$ милл. человѣкъ, эмигрировалъ изъ Россіи, главнымъ образомъ, въ Америку. *Прим. Ф. Г.*

ществу эксплоататорами. Польское хозяйство держало народныя массы въ скотскомъ порабощеніи. Между панами и народомъ былъ жидъ, какъ единственный промышленникъ. Онъ составлялъ то, что вездѣ называется среднимъ классомъ. Жидамъ отдавалось въ аренду все: и народъ, и земли, и хлопскія церкви. Ихъ трактовали какъ собакъ, а между тѣмъ все отъ нихъ зависѣло. Обособленность евреевъ установила между ними солидарность, но не слѣдуетъ думать, что массы еврейскаго населенія въ Западномъ краѣ благоденствуютъ и роскошествуютъ насчетъ эксплоатируемаго ими народа. Нѣтъ, если изъ ихъ среды дѣйствительно выдѣляются промышленники болѣе или менѣе зажиточные и богатые, то массы находятся въ нищетѣ, о которой люди, видѣвшіе еврейскій бытъ въ Западномъ краѣ, говорятъ съ ужасомъ. Эти несчастные другъ друга ѣдятъ."

„Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ о шинкахъ, то евреи-ли тутъ зло? Развѣ кабакъ не столько же пагубенъ для народа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ немъ за прилавкомъ стоитъ православный цѣловальникъ? Въ Западномъ краѣ кабацкимъ дѣломъ занимается еврей, но развѣ оно лучше въ другихъ мѣстахъ Россіи?"

„Въ жидѣ-шинкарѣ", говорилъ еще раньше Катковъ, „вдругъ почему-то мы увидѣли виновника разоренія Россіи и бѣдственнаго состоянія ея крестьянства, не ложь-ли это? Развѣ жиды-шинкари, спаивающіе народъ и разоряющіе и губящіе крестьянъ,— повсемѣстное въ Россіи явленіе? Ни въ московской, ни въ тульской, ни въ рязанской и такъ далѣе губерніяхъ нѣтъ ни одного жида-шинкаря. Жиды-шинкари имѣются только въ Заднѣпровьѣ. Но спросите людей, дѣйствительно свѣдущихъ, гдѣ народъ болѣе спаивается и гдѣ крестьянинъ болѣе разоряется, въ ковенской-ли губерніи, въ виленской-ли, въ кіевской-ли, въ волынской-ли, въ подольской-ли, или въ нашихъ мѣстахъ, куда евреевъ не пускаютъ и гдѣ кабакомъ орудуетъ православный цѣловальникъ или кулакъ? *Пьянство* въ Западномъ краѣ не только не болѣе, но гораздо меньше развито, чѣмъ въ остальной Россіи, и крестьянинъ тамъ относительно живетъ не хуже, а лучше. Въ Западномъ краѣ, дѣйствительно, господствуетъ страшная, поразительная нищета, но эта нищета не крестьянская, а еврейская."

Къ словамъ Каткова наши антисемиты не могутъ относиться такъ, какъ они отнеслись бы, напримѣръ, къ моимъ собственнымъ

разсужденіямъ; отъ корифея русской „національной политики“ нельзя отдѣлаться общими мѣстами о либерализмѣ, доктринерствѣ, идеализмѣ и т. п.

Когда Катковъ столь рѣшительно утверждаетъ, что благосостояніе крестьянъ въ чертѣ еврейской осѣдлости вообще выше, нежели внѣ ея, то здѣсь важно только знать, правду-ли онъ говоритъ, или нѣтъ. Если фактическое утвержденіе Каткова невѣрно, то наши антисемиты имѣютъ всѣ удобства, чтобы его опровергнуть.

Черта еврейской осѣдлости (нѣтъ худа безъ добра!) дѣлаетъ возможнымъ точное сравнительное статистическое изслѣдованіе: сравнивая въ различныхъ соціально-экономическихъ отношеніяхъ область давняго и постояннаго жительства евреевъ съ тѣми мѣстами, куда ихъ не пускаютъ, и принимая въ соображеніе всѣ сколько-нибудь значительныя побочныя условія, можно съ достаточною научною строгостью опредѣлить, что̀ именно вносится евреями въ окружающее населеніе, каковы результаты ихъ воздѣйствія на жизнь народа. Статистикою еврейства въ послѣднее время занимались довольно усердно; существуютъ, напримѣръ, объемистые тома, изданные центральнымъ статистическимъ комитетомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ этихъ томахъ можно найти все, что угодно, кромѣ „единаго же на потребу“, кромѣ сравнительно-статистической параллели между Западнымъ краемъ и коренными губерніями. Такое изслѣдованіе, упущенное изъ виду этимъ полуоффиціальнымъ изданіемъ, составляетъ, казалось бы, прямую задачу нашихъ антисемитовъ, но они тщательно избѣгаютъ всякаго серьезнаго опыта сравнительной статистики,— единственнаго средства перенести ихъ проповѣдь изъ области свиста и крика на серьезную почву фактовъ. Ужъ не чувствуютъ-ли они въ глубинѣ души, что научное изслѣдованіе обличило бы ихъ неправду и что Катковъ зналъ, что говорилъ. Объ этомъ обстоятельствѣ слѣдовало бы размыслить тѣмъ антисемитамъ, которые еще способны размышлять. Для такихъ полезно будетъ и другое свидѣтельство,—не мнѣніе публициста, возбуждаемаго текущими событіями, впечатлѣніями минуты, а продуманное и окончательное убѣжденіе человѣка, знающаго дѣло со всѣхъ сторонъ, много и хорошо потрудившагося на разныхъ поприщахъ, при томъ, человѣка вполнѣ самостоятельнаго и по характеру, и по положенію, стоящаго близко къ народной жизни и далеко отъ искусственныхъ агитацій и интригъ, человѣка, заинтересованнаго только правдою.

„По моему убѣжденію,“ пишетъ мнѣ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, „нѣтъ народа въ мірѣ, которому человѣчество было бы обязано такою благодарностью, какъ евреямъ. Достаточно сказать, что изъ среды ихъ вышло христіанство, которое произвело переворотъ во всемірной исторіи. Какого бы мы ни были мнѣнія насчетъ религіозныхъ вопросовъ, нѣтъ сомнѣнія, что книга, которая служитъ насущною духовною пищею многихъ и многихъ милліоновъ людей, принадлежащихъ къ высшему цвѣту человѣчества, библія — еврейскаго происхожденія. Отъ грековъ мы получили свѣтское образованіе, но греки исчезли, а евреи, несмотря на неслыханныя гоненія, разсѣянные по всей землѣ, сохранили неприкосновенными свою народность и свою вѣру. Въ этомъ залогъ великаго призванія. Думаю также, что государство обязано оказывать защиту и покровительство всѣмъ подданнымъ, которыхъ Провидѣніе поставило подъ его руку... Въ практическомъ отношеніи могу сказать по собственному опыту, что, управляя въ теченіе двадцати лѣтъ двумя имѣніями, однимъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ нѣтъ ни одного еврея, а другимъ въ Полтавской, гдѣ все ими полно, я вижу, что въ послѣднемъ крестьяне денежнѣе и состоятельнѣе, хотя въ первомъ они, пожалуй, смышленнѣе и дѣятельнѣе, да и условія лучше... Вообще, я съ глубокой скорбью вижу, что многіе мои соотечественники стоятъ въ этомъ вопросѣ не на точкѣ зрѣнія христіанской любви къ ближнему, а на точкѣ зрѣнія чисто-языческой и даже варварской. Антисемитическое движеніе составляетъ позоръ нашего времени. Дорого бы я далъ, чтобы смыть съ своего отечества это пятно.“

Даже въ концѣ своего письма Б. Н. Чичеринъ признаетъ нашъ антисемитизмъ болѣзнью неизлѣчимою. Я и съ этимъ совершенно согласенъ и, не имѣя ни малѣйшаго притязанія лѣчить кого бы то ни было отъ „жидобоязни“, хочу только предложить просто профилактическое средство тѣмъ людямъ, которыми этотъ тяжкій недугъ не овладѣлъ еще окончательно, а которые лишь болѣе или менѣе предрасположены къ нему.

Самый легкій способъ для убѣжденія въ неправотѣ антисемитизма состоитъ въ томъ, чтобы послѣдовательно и внимательно читать наши антисемитическія газеты. Вотъ, напримѣръ, „Гражданинъ“. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы съ удовольствіемъ встрѣчали тамъ статьи и полемическія замѣтки въ защиту еврей-

ства. Очевидно, благочестивый и патріотическій публицистъ находилъ, что патріотизмъ и благочестіе не требуютъ травить русскихъ евреевъ, а, напротивъ, обязываютъ защищать ихъ, какъ подданныхъ того же государства, сыновъ того же отечества и хранителей древняго откровенія. Что же случилось за эти послѣдніе годы? Почему консервативный журналистъ, сначала, подобно Каткову, относившійся съ презрѣніемъ къ уличному свисту и крику: бей жидовъ!—вдругъ самъ сталъ свистать и кричать громче и безобразнѣе всѣхъ?

Въ самомъ дѣлѣ: и въ „Новомъ Времени" не встрѣтить такихъ возмутительныхъ выходокъ, какими назидаетъ своихъ читателей благочестивый органъ князя Мещерскаго, объявляющій, напримѣръ, что евреи не люди, а нечистыя насѣкомыя или зловредныя бактеріи, подлежащія истребленію. Перемѣны во взглядахъ осуждать нельзя, если она имѣетъ уважительныя основанія. Человѣку зрѣлыхъ лѣтъ позволительно измѣнить свой взглядъ на извѣстный предметъ или вслѣдствіе новаго, болѣе основательнаго его изученія, или же вслѣдствіе какой нибудь существенной перемѣны, происшедшей въ самомъ предметѣ. Но въ еврействѣ такой существенной перемѣны, какъ превращеніе людей въ бактеріи, за послѣдніе годы, очевидно, не произошло; а съ другой стороны издатель „Гражданина", при всей своей смѣлости, едва ли рѣшится утверждать, что эти послѣдніе годы онъ посвятилъ серьезному изученію еврейства и еврейскаго вопроса. Гдѣ же тутъ уважительныя причины для перемѣны взгляда? Мы не считаемъ себя въ правѣ подражать дурному примѣру нашихъ „патріотовъ" и обвинять кого бы то ни было въ нечестныхъ мотивахъ, не имѣя на то прямыхъ доказательствъ. Мы уличаемъ названный охранительный органъ только въ томъ, что явно и несомнѣнно—въ крайнемъ легкомысліи и неосновательности, благодаря которымъ въ вопросѣ такой великой важности онъ руководится не принципами и не изученіемъ предмета, а только измѣнчивою прихотью и поверхностными впечатлѣніями.

Но если „Гражданинъ" представляетъ только яркій примѣръ неосновательности и вздорности нашихъ благочестивыхъ юдофобовъ, то обильный положительный матеріалъ для обличенія самого антисемитизма мы находимъ въ другой антисемитической газетѣ, остающейся неизмѣнною въ этомъ отношеніи. Читая со вниманіемъ „Но-

вое Время“, поражаешься рѣзкимъ контрастомъ между безсодержательностью юдофобскихъ словоизверженій (гдѣ вымышленные или же ничего не значущіе единичные случаи идутъ вмѣсто фактическихъ основаній, а грубѣйшіе софизмы и огульная брань замѣняютъ логическую аргументацію) и противоположнымъ характеромъ содержательности, фактической точности и убѣдительности во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ и съ разныхъ концовъ Россіи идущихъ сообщеніяхъ, изъ которыхъ прямо явствуетъ, что въ настоящихъ бѣдствіяхъ народной жизни евреи такъ же мало повинны, какъ китайцы. Съ одной стороны, мы видимъ, какъ антисемитизмъ почтенной(!) газеты и ея читателей питается извѣстіями вродѣ того, что въ какомъ то городѣ какой то еврей толкнулъ какую-то чиновницу или что убійца одного генерала былъ еврей (хотя на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не еврей); или такими соображеніями и выводами, что хотя между евреями сравнительно меньше убійцъ, нежели между христіанами, но зато больше воровъ, и что, слѣдовательно, евреи особенно опасны для общества (такъ что по этой логикѣ лучше быть зарѣзаннымъ, нежели обокраденнымъ); или, наконецъ, такими „психологическими“ разсужденіями, что у евреевъ особенно развиты: сила воли, энергія, разумъ, семейное начало и т. д., а у русскаго народа есть только святость, а потому во имя своей святости и для охраненія ея отъ еврейской энергіи нашъ святой народъ долженъ такъ или иначе истребить евреевъ. А съ другой стороны, рядомъ со всѣмъ этимъ возмутительнымъ вздоромъ, мы читаемъ въ той же газетѣ, напримѣръ, внушительный отчетъ о книгѣ г. Сазонова, въ которой документально доказывается, какъ въ псковской губерніи, гдѣ нѣтъ евреевъ, мѣстные русскіе кулаки въ конецъ разорили народъ, забрали и землю, и скотъ, такъ что въ цѣлыхъ уѣздахъ почти все крестьянское населеніе должно идти или въ кабалу, или по міру; а также и о противоположномъ, Юго-восточномъ краѣ Россіи (гдѣ тоже нѣтъ евреевъ,) читаемъ обстоятельныя выписки изъ газеты „Недѣля“ (тоже, кажется, антисемитическій органъ), гдѣ разсказывается, съ указаніемъ лицъ и мѣстностей, какъ „чумазые ландлорды“, т. е. нѣсколько десятковъ разбогатѣвшихъ мужиковъ (между ними два-три нѣмца изъ колонистовъ, но ни одного еврея), скупивши множество имѣній и насѣвши на крестьянъ, довели этихъ послѣднихъ до такого ожесточенія, что они одного изъ „ландлордовъ“ сожгли

живьемъ вмѣстѣ съ его усадьбой—степень злобы, до которой устроители еврейскихъ погромовъ никогда и нигдѣ не могли довести буйную толпу. Такія и тому подобныя извѣстія можно найти въ „Новомъ Времени" чуть ли не обо всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, недоступныхъ для евреевъ. Въ комъ же зло и отъ кого нужно спасать Россію? Да и кому спасать! Если читатели „Гражданина" могутъ думать, что роль спасителей по праву принадлежитъ дворянству, то „Новое Время" старательно и систематически разрушаетъ такую иллюзію. Почтенная газета изображаетъ несостоятельность нашего привилегированнаго сословія въ такихъ яркихъ картинахъ, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ ея антисемитическія выходки.

Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ недавнихъ номеровъ на первой страницѣ подъ кричащимъ заглавіемъ: „Еврей у воротъ" мы находимъ статью о воцареніи Ротшильда въ нашемъ нефтяномъ царствѣ. Зловредность этого воцаренія никакими фактическими указаніями не подтверждается, но зато излагаются предположенія неизвѣстнаго автора о будущихъ дѣйствіяхъ Ротшильда, какъ онъ со временемъ станетъ добавлять по копѣйкѣ, по двѣ, по три на фунтъ керосину и черезъ то умножать свои милліарды, дающіе ему власть надъ міромъ, а въ частности, позволяющіе „отнимать совѣсть" у русскаго общества. „Но общество безъ совѣсти," патетически восклицаетъ авторъ, „это-ли не ужасный призракъ грядущаго!" Чтобы оцѣнить по достоинству эти благоглупости и видѣть, насколько Ротшильдъ виновенъ въ отнятіи совѣсти у нашего общества, читателямъ „Новаго Времени" стоитъ только перевернуть страницу и обратить вниманіе на статью по поводу новаго предполагаемаго кредита для землевладѣльцевъ. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ слѣдующее:—

„Поддерживая и распинаясь за желѣзныя дороги, за ихъ концессіонеровъ-соискателей, строителей, сколько людей, и съ какими еще громкими именами, разсчитывали сорвать и дѣйствительно сорвали куши, ни малѣйше не безпокоясь о томъ, съ кого, за что и какія это деньги они берутъ... Поддерживая и распинаясь за земскія гарантіи очень многихъ изъ этихъ дорогъ, сколько славныхъ именъ даже мѣстныхъ же владѣльцевъ явно и сознательно предали и продали интересы тѣхъ, кого были представителями, потому только, что за общимъ шумомъ и переполохомъ имъ удалось сорвать такіе куши, которые съ избыткомъ покрыли ихъ убытки,

какъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ... Поддерживая и стараясь объ учрежденіи у насъ земельныхъ банковъ, „такъ настоятельно необходимыхъ для удовлетворенія справедливыхъ нуждъ стѣсненнаго землевладѣнія и земледѣлія", сколько славныхъ именъ получили возможность сорвать куши и дѣйствительно сорвали ихъ, добившись учрежденія и утвержденія прямо таки грабительскихъ вертеповъ, а вовсе не банковъ съ кредитомъ, хотя бы сколько нибудь разумнымъ и возможнымъ..."

„Такая отчаянная жажда денегъ и денегъ, жажда, не сдерживаемая уже никакими приличіями, оголтѣлая жажда!"... И далѣе, на основаніи прежняго опыта, писатель „Новаго Времени" рисуетъ такую картину будущаго кредитнаго учрежденія на пользу землевладѣльцевъ:—

„И вотъ начинается опять: излюбленные представители, компетентные и свѣдущіе люди, довѣренные люди для контроля... и куски, куски!.. Общая свалка, шумъ, въ которомъ ничего розобрать нельзя; ничего не слышно; доносятся только отдѣльныя фразы и слова, неизвѣстно къ кому относящіяся: „какой ты князь, ты воръ!"... „Испытанное усердіе и вѣрность!"... „Стащилъ... обѣщалъ подѣлиться, а все одинъ себѣ забралъ!"... „Безкорыстное служеніе отечеству!"... „Врешь, я всегда говорилъ, что тебѣ довѣрить нельзя!"... „Стащилъ, караулъ!"... („Новое Время", № 5371). Если все это похоже на дѣйствительность, то спрашивается, какимъ образомъ Ротшильдъ, или кто бы то ни было, можетъ отнять совѣсть у людей, очевидно, ея лишенныхъ? Во всякомъ случаѣ, нужно признать, что наши антисемиты истребляютъ другъ друга гораздо удачнѣе, чѣмъ евреевъ.

Я вполнѣ понимаю и раздѣляю вашу жалость къ частнымъ страданіямъ вашихъ единовѣрцевъ въ настоящемъ: но я увѣренъ, любезный другъ, что къ этому чувству вы не присоединяете никакого опасенія за будущія судьбы вашего народа. Вы знаете также его исторію. И неужели возможно хоть на мгновеніе вообразить, что послѣ всей этой славы и чудесъ, послѣ столькихъ подвиговъ духа и пережитыхъ страданій, послѣ всей этой удивительной сорокавѣковой жизни Израиля ему слѣдуетъ бояться какихъ-то антисемитовъ! Если бы эта злобная и нечистая агитація возбуждала во мнѣ какой нибудь страхъ, то, конечно, не за евреевъ, а

за Россію. Но признаюсь, и такого страха я не чувствую. Увлеченіе мнимымъ „общественнымъ мнѣніемъ“ есть явленіе скоро преходящее, и въ концѣ концовъ у насъ есть правительство, стоящее выше всякихъ увлеченій и всякихъ интригъ; да и самъ русскій народъ—себѣ не врагъ; онъ достаточно уменъ, чтобы не прать противъ рожна и не спорить съ Божьими судьбами. И не даромъ Провидѣніе водворило въ нашемъ отечествѣ самую большую и самую крѣпкую часть еврейства.

Владиміръ Соловьевъ.

Москва. 5-го марта 1891 г.

26.

[28 марта 1891.]
Петербургъ. Европ. гост.

Милый другъ!

Книжка Ваша совсѣмъ напечатана, но читать ее будутъ, вѣроятно, только министры, да и для пріобрѣтенія *этихъ* читателей Вы должны принять свои мѣры, именно послать прошеніе о передачѣ книги въ комитетъ министровъ (подписавшись *только* кандидатомъ восточныхъ языковъ).

Если припомните, я далеко не раздѣлялъ Вашей и Н—ча увѣренности въ благополучномъ исходѣ. Надѣюсь однако, что Вы не впадете въ уныніе такъ же быстро, какъ почувствовали себя счастливымъ на новомъ мѣстѣ. „А счастье гдѣ?"—справедливо спрашиваетъ мой пріятель Фетъ:—

„Не здѣсь, въ средѣ убогой,—
А вонъ оно, какъ дымъ...
Туда, туда воздушною дорогой,—
И въ вѣчность улетимъ!" [1])

Я чуть было не улетѣлъ въ вѣчность, поранивши себѣ голову (въ самое темя) острымъ концомъ висячей лампы. Изъ-за этого просидѣлъ нѣсколько лишнихъ дней въ Москвѣ. Теперь кажется никакой опасности нѣтъ.

Будьте здоровы, мой другъ. О подробностяхъ насчетъ книжки Вамъ будетъ сообщено.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Ср. Фета, „Лирическія стихотворенія"; Спб., 1894 г., томъ I, стр. 269, „Майская ночь". У Фета 3 строка читается „за нимъ, за нимъ воздушною дорогой".... *Прим. ред.*

27.

1 мая 1891. Спб., Евр. гостин.

Любезный другъ
Файвель Бенциловичъ!

Какъ поживаете?

Я въ хлопотахъ и стѣсненіяхъ. Есть важныя дѣла, о которыхъ пока писать неудобно. Судьба нашей книжки все еще не опредѣлилась. Но есть возможность ждать хорошаго исхода. Я возобновилъ знакомство съ Е. М. Ѳ—ымъ, по его желанію, и онъ уже два раза былъ у меня. Думаю, что такая необычайная съ его стороны любезность что нибудь означаетъ.

Я остаюсь здѣсь, вѣроятно, до іюня и буду очень радъ получить отъ Васъ извѣстіе.

А затѣмъ, надѣюсь, увидимся въ Вильнѣ.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

28.

Отрывокъ письма В. С. Соловьева къ Ф. Б. Гецу (отъ іюня 1891 г.).

За недосугомъ я не сообщилъ Вамъ прежде двухъ извѣстій, которыя могутъ Васъ интересовать.

1) Около мѣсяца тому назадъ я рѣшительно отказался отъ предложеннаго мнѣ дѣятельнаго участія въ имѣющемъ основаться центральномъ комитетѣ для организаціи еврейской эмиграціи. 2) Я написалъ для „Сѣвернаго Вѣстника“ рецензію на памфлетъ Диминскаго. Н. И Б. очень одобрилъ эту рецензію (при составленіи которой я пользовался нѣкоторыми его указаніями) и нашелъ ее совершенно цензурной, такъ что надѣюсь, она появится 1-го августа. Что касается до предложеннаго Вами подробнаго опроверженія въ видѣ отдѣльной книжки, то я не могу Вамъ въ этомъ содѣйствовать, ибо то лицо, къ которому Вы просите обратиться, уже давно находится за-границей, и я не знаю — гдѣ именно. Къ тому же еслибы это лицо желало дважды въ годъ жечь нѣкоторую сумму своихъ денегъ, то оно можетъ дѣлать это непосредственно въ собственномъ каминѣ, не утруждая излишними хлопотами министерство внутреннихъ дѣлъ [1]). Во всякомъ случаѣ мое посредничество было бы здѣсь не умѣстно.

Сейчасъ получилъ Ваше послѣднее письмо, которое чрезвычайно меня обрадовало. Моя надежда, что Вы понимаете свой нравственный долгъ, оправдалась. Теперь и я съ своей стороны не только признаю этическую обязанность, но и чувствую психологическую возможность съ Вами помириться. Надѣюсь, что послѣ этого испытанія наша дружба будетъ совершенно непоколебима. Во всякомъ случаѣ могу теперь безъ лицемѣрія подписаться—

искренно любящій Васъ

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Намекъ на конфискованную и сожженную мою книгу „Слово подсудимому“, которую издало данное лицо. *Прим. Ф. Г.*

P.S. Авторъ злополученнаго фельетона Евгеній Андреевичъ Соловьевъ, прислалъ мнѣ любезное письмо съ выраженіемъ всякой готовности. Я тогда подъ вліяніемъ досады слишкомъ рѣзко отозвался о его писаніи, которое не бездарно, а только посредственно. Итакъ, прошу Васъ не распространяйте моего отзыва. Нѣтъ надобности дѣлать себѣ лишняго врага, да еще такого развязнаго [1]).

---

[1]) Не помню, въ маѣ или іюнѣ 1901 г., появился въ „Новостяхъ" фельетонъ за подписью „S", въ которомъ съ похвалою упоминается объ одномъ сочиненіи Вл. С. Соловьева. Одинъ провинціальный литераторъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ петербургскими литературными кружками, позволилъ себѣ въ одномъ обществѣ, въ моемъ присутствіи, увѣрять, что названный фельетонъ принадлежитъ самому Вл. Соловьеву Я считалъ своимъ долгомъ, разумѣется, не называя упомянутаго литератора, обратить вниманіе Вл. Соловьева на необходимость побудить редакцію „Новости" сдѣлать что нибудь съ своей стороны къ устраненію выше указаннаго недоразумѣнія, что и было ею сдѣлано въ № 124. Получивъ этотъ № „Новостей", я заставилъ вышеуказаннаго литератора оправдаться предъ тѣмъ обществомъ, въ которомъ онъ увѣрялъ, что названный фельетонъ принадлежитъ В. Соловьеву, о чемъ я и увѣдомилъ В. С. Соловьева.
Прим. Ф. Г.

29.

21 іюля 1891. Петербургъ.

У Синяго моста, Вознесенскій проспектъ, д. № 16, квартира Кузьмина-Караваева.

Любезный другъ!

Въ одномъ изъ Вашихъ писемъ Вы предлагали мнѣ прислать 50 р., которые считаете своимъ долгомъ. Долгъ я считаю скорѣе на себѣ, чѣмъ на Васъ, но такъ какъ въ настоящее время я нахожусь въ совершенной крайности (о чемъ рѣшительнѣйшимъ образомъ прошу Васъ никому въ Петербургъ не писать: я и такъ всѣмъ долженъ и обязанъ), то если упомянутыя деньги у Васъ свободны, прошу Васъ, какъ одолженіе, прислать ихъ мнѣ прямо на имя моего теперешняго хозяина Владиміра Кузьмина-Караваева.

Вы писали мнѣ о редакторствѣ въ „Энциклопедическомъ словарѣ". Если бы Ваше доброе расположеніе ко мнѣ раздѣлялось прочимъ человѣчествомъ, то я, конечно, не только редактировалъ бы „Энциклопедическій словарь", но и управлялъ бы священною Римскою Имперіей. С. А. Венгеровъ сказалъ мнѣ, что о главномъ моемъ редакторствѣ не можетъ быть рѣчи, а редакція одного изъ отдѣловъ возможна, но ничего опредѣленнаго еще нельзя сказать. Отъ Н. И. Бакста[1]), который особенно ко мнѣ добръ и хотѣлъ говорить въ мою пользу, не имѣлъ еще отвѣта. Назначенный главнымъ редакторомъ К. К. Арсеньевъ уѣхалъ за-границу.

Хоть Вы мнѣ ничего не писали, но я слышалъ, что Вы недовольны мной по поводу вопроса объ эмиграціи. Вы знаете, что единственнымъ справедливымъ рѣшеніемъ я считаю полную равноправность. Это я и теперь всѣмъ заявляю. Но такъ какъ справедливость осуществится можетъ быть только завтра, считая дни по Божьему счету, т. е. черезъ тысячу лѣтъ, то этимъ не устраняется необходимость хотя бы временнаго и палліативнаго облегченія для наиболѣе страждущей части Еврейства. Вѣдь Вы сами, помните, чуть было не переселились въ Англію.

И ужъ теперь изъ этого дѣла вышли нѣкоторыя хорошія послѣдствія, о которыхъ разскажу при свиданіи. Ибо я все-таки надѣюсь хотя бы въ концѣ лѣта пріѣхать къ Вамъ.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Н. И. Бакстъ—извѣстный физіологъ, скончавшійся въ 1904 г. *Прим. Ф. Г.*

30.

22 авг. 91, с. Дѣдово.

Не вѣрилъ я въ жестокій тифъ,—
Не вѣрилъ—и былъ правъ:
Жестокій тифъ былъ только миѳъ,
Другъ Файвель живъ и здравъ.
Ахъ! и съ талмудомъ былъ я правъ,
Но спорить не дерзалъ.
Поторопился тутъ мой „равъ“ [1]),
А я въ просакъ попалъ.

Ваше замѣчаніе, любезный другъ, совершенно справедливо, и я самъ чувствовалъ, что р. Іегуда ссылается тутъ на другого авторитетнаго раввина и говоритъ его словами, какъ это весьма обычно Талмуду (который я хотя лишь слегка могъ нюхать, но, имѣя довольно длинный литературный носъ, чувствую его стиль); да и „равъ“, какъ сокращеніе собственнаго имени, мнѣ не безызвѣстно. Но что-жъ дѣлать? Вышла такая окказія. Очень прошу Васъ не писать объ этомъ Н. И., котораго я не желалъ бы огорчить даже такимъ пустякомъ. Если мнѣ можно будетъ издать въ исправленномъ и дополненномъ видѣ свои статьи и замѣтки, касающіяся еврейства, то исправлю и эту ошибку, за указаніе которой во всякомъ случаѣ Вамъ благодаренъ.

Благодарю Васъ также за брошюры. Посылаю Вамъ свои двѣ книжки съ молодымъ офицеромъ Кузьминымъ-Караваевымъ (братомъ того, у котораго я жилъ). Онъ отправляется на службу въ Вильно. Рекомендую его Вашему любезному вниманію.

Я наконецъ оставилъ Петербургъ. Теперь проѣздомъ въ деревнѣ у тещи моего младшаго брата. Затѣмъ буду нѣсколько дней въ Москвѣ, потомъ въ Калужской губерніи, потомъ въ Кіевѣ, а на обратномъ пути въ Петербургѣ (куда меня призываетъ „Энциклопедическій словарь“). Заѣду, можетъ-быть, въ Вильно. Серьезно этого желаю, хотя и не могу навѣрное обѣщать.

Будьте здоровы.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Не Вы, а петербургскій.

31.

[Августъ 1892.]

Многоуважаемый другъ!

Письмо Ваше отъ 19-го я получилъ только сегодня 30-го и отвѣчаю пока на̀-скоро черезъ С. А. Венгерова, такъ какъ Вы не написали полнаго своего адреса, а я на догадливость и любезность почты не расчитываю. Дошло же Ваше письмо до меня такъ поздно потому, что я послѣднее время на своей дачѣ не былъ, а прислуга была больна и не могла распорядиться пересылкою письма въ Москву.

Всею душою порадовался, милый другъ, Вашимъ хорошимъ извѣстіямъ о Васъ и о Вашей супругѣ, которой передайте, пожалуйста, мой сердечный привѣтъ и самыя лучшія пожеланія. Искреннее Вамъ обоимъ спасибо за доброе чувство ко мнѣ, весьма мало заслуженное. Пріѣздъ въ Вильно есть для меня pium desiderium, котораго исполненіе не въ моей волѣ.

Что касается до перевода „Критики отвлеченныхъ началъ", то второе изданіе мною рѣшено, но лишь съ самыми необходимыми перемѣнами. Не знаю, будетъ-ли эта книга достойна нѣмецкаго перевода. На-дняхъ посовѣтуюсь кое съ кѣмъ и пришлю Вамъ рѣшительный отвѣтъ. Еще разъ Вамъ спасибо и усердный поклонъ Вашей супругѣ.

Истинно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

Пишите лучше всегда въ Москву,—Пречистенка, домъ Лихутина.

Петербургъ Вознесенскій просп. (у Синяго моста), д. 16, кв. 3, или редакція „Вѣстника Европы", Галерная, 20.

32.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина. 12 сентября 1892.

Спасибо, милый другъ Файвель Бенциловичъ, за постоянство Вашего дружескаго вниманія. Второе изданіе „Критики отвлеченныхъ началъ“ готово къ печати, и я буду посылать Вамъ корректурные листы. Къ сожалѣнію, я не могъ исполнить такой радикальной передѣлки, какой желалъ бы, но все таки книга исправлена значительно и въ этомъ видѣ можетъ появиться передъ нѣмецкой публикой. О подробностяхъ напишу при посылкѣ перваго листа. Теперь тороплюсь сообщить Вамъ поскорѣе объ этомъ своемъ рѣшеніи и прилагаю нѣсколько словъ Вашей любезной супругѣ.

Будьте здоровы, милый другъ.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

33.

[1894.]

Дорогой другъ
Файвель Бенциловичъ!

Спасибо Вамъ за прекрасное вино meȟare Ieȟudaȟ, которымъ я угощалъ между прочимъ двухъ поповъ—одного православнаго и одного католическаго: они пили съ благоговѣніемъ, думая, вѣроятно, что это отъ миссіонеровъ получено, хотя я внятно прочелъ имъ „Кошеръ л'пэсах", но они, должно быть, совсѣмъ забыли по-еврейски.

Л. С. Поляковъ у меня былъ, вчера я ему отдалъ визитъ и познакомился съ его семьей, которая мнѣ довольно понравилась, равно какъ и онъ самъ. Сегодня я у нихъ обѣдаю.

Относительно нѣмецкаго перевода моей статьи, я полагаю, что она сама по себѣ не довольно значительна для заграничнаго изданія. Слѣдовало бы издать собраніе русскихъ голосовъ по еврейскому вопросу, воспользовавшись двумя погибшими книжками нашихъ друзей—Ф. Г. и Н. Б. Туда можно было бы включить и эту статью. Подумавши объ этомъ еще и переговоривши съ Н. Бакстомъ въ Петербургѣ, напишу Вамъ что-нибудь окончательное.

Отправивъ это письмо, поѣду за двумя книжками своихъ стихотвореній для Васъ и Вашей супруги, которой прошу передать мой сердечный привѣтъ.

Неизмѣнно любящій Васъ
Влад. Соловьевъ.

34.

21 февр. 1895 г.

Дорогой другъ
Файвель Бенциловичъ!

Какъ вы поживаете? Надѣюсь—благополучно. Я тоже на Бога не ропщу,—за исключеніямъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда приходится путаться въ чужія личныя дѣла. Тутъ я поступаю не столько по-евангельски, сколько по-кантовски (согласно толкованію Шиллера): помогаю ближнимъ съ *глубокимъ отвращеніемъ*. Между прочимъ, я долженъ теперь сдѣлать что-нибудь для одного бѣднаго еврея, который мнѣ кажется идеалистомъ и фанатикомъ, но старый профессоръ N. N. увѣряетъ, что онъ мошенникъ, и, не ограничиваясь теоретическимъ выраженіемъ такого мнѣнія, перешелъ къ практикѣ, вытолкалъ его отъ себя съ нѣкоторыми тѣлесными поврежденіями. Жертва вспыльчивости почтеннаго гебраиста называется Хаимъ Наумовичъ Де-Глинъ; онъ издалъ на еврейскомъ языкѣ свое сочиненіе „Сеферъ Микдошъ Ааронъ", и теперь хочетъ издать то же по-русски, для чего желаетъ получить субсидію отъ министерства народнаго просвѣщенія. Такъ какъ Вы другъ съ Иваномъ Давыдовичемъ [1]), то не напишете-ли ему что-нибудь въ пользу этого несчастнаго. Никакихъ положительныхъ доказательствъ его нечестности N. N. не представилъ, ибо *осязательная* аргументація въ области спины и шеи Де-Глина доказываетъ не столько его мошенничество, сколько сердитый характеръ N. N. Я увѣренъ, что Вы сдѣлаете въ этомъ дѣлѣ все, что можете, и все, что нужно.

О себѣ сообщу двѣ главныя вещи. 1) Я поселился въ Финляндіи на озерѣ Саймѣ, откуда пріѣзжаю въ Петербургъ съ улучшеннымъ здоровьемъ и сбереженнымъ кошелькомъ. 2) Вмѣсто 2-го изданія „Критики отвлеченныхъ началъ" я издаю три болѣе зрѣлыя и обстоятельныя

---

[1]) Графъ И. Д. Деляновъ—бывшій министръ народнаго просвѣщенія.
Прим. Ф. Г.

книги: во-1-ыхъ, „Нравственную философію“, затѣмъ „Ученіе о познаніи и метафизику“ и наконецъ „Эстетику“. Первая уже печатается и должна выйти, если не будетъ задержекъ, въ началѣ мая; когда получу чистые листы, пришлю Вамъ. „Эстетика“ почти готова къ печати, а гнозеологіей съ метафизикой (которыя на половину готовы) займусь окончательно этимъ лѣтомъ. А въ настоящую минуту пишу статейку для еврейскаго сборника — противъ нахала Hase, утверждающаго, что *всѣ* пророки писали послѣ Маккавеевъ.

Будьте здоровы, сердечно кланяюсь женѣ Вашей и не теряю надежды увидѣться съ Вами.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

Ѣду на похороны Н. С. Лѣскова, одного изъ друзей еврейства.

35.

[1896.]

Любезный другъ
Файвель Бенциловичъ!

Усердно рекомендую Вамъ моего добраго знакомаго Анатолія Яковлевича Спѣшнева, который поселяется у васъ въ Вильно на службу по военно-юридическому вѣдомству. Вы, какъ старый виленецъ, можете быть очень полезны для новоприбывшаго, а если не измѣнили своего добраго расположенія ко мнѣ, то сдѣлаете это сначала для меня, а потомъ, когда познакомитесь, Анатолій Яковлевичъ, навѣрно, самъ пріобрѣтетъ Ваши симпатіи. Собираюсь и я въ Ваши страны—въ Ковно, и въ Вильно,—но печатаніе моей большой книги, которая подходитъ къ концу, — удерживаетъ меня въ Петербургѣ. Не посылалъ Вамъ корректурныхъ листовъ по разнымъ соображеніямъ, о которыхъ слишкомъ долго писать. Теперь скоро прочтете въ чистомъ видѣ. Посылаю Вамъ черезъ А. Я. Спѣшнева книжку о Магометѣ, и новое изданіе стихотвореній для Вашей супруги, которой усердно кланяюсь.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

NB. Не думайте, что это я снабдилъ свою книжку портретомъ Магомета,—это злодѣй Павленковъ меня подвелъ.

---

36 [1]).

Влад. Серг. Соловьевъ родился въ 1853 г. въ Москвѣ, сынъ русскаго историка Сергѣя Соловьева. Учился въ одной изъ московскихъ гимназій и затѣмъ изучалъ естественныя науки въ московскомъ университетѣ. Выдержавъ экзаменъ на кандидата историко-филологическаго факультета (въ томъ же университетѣ), поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскую Духовную Академію. Черезъ годъ выдержалъ экзаменъ на магистра философіи въ Петербургскомъ университетѣ и защитилъ публично диссертацію „*Кризисъ западной философіи*“ въ 1874 г., направленную противъ позитивизма. Выбранный въ доценты на вакантную каѳедру философіи въ Московскомъ университетѣ, читалъ тамъ лекціи по исторіи древней и новой философіи и по логикѣ. Провелъ одинъ годъ заграницей въ Англіи, Франціи, Италіи и Египтѣ. Оставивъ каѳедру въ московскомъ университетѣ вслѣдствіе своего нежеланія участвовать въ борьбѣ партій между профессорами, былъ назначенъ членомъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1878 г. прочелъ въ Петербургѣ публичный курсъ по философіи религіи. Въ 1880 г. напечаталъ сочиненіе „Критика отвлеченныхъ началъ“ и защитилъ его въ качествѣ диссертаціи на степень доктора философіи въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ потомъ (въ 1880—1882 гг.) читалъ какъ приватъ-доцентъ лекціи по метафизикѣ и философіи исторіи.

Въ то же время читалъ лекціи по исторіи древней философіи на высшихъ женскихъ курсахъ. Въ мартѣ 1881 г. произнесъ передъ многочисленной публикой рѣчь противъ смертной казни. Вскорѣ послѣ того оставилъ службу въ министерствѣ, а затѣмъ

---

[1]) Краткая автобіографія В. С. С., написанная имъ въ маѣ 1887 г.
Прим. Ф. Г.

и профессорскую дѣятельность и сосредоточилъ свои занятія на религіозныхъ вопросахъ, преимущественно на вопросѣ о соединеніи церквей и о примиреніи христіанства съ іудействомъ.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ диссертацій и многихъ мелкихъ статей, напечаталъ: 1) „Двѣнадцать чтеній о Богочеловѣчествѣ"; 2) „Философскія начала цѣльнаго знанія"; 3) „Религіозныя основы жизни"; 4) „Національный вопросъ въ Россіи"; 5) „Еврейство и христіанскій вопросъ"; 6) „Догматическое развитіе церкви".

Въ настоящее время приготовилъ къ печати обширное сочиненіе: „Исторія и будущность теократіи", въ трехъ томахъ, изъ коихъ первый содержитъ *философію библейской исторіи*, второй *философію церковной исторіи* и третій *задачи теократіи*.

37.

ГРѢХИ РОССІИ.

Доколѣ останутся въ васъ грѣхи народные и несознанные, никогда не одержите рѣшительныхъ побѣдъ, никогда не возстановите доброй славы.

Юрій Крижаничъ.

I.

Въ своей книгѣ „Россія и Европа" покойный Н. Я. Данилевскій, по-своему разбирая нашу исторію и нашу современность, признаетъ, что Россія поражена тяжелою болѣзнью. Болѣзнь эта, говоритъ онъ, въ цѣломъ препятствуетъ осуществленію великихъ судебъ русскаго народа и можетъ наконецъ, *несмотря на все видимое государственное могущество*, изсушивъ самобытный родникъ народнаго духа, лишить историческую жизнь русскаго народа внутренней зиждительной силы, а *слѣдовательно сдѣлать безполезнымъ, излишнимъ самое его существованіе*, ибо все, лишенное внутренняго содержанія, составляетъ лишь историческій хламъ, который собирается и въ огонь вметается въ день историческаго суда. „Россія и Европа", 2-е изд., стр. 316. Что Россія больна тяжкимъ и опаснымъ недугомъ, это очевидно, но также очевидно теперь для всякаго и то, что почтенный славянофилъ рѣшительно ошибся въ своемъ діагнозѣ, когда опредѣлялъ эту болѣзнь какъ оскудѣніе и ослабленіе національнаго духа въ русскомъ обществѣ. Если бы онъ не ошибся въ діагнозѣ, то указанный имъ далѣе способъ лѣченія долженъ бы былъ подѣйство-

вать. Не забудемъ, что Данилевскій писалъ въ концѣ *шестидесятыхъ* годовъ. „Оскудѣніе духа“, говоритъ онъ, „можетъ излѣчиться только поднятіемъ и возбужденіемъ духа, которое заставило бы встрепенуться всѣ слои русскаго общества, привело бы ихъ въ живое общеніе.“

„... Для избавленія отъ духовнаго плѣна и рабства надобенъ тѣсный союзъ со всѣми плѣненными и порабощенными братьями,— необходима борьба, которая, сорвавъ всѣ личины, поставила бы враговъ лицомъ къ лицу... Совершить это въ силѣ только суровая школа событій, только грозный опытъ исторіи. Эти цѣлительныя событія, отъ которыхъ придется принять спасительные уроки, уже восходятъ на историческомъ горизонтѣ и зовутся: *Восточнымъ вопросомъ*“ (317). Данилевскій, какъ и всѣ славянофилы, оказался пророкомъ на половину. Восточный вопросъ дѣйствительно поднялся и породилъ событія поучительныя, но смыслъ этихъ уроковъ оказывается совсѣмъ не тѣмъ, какой предполагалъ авторъ „Россіи и Европы“.

„Восточный вопросъ“, говоритъ тотъ же писатель, „не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые подлежатъ рѣшенію дипломатіи. Мелкую текущую дребедень событій предоставляетъ исторія канцелярскому производству дипломатіи; но свои великія вселенскія рѣшенія, которыя становятся закономъ жизни народовъ на цѣлые вѣка, провозглашаетъ она сама безъ всякихъ посредниковъ, окруженная громами и молніей, какъ Саваоѳъ съ вершины Синая“ (318). Черезъ семь или восемь лѣтъ послѣ того, какъ были написаны эти слова, разразилась послѣдняя восточная война. Громовъ и молній довольно было на Балканахъ, но Синай нашъ вдругъ оказался въ Берлинѣ, и исторія, вопреки Данилевскому, не захотѣла сама рѣшать нашей судьбы, а нашла себѣ посредника въ лицѣ кн. Бисмарка. А между тѣмъ то, чего желалъ и о чемъ пророчилъ Данилевскій, совершилось на нашихъ глазахъ. Вѣдь было же у насъ въ 1876 г. съ начала сербской войны „поднятіе и возбужденіе духа“, вѣдь встрепенулись же всѣ слои русскаго общества и пришли въ живое общеніе, былъ горячій патріотическій порывъ, былъ и тѣсный союзъ съ порабощенными братьями и открытая борьба съ врагами. Какіе же „спасительные уроки“ далъ намъ „грозный опытъ исторіи“?

То рѣшеніе восточнаго вопроса, къ какому привела наша

побѣдоносная война, обозначилось нынѣ какъ раздѣлъ Турціи между европейскими державами. Англія получила Кипръ и Египетъ, Франція—Тунисъ, Австрія, кромѣ Босніи и Герцеговины, пріобрѣла господствующее положеніе на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ Сербія, Румынія и обѣ Болгаріи могутъ теперь считаться de facto вассальными австрійскими владѣніями. Такое явное и при данныхъ условіяхъ непоправимое крушеніе нашей восточной политики есть явленіе слишкомъ крупное и тяжеловѣсное, чтобы можно было отъ него отдѣлаться, сваливая все на мнимыя или дѣйствительныя ошибки нашей дипломатіи, на мнимое или дѣйствительное отсутствіе у насъ способныхъ политическихъ дѣятелей. Вѣдь не фатумъ же это какой-то непостижимый и не безсмысленная случайность, что у Россіи не оказывается достаточныхъ политическихъ силъ именно въ такую значительную историческую минуту, когда онѣ были бы всего болѣе необходимы. Съ начала временъ не бывало и не слыхано, чтобы великій народъ не могъ исполнить своего историческаго назначенія, или отстоять своихъ жизненныхъ интересовъ, за неимѣніемъ пригодныхъ людей. Никогда не было такого случая въ исторіи, чтобы дѣло стало за людьми. Не оказалось у французскаго короля Карла VII надежныхъ совѣтниковъ и полководцевъ,—явилась вмѣсто нихъ крестьянская дѣвочка изъ Дом-Реми; ослабѣли московскіе бояре въ смутное время,—выручилъ нижегородскій мясникъ; не было въ 1812 г. у насъ Суворова,—обошлось и съ Кутузовымъ. А въ 1878 г. могли-ли мы пожаловаться на недостатокъ пригодныхъ дѣятелей для національной политики, когда у насъ были въ государствѣ и обществѣ люди такого направленія и такихъ способностей, какъ Скобелевъ, Игнатьевъ, Аксаковъ, Катковъ? Но когда и при способныхъ людяхъ нація оказывается неспособною, когда у нея за военными побѣдами слѣдуетъ внутренній упадокъ силъ и великое историческое дѣло вываливается изъ рукъ,—тогда возможны только два предположенія: или этотъ народъ закончилъ кругъ своей исторической дѣятельности и вступилъ въ эпоху упадка и разложенія, или же онъ въ чемъ-нибудь невѣренъ своему истинному призванію, и въ ближайшихъ задачахъ, которыя онъ себѣ ставитъ, есть какое-нибудь внутреннее противорѣчіе, какая-нибудь фальшь. Одно изъ двухъ: или такой народъ отжилъ свой вѣкъ, или онъ несетъ наказаніе за какіе-нибудь исто-

рическіе грѣхи. Считать Россію націей отжившей нѣтъ никакого основанія, это явно противорѣчитъ всѣмъ вѣроятностямъ и аналогіямъ. Итакъ, остается предположить вторую причину нашихъ неудачъ и недуговъ.

Въ послѣднее время, опять какъ передъ Севастополемъ, какъ передъ Плевной и Берлинскимъ конгрессомъ, слышатся у насъ праздныя и вредныя рѣчи о необычайномъ могуществѣ Россіи, о томъ, что ей стоитъ только сказать слово, и все сдѣлается по-нашему, что весь міръ съ трепетомъ ожидаетъ, что скажетъ и сдѣлаетъ Россія, и т. д. Если бы Россія проявляла на дѣлѣ свое могущество, то много говорить о немъ не было бы надобности, а если она почему нибудь проявить его не можетъ, то такія рѣчи лживы и опасны.

Впрочемъ, если многіе у насъ полагаютъ патріотизмъ въ національномъ самохвальствѣ—это ихъ дѣло. Намъ же должно говорить не о могуществѣ и не объ интересахъ, а о грѣхахъ и обязанностяхъ Россіи.

Когда несостоятельность крѣпостной и военно-бюрократической Россіи такъ ярко обнаружилась подъ Севастополемъ, національная совѣсть, олицетворенная въ покойномъ государѣ, сразу поняла коренную причину нашихъ бѣдствій, и Россія очистилась отъ крѣпостного права. Этотъ первый *нравственный* успѣхъ отразился и на внѣшнихъ дѣлахъ. Тогда какъ николаевскій милитаризмъ привелъ Россію только къ потерямъ, въ эпоху гражданскихъ реформъ широко распространились предѣлы русской державы. И все шло хорошо, пока мы покоряли Черкесовъ и Туркменъ или обуздывали разсвирѣпѣвшихъ Турокъ. Но какъ только предстала намъ положительная задача воспитать къ новой самостоятельной жизни освобожденные нами народы, Россія вдругъ смутилась, разроняла свои трофеи, разсорилась со своими питомцами и осталась ни при чемъ. Если Севастополь былъ справедливымъ наказаніемъ за крѣпостное право, за что наказаніемъ былъ Берлинскій конгрессъ съ его нынѣшними послѣдствіями?

Какъ можемъ мы рѣшить восточный вопросъ, когда намъ нельзя съ чистою совѣстью поднять своего знамени, на которомъ написано: національная, гражданская и религіозная самостоятельность и свободное развитіе всѣхъ народовъ Христіанскаго Востока. Никакіе военные подвиги на пользу этихъ народовъ не

могутъ закрыть нашихъ собственныхъ грѣховъ; напротивъ, эти подвиги только ярче обличаютъ глубокое внутреннее противорѣчіе, въ которомъ мы находимся. Мы говоримъ не объ условіяхъ политическихъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Существующія основы государственнаго строя въ Россіи мы принимаемъ какъ фактъ *неизмѣнный*. Дѣло не въ этомъ. Но при всякомъ политическомъ строѣ, при республикѣ, при монархіи и при самодержавіи, государство можетъ и должно удовлетворять внутри своихъ предѣловъ тѣмъ требованіямъ національной, гражданской и религіозной свободы, которыя наши же оффиціальные и оффиціозные патріоты предъявляли и предъявляютъ къ Турціи и Австріи. Это дѣло не политическихъ соображеній, а народной и государственной *совѣсти*. Великая нація не можетъ спокойно жить и преуспѣвать, нарушая *нравственныя* требованія. И пока въ Россіи изъ фальшивыхъ политическихъ соображеній будетъ продолжаться система насильственнаго обрусѣнія на окраинахъ, пока съ другой стороны милліоны русскихъ подданныхъ будутъ насильственно обособляемы отъ прочаго народа и подвергаемы новому виду крѣпостного права, пока система уголовныхъ каръ будетъ тяготѣть надъ религіознымъ убѣжденіемъ и система принудительной цензуры надъ религіозною мыслію,—до тѣхъ поръ Россія во всѣхъ своихъ дѣлахъ останется нравственно связанною, духовно парализованною, и ничего кромѣ неудачъ не увидитъ.

Влад. Соловьевъ.

Вотъ Вамъ, любезный другъ, первая вступительная статья для „Новостей". Послѣ-завтра отправлю Вамъ письмо, и можетъ-быть вторую статью.

N. B. Корректуру прошу прислать непремѣнно по слѣдующему адресу: Остоженка, *Штатный* переулокъ, домъ Аверкіева, Е. В. Михаилу Сергѣевичу Соловьеву.

Письмо къ князю Алексѣю Дмитріевичу Оболенскому.

Сіятельный другъ!

Жду твоего свѣтлѣйшаго совѣта. Если возможно не замедли, ибо

1) заблуждающійся, но симпатичный, М. ждетъ моего отвѣта;

2) въ недолгомъ времени мнѣ нужно отправиться въ совершенно неизвѣстное мнѣ мѣсто и неизвѣстный домъ крестить младенца одного моего пріятеля.

Сею ночью, отходя ко сну, но уже весьма отягченный онымъ, я сочинилъ письмо моему другу Лопатину, довольно нелѣпо ополчившемуся на меня изъ-за какого-то „феноменизма“.

Ты взвелъ немало небылицы
На друга стараго, но ахъ!—
Такія ветхія мы лица
И близокъ такъ могилы прахъ,
Что вновь воинственное пламя
Души моей ужъ не зажжетъ,
И полемическое знамя
Увы! виситъ и не встаетъ.
Я слишкомъ старъ для игръ Арея,
Какъ и для Вакха я ослабъ,—
Заснуть бы мнѣ теперь скорѣе...
Ахъ! мнѣ заснуть теперь пора-бъ.
„Феноменизма“ я не знаю,
Но если онъ поможетъ спать,
Его съ восторгомъ призываю:
Грядемъ, возлюбленный, въ кровать!

Жду твоего мудраго слова для господина М—ова

Твой Влад. Соловьевъ.

Изъ бумагъ С. П. Хитрово, рожд. Бахметевой.

---

1 [1]).

ПРОМЕТЕЮ.

Когда душа твоя въ одномъ увидитъ свѣтѣ
Ложь съ правдой, съ благомъ зло,
И обойметъ весь міръ въ одномъ любви привѣтѣ,
Что есть и что прошло;

Когда узнаешь ты блаженство примиренья;
Когда твой умъ пойметъ,
Что только въ призракѣ ребяческаго мнѣнья
Добро и зло живетъ,—

Тогда наступитъ часъ—послѣдній часъ творенья...
Твой свѣтъ однимъ лучомъ
Разсѣетъ цѣлый міръ туманнаго видѣнья
Въ тяжеломъ снѣ земномъ:

Преграды рушатся, расплавлены оковы
Божественнымъ огнемъ,
И утро вѣчное восходитъ жизни новой
Во всѣхъ и всѣ въ Одномъ.

Вл. Соловьевъ.

---

[1]) Писано карандашемъ на отдѣльномъ листкѣ, безъ поправокъ. Дата не проставлена. *Прим. ред.*

2. [1])

Въ часъ безмолвнаго заката
Объ ушедшихъ вспомяни ты,
Не погибло безъ возврата,
Что съ любовью пережито.

Пусть синѣющимъ туманомъ
Ночь на землю наступаетъ—
Не страшна ночная тьма намъ:
Сердце день грядущій знаетъ.

Новой славою Господней
Озарится сводъ небесный,
И пройдетъ до преисподней
Свѣтлый благовѣстъ воскресный.

---

[1]) Стихотвореніе это входитъ въ составъ одного частнаго письма Вл. С. Соловьева безъ даты. *Прим. ред.*

3. [1])

МОЯ ЛАДЬЯ.

(Изъ Прерадовича.)

Плыви, плыви, моя ладья,
Плыви куда-нибудь!
Не знаю я, гдѣ цѣль твоя—
Ты цѣль себѣ добудь.

Коль такъ далеко занесла
Тебя судьбины мочь,—
Вотъ парусъ твой и два весла:
Плыви и день, и ночь!

Во власть вѣтровъ себя отдай,
На волю бурныхъ волнъ,
Гляди впередъ, не унывай,
И къ небу стягъ, мой челнъ!

---

[1]) Стихотвореніе это, подобно предыдущему, входитъ въ составъ одного частнаго письма Вл. С. Соловьева безъ даты. Вотъ небольшой отрывокъ изъ этого письма, дающій, между прочимъ, возможность установить дату хотя-бы приблизительно:

„Былъ очень огорченъ неожиданною смертью Бутлерова, и почувствовалъ, что любилъ этого отличнаго человѣка гораздо больше, чѣмъ самъ думалъ. Вотъ въ послѣднее время три такія близкія для меня потери: Лапшинъ, старушка Шаховская и теперь онъ. Очень пустѣе будетъ безъ него въ Петербургѣ".

Какъ извѣстно, проф. А. М. Бутлеровъ скончался 5-го августа 1886 г.
Прим. ред.

*

4. [1])

ИЗЪ ДАНТЕ.

Полны мои мысли любовью одною,
Но другъ противъ друга враждуютъ упорно;
Та молвитъ: любви ты отдайся покорно,
А эта: любовь лишь играетъ тобою.

Одна разрываетъ всю душу тоскою,
Другая мнѣ сладость несетъ упованья,—
Вдругъ сходятся вмѣстѣ въ тревожномъ желаньѣ
И въ сердцѣ трепещутъ пугливой мольбою.

Склоняется разумъ предъ волею плѣнной,
Сказать бы хотѣлъ, и что молвить не знаю,
И такъ на распутьи блуждаю въ смятеньѣ...

Однимъ, лишь однимъ примирю всѣ сомнѣнья:
Прибѣгнувъ къ тому, чѣмъ такъ долго страдаю,—
Къ той тайнѣ грозящей съ мольбой дерзновенной.

---

[1]) Изъ частнаго письма Вл. С. Соловьева безъ даты. Рядомъ съ настоящимъ сонетомъ помѣщенъ въ письмѣ другой сонетъ изъ Данте („Все въ мысляхъ у меня мгновенно замираетъ“), помѣченный въ собраніи стихотвореній (изд. 4-ое, стр. 60) 1886-ымъ годомъ.

Прим. ред.

5. [1])

Ужъ солнца кругъ, краснѣя и пылая,
Къ землѣ спускался, и въ пурпурномъ свѣтѣ
Цвѣты, деревья и потокъ далекій
Безмолвно и недвижимо стояли.
„Смотри, смотри!“—воскликнула Марія,
„Какъ плаваетъ то золотое око
Въ волнахъ лазурныхъ!“—Тише, бѣдный другъ!—
Сказалъ я ей — и чудное движенье
Увидѣлъ я въ вечернемъ полусвѣтѣ.
Тамъ образы туманные вставали,
Сплетаясь блѣдными, прозрачными руками;
Съ тоскою нѣжною глядѣли тамъ фіалки,
И лилія надъ лиліей склонялась;
И розы, и гвоздики трепетали
И пламенѣли въ жаркомъ наслажденьи;
Цвѣты всѣ плавали въ блаженномъ ароматѣ
И слезы тихаго восторга проливали,
И восклицали всѣ: любовь, любовь!
Порхали бабочки, и пѣсню эльфовъ
Жужжали тонко свѣтлые жуки.
Вечерній вѣтеръ шелестѣлъ, шумѣли
Дубы, и заливался соловей.
И въ этомъ шумѣ, шепотѣ и пѣньѣ

[1]) Изъ частнаго письма Вл. С. Соловьева безъ даты. Тексту стихотворенія предпосланы такія слова;

„Вотъ Вамъ немного исправленный переводъ, во вчерашнемъ были невозможныя выраженія.“

Оригиналъ стихотворенія—Heine, Buch der Lieder, Ratcliff (конецъ).

Прим. ред.

Беззвучно, холодно и тускло раздавалась
Рѣчь дикая моей подруги бѣдной:
„Я знаю, что творится по ночамъ
Тамъ въ замкѣ—этотъ длинный призракъ
Не золъ—онъ кланяется только и киваетъ
На все, что ни скажи ему—тотъ синій—
Онъ ангелъ! но зато вотъ этотъ красный,
Съ мечемъ блестящимъ,—твой смертельный врагъ.“
И много странныхъ и чудесныхъ словъ
Спѣшила насказать она и сѣла
Усталая на мшистую скамью
Подъ старымъ широковѣтвистымъ дубомъ.

И тамъ сидѣли мы задумчиво и тихо,
Смотрѣли другъ на друга, и печаль
Въ насъ все сильнѣе становилась.
Предсмертнымъ вздохомъ шелестѣлъ намъ дубъ,
И соловей мучительно такъ пѣлъ.
Но красные лучи прошли сквозь листья,
Маріи блѣдный обликъ озарили
И очи неподвижныя зажгли,
И прежнимъ сладкимъ голосомъ сказала
Она мнѣ: „Какъ ты зналъ, что я несчастна?
Въ твоихъ стихахъ объ этомъ я прочла.“

Морозъ сжалъ сердце мнѣ, я ужаснулся
Безумью моему, передъ которымъ
Грядущее явилося такъ ясно.
Мой мозгъ сотрясся, вдругъ все потемнѣло,
И въ ужасѣ я пробудился.

Письма къ граф. С. А. Толстой, рожд. Бахметевой [1].

1.

Шпалерная, 18.—4 апрѣля 1877 г.

Сейчасъ пріѣхалъ на Шпалерную и жду Л., чтобы отдать ему ваши письма, дорогая графиня.

Пролилъ я нѣсколько слезъ передъ холоднымъ каминомъ въ гостиной, но все-таки думаю, что мнѣ будетъ здѣсь очень хорошо.—Все тихо и меланхолично, какъ въ моей душѣ теперь. Еслибъ только всегда знать, что съ вами, и не выдумывать по ночамъ разные невозможные ужасы!

Здоровъ ли Рюрикъ и когда вы ѣдете? Напишите нѣсколько словъ передъ отъѣздомъ. С. П. и В. буду писать въ Красный Рогъ [2]).

Заѣзжалъ къ брату и нашелъ для себя разныя бумаги изъ министерства—хорошо, что не остался въ Москвѣ—оказывается, моя должность вовсе не синекура, — это ничего — un métier comme un autre, лишь бы die göttliche Sophia оставалась въ сторонѣ.

Въ большомъ мірѣ еще ничего рѣшительнаго. Говорятъ, будто на-дняхъ выступаетъ отсюда гвардія, которая должна войти въ составъ западной арміи на австрійской границѣ подъ начальствомъ Наслѣдника. Но это только слухи, а пока нѣтъ еще и манифеста.

Сейчасъ пришелъ Л. и потосковалъ о васъ. Онъ думаетъ, что вамъ придется еще долго сидѣть въ Москвѣ; впрочемъ, онъ, кажется, все видитъ въ черномъ свѣтѣ.

Будьте здоровы—да хранятъ васъ боги.

---

[1]) Вдова гр. А. К. Толстого. Письма за №№ 1, 2, 3, 4, 6 и 7 были напечатаны въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1908 годъ.
Прим. ред.

[2]) Имѣніе гр. Толстого. *Прим. „В. Е.“.*

2.

27 апрѣля 1877 г. Спб.

...Мнѣ необходимо имѣть отъ васъ извѣстія; прежде нѣкоторымъ источникомъ служилъ Л., но теперь онъ уѣхалъ, и все, что было прекраснаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Я собираюсь теперь въ Пустыньку [1]), а затѣмъ, *можетъ-быть*, въ Малую Азію въ объятія чумы и турокъ—въ качествѣ волонтера или же корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей"; впрочемъ, хотя я уже писалъ Каткову (въ отвѣтъ на его предложеніе писать ему корреспонденціи изъ Петербурга, что̀ уже совершенно безсмысленно), но все это, вѣроятно, есть только „химера легкомысленной юности"...

Эти три недѣли я занимался довольно много, написалъ четвертую главу, гораздо болѣе интересную, чѣмъ прежнія, и отдалъ переписать, чтобы прочесть въ Красномъ Рогѣ (если попаду туда вмѣсто Малой Азіи).

Въ библіотекѣ пока не нашелъ ничего особеннаго.

У мистиковъ много подтвержденій моихъ собственныхъ идей, но никакого новаго свѣта, къ тому же почти всѣ они имѣютъ характеръ чрезвычайно субъективный и, такъ сказать, слюнявый. Нашелъ трехъ спеціалистовъ по Софіи: Georg Gichtel, Gottfried Arnold и John Pordage.

Всѣ трое имѣли личный опытъ, почти такой же, какъ мой, и это самое интересное, но собственно въ теософіи всѣ трое довольно слабы, слѣдуютъ Бэму, но ниже его. Я думаю, Софія возилась съ ними больше за ихъ невинность, чѣмъ за что-нибудь другое. Въ результатѣ настоящими людьми все-таки оказываются только Парацельсъ, Бэмъ и Сведенборгъ, такъ что для меня остается поле очень широкое. Познакомился немного съ польскими философами,—общій тонъ и стремленія очень симпатичны, но положительнаго содержанія никакого,—пара нашимъ славянофиламъ.

О службѣ своей и о многомъ другомъ не пишу, потому что тороплюсь.

Голуби ваши здоровы, и я думаю повезти ихъ въ Пустыньку...

---

[1]) Имѣніе гр. Толстого, близъ Петербурга. *Прим. „В. Е."*

3.

14 мая 1877 г. Спб.

Дорогая графиня, вы не повѣрите, какъ я ужасно васъ люблю и какъ мнѣ тяжело, что не могу скорѣе попасть къ вамъ; я считаю дни, какъ институтка.

Сейчасъ получилъ ваше письмо по городской почтѣ, что̀ меня сначала очень удивило и испугало. Я и прежнее ваше письмо получилъ и сейчасъ же отвѣчалъ; очень буду радъ—если до васъ мой отвѣтъ не дошелъ, потому что онъ былъ очень глупъ.

Неужели вамъ было непріятно, а не забавно, читать о „трехъ силахъ“ въ „Вѣстникѣ Европы“ [1])...

Я отчасти предчувствую, что̀ вы будете мнѣ говорить, но объявляю заранѣе, что между мною и благоразуміемъ не можетъ быть ничего общаго, такъ какъ самыя цѣли мои не благоразумны.

Тутъ разсчетъ никакой не поможетъ—„не догадка, не умъ, но безумье въ тотъ край, но удача привесть тебя можетъ!“

Поэтому зачѣмъ и вамъ принимать несвойственную вамъ роль.

Въ Пустыньку я никакъ не могъ попасть, прозябаю въ Петербургѣ, прозябаю въ буквальномъ смыслѣ, ибо у насъ снѣгъ и на точкѣ замерзанія, и вмѣсто соловьевъ поютъ пьяные мѣщане, возвращающіеся изъ Демидова сада. Господи, какая мерзость и тоска!

Въ Малую Азію, кажется, не поѣду; во всякомъ случаѣ, если не умру, то въ концѣ этого мѣсяца буду въ Красномъ Рогѣ. Будутъ ли еще пѣть соловьи?

Сейчасъ получилъ письмо отъ Дмитрія. Онъ ждетъ меня. Мои тоже ждутъ меня въ Москвѣ. Итакъ, я долженъ быть въ трехъ мѣстахъ за-разъ!

Несмотря на все, я очень бодръ. Большая исторія меня очень радуетъ.

Гулъ растетъ какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой—
Вскорѣ, вскорѣ, въ бранномъ спорѣ
Закипитъ весь міръ земной...

---

[1]) Статья А. В. Станкевича—„Три безсилія: три силы. Публичная лекція Вл. Соловьева“ (апрѣль 1877 г.). *Прим. „В. Е.“*.

4.

Москва, 11 сентября 1877 г.

Могутъ быть другія причины, по которымъ я не писалъ вамъ, кромѣ той, которую вы предполагаете.

Впрочемъ, нисколько не удивляюсь, что вы мною интересуетесь: я знаю, что васъ интересуютъ *всѣ предметы*—какъ живые, такъ равно и неодушевленные (иногда принадлежу къ этимъ послѣднимъ).

Самъ же я теперь болѣе всего интересуюсь своей книгой, изъ которой выходитъ что-то большое.

Пришлю вамъ, какъ только будетъ готова.

Жаль только, что не могу уничтожить двухъ главъ, написанныхъ зимою, и которыя такъ же пусты, какъ моя голова въ то время. Avec des apparences de bonté j'ai un coeur très méchant. C'est mauvais, mais je n'y puis rien. [1])

Одинъ китайскій купецъ — когда англичанинъ упрекалъ его за какой-то обманъ—отвѣчалъ ему: „I am a rogue—cannot help it"... [2])

Прощайте надолго.

Надѣюсь, встрѣтимся лучше—т.-е. когда я буду лучше.

---

[1]) Подъ видомъ доброты, у меня очень злое сердце! Это дурно, но я ничего не могу подѣлать.

[2]) Я плутъ—но ничего не подѣлаешь. *Прим. „В. Е.".*

5.

[С.-Петербургъ, 30 ноября 1878 г.]

Дорогая графиня,

Велите передать посланчому то, что нужно для Натальи Михайловны [1]), а также Zöllner'a (двѣ книги сверху) и еще мои бумаги, которые у N. A Вы пришлите мнѣ также чернильницу.

Простите. Храни Васъ Богъ. А я не знаю, что со мною будетъ. „Темнота и туманъ застилаютъ мой путь, ночь на землю все гуще ложится".

Простите.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

---

[1]) Граф. Н. М. Соллогубъ, рожд. бар. Боде. *Прим. ред.*

6.

[1879—80 г.?]

Химки. 12 ч. ночи.—Сегодня вечеромъ получилъ вашу телеграму, дорогая графиня, и былъ несказанно ею обрадованъ, во-первыхъ, потому, что она означаетъ, что у васъ все благополучно—а также и потому, что я по своему меланхолическому темпераменту склоненъ чувствовать себя въ забвеніи отъ Бога и людей (чего я, конечно, достоинъ), но тѣмъ болѣе радуюсь незаслуженной памяти.

Что́ я дѣлаю, вы спрашиваете? Занимаюсь „красотой и творчествомъ“—въ теоріи, графиня, увы, только въ теоріи!

Ѣздилъ на нѣсколько дней въ Тульскую губернію, и черноземъ подѣйствовалъ на меня успокоительно.

Сегодня получилъ приглашеніе отъ Одесскаго университета на весьма выгодныхъ условіяхъ; отложилъ свой отвѣтъ до сентября, пусть рѣшитъ за меня кто-нибудь умнѣе меня... Уѣзжаю въ вашу сторону въ концѣ этого мѣсяца.

До свиданія, еще разъ спасибо...

7.

(1883 г. Москва?)

Какъ я радъ, дорогая графиня, что у васъ все благополучно, повидимому, и всѣ здоровы. А у меня очень плохо. Болѣзнь моего отца—перерожденіе сердца—совершенно неизлечимая, хотя можетъ протянуться нѣсколько лѣтъ, но бываютъ случаи и внезапной смерти отъ удушья. Теперь онъ очень слабъ, и мы по цѣлымъ вечерамъ играемъ съ нимъ въ дураки,—можете себѣ представить, какое печальное существованіе.

Если я поѣду въ Липяги [1]), то не раньше самаго конца іюля или начала августа,—мнѣ очень хочется туда, а къ вамъ, конечно, еще болѣе, но на всякое хотѣнье есть терпѣнье.

Было бы только для чего.

Я не унываю, много думаю и пишу. Васъ люблю болѣе, чѣмъ когда-либо...

Не думайте, что я думаю, что вы имѣете ко мнѣ какое-нибудь особенное расположеніе—но я ничего совсѣмъ не требую,—это „ein längst überwundener Standpunkt", когда я требовалъ и обижался.

Прощайте—до свиданія,—мнѣ почему-то кажется, что мы все-таки увидимся въ августѣ, хотя это и невѣроятно.

Посылаю вамъ брошюру Фихте, также довольно любопытную книгу Denton'a: the Soul of things, и еще кой-что по спиритизму. Будьте здоровы.

Я дѣйствительно былъ боленъ, когда уѣзжалъ—сердцебіеніемъ и головокруженіемъ, и очень признателенъ барону N., который былъ со мною всю дорогу болѣе чѣмъ любезенъ.

А *** не дала мнѣ никакой реликвіи, хоть и обѣщала... такъ что главнымъ предметомъ моего иконопочитанія остается попрежнему фотографія съ оторванною головою...

---

[1]) Имѣніе кн. Д. Н. Цертелева въ Тамбовской губерніи.
Прим. „В. Е."

8.

[С.-Петербургъ. 1883 г. (?)]

Графиня!

Если Вы владѣете глазами и руками, то будьте такъ добры— напишите два слова о температурѣ и т. п.

Представьте себѣ, бѣдный Дмитрій [1]) потерялъ вчера свой портфель со всѣми деньгами и важными бумагами и никакъ не могъ сообразить, гдѣ его нужно искать. Не оставилъ ли онъ его у васъ?

До свиданья вечеромъ.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Кн. Д. Н. Цертелевъ. *Прим. ред.*

9.

[С.Петербургъ. Осенью 1886 г.]

Дорогая графиня,

Я слышалъ, что Вы желаете имѣть мои стихи, между прочимъ акаѳистъ [1]), посылаю Вамъ его и четыре маленькихъ стихотворенія, изъ коихъ одно только-что написано („Земля-Владычица“ [2])). Если будете кому-нибудь сообщать акаѳистъ, то прошу объяснить, что неправильности размѣра сознательны и взяты у образца (Петрарки).

Я завтра, наконецъ, уѣзжаю за-границу, сначала моремъ — Рига, Данцигъ, а потомъ — Бреславль, Вѣна. До сихъ поръ меня задерживали разныя дѣла. Послѣдній разъ въ Москвѣ, въ самый день назначеннаго отъѣзда, я внезапно „избавился отъ зла“ (по терминологіи Л. Толстого), а именно у меня украли 500 р. [3]), отложенные на поѣздку. Къ счастью, нашлись въ Москвѣ добрые люди, которые вновь ссудили меня этимъ зломъ, и я въ концѣ концовъ все-таки отправляюсь въ Хорватію со своими манускриптами. А тамъ меня уже давно ждутъ и даже возвѣщали въ газетахъ о моемъ пріѣздѣ. Пока я улаживалъ свое неожиданное затрудненіе, я рѣшилъ заѣхать въ Гапсаль и воспользоваться пребываніемъ въ этомъ пустынно-многолюдномъ уголкѣ, чтобы привести въ окончательный порядокъ первую часть своей „Теократіи“, и сверхъ того приготовилъ русское изданіе одного очень важнаго церковно-историческаго памятника, недавно открытаго.

И самъ я тоже становлюсь въ родѣ памятника надъ несбывшимися мечтами и разрушенными иллюзіями. Впрочемъ,—отрадно спать, отраднѣй камнемъ быть. Покойной ночи.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Собраніе стихотвореній, изд. 4-ое, стр. 30 („Изъ Петрарки, Хвалы и моленія Пресвятой Дѣвѣ“). *Прим. ред.*

[2]) Тамъ-же, стр. 55. *Прим. ред.*

[3]) Ср. письмо на стр. 42. *Прим. ред.*

Письма къ С. Н. Сыромятникову [1]).

1.

[Начало февраля 1895 г.].

Многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ!

Пріѣхавъ на-дняхъ изъ Финляндіи въ Петербургъ, нашелъ прекрасную книжечку, которую Вы такъ любезно мнѣ прислали. Это было мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что я уже давно замѣтилъ Ваши сказки, очень симпатичныя мнѣ и по направленію, и по дарованію. Книжку Вашу я прочелъ въ одну ночь залпомъ, но писать Вамъ о ней не хочу, ибо желаю познакомиться съ Вами лично. Вы, можетъ-быть, свѣтскій молодой человѣкъ, но я и не свѣтскій, и не молодой, а потому безъ предварительнаго обмѣна визитами предлагаю Вамъ устроить свиданіе наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ.

Дѣло въ толъ, что я пріѣхалъ не надолго и чрезвычайно занятъ. Единственная для меня возможность поговорить съ Вами на досугѣ это—если Вы будете такъ добры пріѣдете ко мнѣ (гост. Англія, противъ Исакія, № 49)—обѣдать въ *пятницу* или *воскресенье* около 6 ч. Если оба эти дня Вамъ не удобны, то назначьте любой на будущей надѣлѣ, *кромѣ субботы*. Еще разъ спасибо Вамъ за милую книжку, и надѣюсь—до скораго свиданья.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Я познакомился съ Соловьевымъ 13-го февраля 1895 г. и въ послѣдній разъ видѣлъ его въ маѣ 1900 г., передъ своимъ отъѣздомъ въ Персидскій заливъ, гдѣ и узналъ о его кончинѣ. Въ этотъ періодъ, за исключеніемъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ мною на Дальнемъ Востокѣ, я видѣлся съ нимъ довольно часто. Онъ былъ моимъ „правителемъ совѣсти“ и помогалъ мнѣ своими совѣтами въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ моей нравственной жизни. При частыхъ личныхъ свиданіяхъ его переписка со мною не могла имѣть литературнаго или философскаго характера, но она свидѣтельствуетъ о его доброй душѣ и о его ко мнѣ расположеніи. Я не увѣренъ, что мнѣ удалось собрать всѣ письма Вл. Соловьева, такъ какъ постоянныя путешествія трудно соединимы съ порядкомъ въ бумагахъ.

Прим. С. Н. С.

2.

[7 февраля 1895 г.]

Многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ!

Что Вашъ плевритъ? Если завтра, среду, будете здоровы, а на дворѣ не будетъ такой метели, то не можете ли пріѣхать ко мнѣ въ 11 ч. *вечера*, ибо ни завтра, ни въ послѣдующіе дни этой недѣли я не обѣдаю дома. Если же Вы еще не выѣзжаете, или поздній часъ Вамъ почему-нибудь неудобенъ, то пріѣзжайте обѣдать въ *понедѣльникъ, 13-го* (буде не боитесь начинать знакомство при такой фатальной конъюнкціи; впрочемъ, знакомство можетъ считаться уже начавшимся). А если Вашъ плевритъ серьезно затянется, то навѣщу Васъ передъ отъѣздомъ въ Финляндію.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

3.

18 марта 1895 г.

Многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ!

Не найдете ли вы возможности напечатать въ „Новомъ Времени“, въ одномъ изъ четырехъ ближайшихъ номеровъ (воскресенье, или понедѣльникъ, или вторникъ, или среда), такое приблизительно сообщеніе:—

Въ пользу состоящаго подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой княгини Елизаветы Маврикіевны Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ устраивается въ среду, 22 марта, въ квартирѣ А. С. Ермолова литературно-музыкальный вечеръ, посвящаемый памяти поэта гр. А. К. Толстого. [*Зачеркнуто*: подобный вечеръ, устроенный недавно въ память Ѳ. И. Тютчева, принесъ благотворительному обществу болѣе 1200 р.]

Надѣюсь, что Вы ничего не имѣете противъ этого, и что въ газетѣ также не будетъ препятствія. Нѣтъ надобности упоминать обо мнѣ: можете сослаться на первый источникъ — дамъ благотворительницъ.

Въ воскресенье вечеромъ заѣду за Вами.

До завтра.

Душевно Вашъ

В. Соловьевъ.

4.

[Іюнь 1895 г.]

Досточтимый Сергѣй Николаевичъ!

Во-первыхъ, извѣщаю Васъ, что свято, хотя и медленно, исполняя данныя мною обѣщанія, я, наконецъ, написалъ рецензію на Вашу книжку для „Вѣстника Европы". Написанное доставлено въ типографію этого журнала 21-го іюля, но, пожалуй, уже опоздало къ августовской книжкѣ и попадетъ тогда въ сентябрскую. Если, противно ожиданію, благосклонный характеръ моей рецензіи окажется несовмѣстимымъ съ неблагосклоннымъ отношеніемъ „Вѣстника Европы" къ постоянному сотруднику „Новаго Времени", то я передамъ свою рецензію въ книжки „Недѣли". [1])

Во вторыхъ, препровождаю Вамъ полученную мною изъ Москвы рукопись, назначеніе коей Вы узнаете изъ сопровождающаго ее письма. Поясню только, что Влад. Ѳед. Орловъ — мой старый пріятель и человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный.

Адресъ мой для писемъ: у Синяго моста, Вознесенскій просп., д. 16 (казармы), кв. 3.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Рецензія была напечатана въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы" 1895 г. *Прим. С. Н. С—а.*

5.

[Царское Село, Церковная ул., д. Мердера. 20 дек. 1895 г.]

Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

С. П. Хитрово проситъ Васъ передать въ редакцію „Новаго Времени“ для напечатанія прилагаемое письмо, касающееся возмутительной продѣлки заграничныхъ жуликовъ, именуемыхъ эмигрантами.

Я живу въ Царскомъ Селѣ, много работаю и хвораю, въ Петербургѣ бываю рѣдко, только по дѣламъ. Очень бы желалъ съ Вами повидаться, но вотъ все не приходится, теперь даже не знаю Вашего адреса.

Будьте здоровы.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

6.

[1896 г. на карточкѣ.]

Очень жалѣю, ждалъ Васъ съ доброй бутылкой, а въ $6^1/_2$ долженъ ѣхать къ Головину, отмѣнить поздно. Къ воскресенью надѣюсь выздоровѣть—итакъ приходите въ 1 ч. ко мнѣ завтракать, а затѣмъ поѣдемъ къ Суворину, а если не хотите, поѣду одинъ. Во всякомъ случаѣ до скораго свиданія. Сердечный поклонъ Аннѣ Николаевнѣ.

7.

2 ноября 1896 г.

Младой, но безстыдный Анахарсисъ!

Болѣе недѣли тому назадъ, пригласивъ Васъ къ себѣ на полуденную трапезу, и молчаніе Ваше согласіемъ быти уповая, не токмо въ назначенный день тщетно Васъ прождалъ, но и послѣ того никакихъ знаковъ продолжающейся жизни Вашей не обрѣталъ, обаче и о безвременномъ пресѣченіи оной городскими курантами весьма не извѣщенный, все сіе причитаю къ вѣтренности, которая, уповаю, имѣетъ предѣлы, а посему завтра, въ воскресенье, 3-го сего ноября, вторично учреждаю для Васъ трапезу въ 1 ч. по полудни, имѣя къ тому и что сказать Вамъ и болѣе удобнаго времени не изыскавъ.

Впрочемъ пребываю съ неизмѣнною къ Вамъ пріязнью.

Влад. Соловьевъ.

8.

Май 1898 г.

Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

Что̀ съ вами случилось? У меня форменная инфлуэнца, и я даже глотаю что-то, прописанное мнѣ докторомъ Боткинымъ (не покойникомъ) и не выѣзжаю до четверга, иначе проводилъ бы Васъ лично. [1])

Напишите, пожалуйста, что̀ съ Вами.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Передъ моимъ отъѣздомъ въ Корею.

Прим. С. Н. С.

9. [1])

[1900.]

Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

До сихъ поръ не могъ ничего положительно узнать объ авторѣ Болгарской конституціи. Стасюлевичъ указалъ на М-а, но когда я спросилъ: откуда вы это знаете? — онъ отвѣчалъ: отъ самого М—а. А тотъ страдаетъ болѣзненной страстью ко лжи и воровству. Повидимому, достовѣрно только, что Градовскій не писалъ этой конституціи—ему предлагали, но онъ отказался по незнанію мѣстныхъ условій.

Весь Вашъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Писано на бумагѣ съ помѣткой: Hôtel d'Angleterre.
Прим. С. Н. С.

10.

Янв. 1900.

Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

Вотъ Вамъ письмо въ редакцію, о которомъ я Вамъ говорилъ. Отдаю его на Ваше дружеское попеченіе.

Я здоровъ, но задавленъ лавиной спѣшныхъ занятій. Сегодня начинается судъ, то есть пока еще предварительное совѣщаніе судей по дѣлу Ухтомскаго съ Энгельгартомъ.

Суперъ-арбитромъ хочу предложить генерала Шильдера. [1])

До свиданія.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Ранѣе Вл. С. Соловьевъ былъ суперарбитромъ по дѣлу проф. Карѣева и проф. Трачевскаго. *Прим. ред.*

11.

30 янв. 1900.

Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

Хотя содержаніе прилагаемаго совсѣмъ не важно, но все-таки прошу Васъ устроить его помѣщеніе въ „Новомъ Времени“ завтра на замѣтномъ мѣстѣ. Мнѣ съ этой глупостью ужасно надоѣдаютъ. До среды.

Весь Вашъ
Влад. Соловьевъ.

12.

31 янв. 1900.

Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

Дошло ли до Васъ вчера мое письмо? Если нѣтъ, то вотъ въ чемъ дѣло: повидимому, я подвергся нелѣпой мистификаціи какого-то мерзавца (могу только догадываться), отъ продолженія коей мнѣ необходимо оградиться.

Если вчерашнее письмо пропало, то вотъ его повтореніе.

Зайду къ Вамъ сегодня въ сумерки, а если не застану, то до среды.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

NB. Если вчерашнее письмо дошло до Васъ и уже отправлено по назначенію, то, разумѣется, его не нужно замѣнять этимъ варьянтомъ, такъ какъ разница между ними не велика.

Письмо въ редакцію.

Въ № 8 *Гражданина* въ замѣткѣ „Сторонняго читателя" обличается въ какихъ-то ошибкахъ напечатанная прежде въ томъ же журналѣ статья о бракѣ г. В. Соловьева, котораго авторъ замѣтки, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его выраженій, принимаетъ за меня. Поэтому я долженъ повторить уже сдѣланное мною въ „*Недѣлѣ*" заявленіе о совершенной моей неприкосновенности къ статьѣ незнакомаго мнѣ однофамильца.

Влад. Соловьевъ.

30 янв. 1900.

13.

Декабрь 1899.

Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

Ради Бога, нельзя ли исправить двѣ главныя неточности въ изложеніи моей рѣчи о трехъ философахъ:

1) Сумасшествіемъ называлъ нѣмецкую послѣ-кантовскую философію не Троицкій, а Юркевичъ, Троицкій же называлъ ее „дровами“.

2) Юркевичъ былъ студентомъ и профессоромъ не Московской, а Кіевской Академіи, откуда онъ перешелъ въ Московскій университетъ.

Простите, что утруждаю своимъ педантизмомъ.

Весь Вашъ

Влад. Соловьевъ.

Моя рѣчь будетъ скоро напечатана.

Письма къ князю Дмитрію Николаевичу Цертелеву.[1]

1.

Москва, 19 іюня 1874 г.

Будучи всегда готовъ, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, и устно, и письменно говорить о философскихъ предметахъ, я уже собирался отвѣтить Вамъ цѣлою диссертаціей въ эпистолярной формѣ и изложить тѣ общія начала, на основаніи которыхъ можно было бы дойти до положительнаго разрѣшенія нашего недоразумѣнія; но такъ какъ мнѣ приходится излагать эти общія начала въ моей настоящей диссертаціи и, конечно, съ бо̀льшей полнотой, нежели это можно сдѣлать въ письмѣ, то я и счелъ теперь болѣе удобнымъ ограничиться только тѣмъ, что прямо относится къ вашимъ возраженіямъ.

Все, что сказано о догматизмѣ на 2-ой стр., относится собственно къ „непосредственно передъ Кантомъ господствовавшей догматической метафизикѣ", т. е. системѣ Вольфа, и сказано только для того, чтобы показать исходную точку Канта. Вообще же о до-кантовской философіи и въ частности о системѣ Декарта въ первой статьѣ упоминается только мимоходомъ, подробно же излагается въ четвертой, которую теперь оканчиваю; въ ней, между прочимъ, показанъ логическій переходъ отъ дуализма Декарта къ монизму Спинозы и далѣе до Канта, какъ это сдѣлано для послѣкантовскихъ системъ въ первой статьѣ.

[1]) Письма, помѣченныя №№ 1—21 были напечатаны въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1902-ой годъ. Мы печатаемъ ихъ въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ они появились въ Вѣстникѣ Европы; нѣкоторая неисправность текста писемъ отмѣчена нами въ примѣчаніяхъ.

Прим. ред.

„Онъ (идеализмъ) отрицаетъ внѣшній міръ—развѣ это значитъ рѣшить вопросъ?“ Выраженіе: „отрицаетъ внѣшній міръ“ Вы употребили, конечно, только для краткости, и мнѣ не нужно доказывать вамъ его неточность. Что же касается того, разрѣшается ли идеализмомъ метафизическій вопросъ, я полагаю, что *не* разрѣшается, но дѣлается возможнымъ его разрѣшеніе, поскольку идеализмъ доказываетъ немыслимость *безусловно*-предметнаго или безусловно внѣшняго бытія, доказываетъ, что „предметное бытіе“ имѣетъ смыслъ только *относительный*, именно относительно того, для котораго оно есть предметъ, такъ что предметность, внѣшность, вещество и т. д. суть *отношенія*, а не субстанція, и не можетъ быть непознаваемаго предмета или вещи, потому что быть предметомъ или вещью—ничего другого не значитъ, какъ быть познаваемымъ, и *внѣшній* міръ именно только и означаетъ *познаваемый* міръ, какъ это прямо слѣдуетъ изъ анализа понятій.

Теперь о пространствѣ: опредѣляя его какъ необходимое условіе нашего представленія, вы потомъ сами замѣчаете, что это опредѣленіе настолько обще, что имъ собственно ничего не разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, какъ необходимое условіе нашего представленія, пространство можетъ быть чѣмъ нибудь само по себѣ, а чѣмъ—неизвѣстно, тогда какъ въ опредѣленіи Канта именно утверждается, что пространство существуетъ *только* въ представленіи, какъ его общая форма, а что такое *въ представленіи* [1]) это извѣстно непосредственно.

„Что же касается тѣлъ, которыя мы видимъ, мы должны къ нимъ относиться такъ же, какъ если бы они были протяженныя“ et cet. Это не совсѣмъ точно. Мы относимся къ тѣламъ какъ къ протяженнымъ, потому что они дѣйствительно протяженны. Изъ того, что пространство существуетъ только въ представленіи, никакъ не слѣдуетъ, чтобы тѣла были непространственны или непротяженны, потому что вѣдь и тѣла *какъ тѣла* существуютъ только въ представленіи. „Пространство есть общая форма представленія“—для идеализма вѣдь значитъ точно то же, что для реализма: „пространство есть общее свойство тѣлъ“.

Кантъ называетъ матерію „das Bewegliche“, но что такое Bewegung для Канта? Впрочемъ, какъ Вамъ, вѣроятно, извѣстно,

[1]) Вѣроятно слѣдуетъ читать, „а что такое представленіе“ и т. д.
Прим. ред.

Кантъ сводитъ въ концѣ концовъ матерію къ дѣйствію притягательныхъ и отталкивательныхъ *силъ*.

Я не утверждаю непознаваемость протяженной матеріи; я утверждаю ея несуществованіе, на томъ основаніи, между прочимъ, что дѣйствительное существованіе можно приписывать только тому, что дается въ опытѣ внѣшнемъ или же внутреннемъ, но ни въ томъ, ни въ другомъ матеріи мы не находимъ; правда, мы имѣемъ во внѣшнемъ опытѣ предметы, обладающіе, между прочимъ, свойствами протяженности и матеріальности (т. е. сопротивленія движенію), которыя сводятся анализомъ къ дѣйствію духовнаго начала; но матерія и протяженіе *сами по себѣ* суть во всякомъ случаѣ только отвлеченныя понятія разсудка, внѣ котораго, слѣдовательно, они и не существуютъ.

Бездна между *я* и *не-я*, о которой вы говорите, не существуетъ именно для идеализма, такъ какъ въ немъ *не-я* выводится изъ абсолютнаго *я*, какъ его внутреннее и необходимое дѣйствіе.

Если еще соберетесь написать мнѣ, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, изложите, пожалуйста, тѣ основанія, которыя заставляютъ Васъ признавать въ веществѣ что нибудь, кромѣ отношенія силъ, т. е. духовныхъ началъ.

P. S. Очень Вамъ благодаренъ за карточку, а я все еще не собрался сняться, но когда нибудь соберусь непремѣнно. До половины іюля я въ Москвѣ, въ Нескучномъ.

2.

Москва, 13 сентября 1874 г.

Спѣшу отвѣтить Вамъ нѣсколько словъ до Вашего отъѣзда въ Парижъ и моего въ Петербургъ. Теперь я такъ заваленъ обязательной работой, что долженъ на нѣкоторое время отложить весьма желательное мнѣ продолженіе нашей философской переписки. Дѣло въ томъ, что Юркевичъ, не будучи въ состояніи читать лекціи, просилъ меня взять это на себя во второе полугодіе, а потому я долженъ торопиться своимъ магистерствомъ, для чего и отправляюсь въ Петербургъ,—за-границу такимъ образомъ я могу ѣхать только лѣтомъ; надѣюсь по крайней мѣрѣ увидѣться съ Вами въ промежутокъ между Вашимъ возвращеніемъ оттуда и моимъ отъѣздомъ туда.

Разговоръ о Лермонтовѣ, какъ вы угадали, возобновлялся у С. Несомнѣнно, что Лермонтовъ имѣетъ преимущество рефлексіи и отрицательнаго отношенія къ наличной дѣйствительности, хотя я согласенъ съ С., что въ художественномъ отношеніи Пушкинъ выше. Что касается до стихотворенія: „И скучно и грустно", то нельзя отрицать, что по формѣ оно нѣсколько прозаично. Съ замѣчаніями же Вашими относительно „das Ewig-weibliche" я вполнѣ соглашаюсь, хотя съ другой стороны долженъ признать и ту печальную истину, что это Ewig-weibliche, несмотря на свою очевидную несостоятельность, тѣмъ не менѣе, по какой то фатальной необходимости, zieht uns an съ силой непреодолимою.

У меня нѣтъ ни одного порядочнаго стихотворенія въ отдѣланномъ видѣ; Гамлетомъ займусь въ видѣ отдыха по возвращеніи изъ Петербурга; что же касается философскихъ статей, то пришлю Вамъ въ Парижъ всю книгу, часть которой онѣ составляютъ и которая должна быть издана черезъ мѣсяцъ; это будетъ моя магистерская диссертація. Если у Васъ въ Парижѣ будетъ опредѣленный адресъ, то сообщите мнѣ его тогда—это будетъ вѣрнѣе; мнѣ же пишите въ Москву: оттуда будутъ пересылать. Желаю Вамъ благополучнаго путешествія.

P. S. Въ Петербургѣ предполагаю увидѣть знаменитаго медіума Вильямса; если будетъ что замѣчательное, напишу.

3.

Москва, 8 января 1875.

Что Вы не пишете, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, о томъ, что видѣли Вы въ Лондонѣ? Неужели ничего не видали? Или, напротивъ, такъ много видѣли и такія вещи, что въ письмѣ и передать нельзя? Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю свиданія съ Вами,—между прочимъ, и для того, чтобы окончить нашъ философскій споръ, къ чему посылаемая книжка можетъ дать поводъ.—Я занялъ каѳедру покойнаго Памфила Даниловича [1]) и на-дняхъ начну читать лекціи въ его духѣ и направленіи, несмотря на совершенное различіе нашихъ характеровъ. Лѣтомъ ѣду въ Лондонъ на годъ или полтора, предоставляя каѳедру своему вновь избранному коллегѣ Троицкому, о которомъ Вы, кажется, имѣете понятіе. Теперь буду читать историческое введеніе въ метафизику, а по возвращеніи изъ Лондона предполагаю—исторію древней философіи и метафизику. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ важности и даже необходимости спиритическихъ явленій для установленія настоящей метафизики, но пока не намѣренъ высказывать этого открыто, потому что дѣлу это пользы не принесетъ, а мнѣ доставитъ плохую репутацію; къ тому же теперь я еще не имѣю никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ достовѣрности этихъ явленій, хотя вѣроятность въ пользу ихъ большая. Когда увидите А. Н. Аксакова, передайте ему мой поклонъ и благодарность за присылку „Psychische Studien“. Нужно бы было ему написать, такъ же, какъ и Лапшину, но лѣнь у меня на письма страшная.

Надѣюсь, что вы во всякомъ случаѣ будете до лѣта въ Москвѣ, и потому до свиданія.

P. S. Если еще не скоро будете, то, пожалуйста, пишите. Моя улица есть Денежный переулокъ, близъ Пречистенки.

---

[1]) Т. е. Юркевича. *Прим. ред*

4.

Москва, 18 апрѣля 1875 г.

Вотъ уже вторая недѣля, дорогой Дмитрій Николаевичъ, какъ я каждый день собирался писать тебѣ и все не находилъ свободной минуты: такую велъ разсѣянную жизнь. Но сегодня положилъ ей конецъ и первымъ дѣломъ пишу тебѣ.

Пріѣхать къ тебѣ я хочу непремѣнно, но нѣсколько позднѣе, чѣмъ думалъ. На-дняхъ я долженъ ѣхать въ Петербургъ на недѣлю, а затѣмъ 8-го мая у меня будетъ экзаменъ. 8-го же или 9-го могу выѣхать къ тебѣ. Напиши, какъ мнѣ нужно тебѣ телеграфировать.

Прочелъ ли ты статью Вагнера въ послѣдней книгѣ „Вѣстника Европы“?[1]). Статья весьма любопытна; особенно сильно въ пользу спиритизма говоритъ завѣдомая неудовлетворительность того объясненія, которое Вагнеръ даетъ явленіямъ, объективную реальность которыхъ онъ безусловно признаетъ. Во всякомъ случаѣ въ извѣстныхъ кругахъ эта статья должна производить сильное впечатлѣніе, которое, конечно, не можетъ быть ослаблено оговоркой редакціи „Вѣстника Европы“ и голословными выходками противъ спиритизма со стороны самого Вагнера.

Я оставилъ свое намѣреніе писать статью о матеріи. Вопросъ этотъ такъ важенъ, что о немъ должно или все сказать, или не говорить ничего. Вмѣсто этого я въ формѣ отвѣта Кавелину пишу теперь статью о дѣйствительности внѣшняго міра и объ основаніи метафизическаго познанія, которая должна дать болѣе опредѣлительную постановку этимъ вопросамъ, нежели въ диссертаціи.

Катковъ послѣ смерти Леонтьева совсѣмъ пересталъ заниматься журналомъ, предоставивъ его вполнѣ Любимову. Сего послѣдняго я еще не видалъ. Когда увижу—на-дняхъ—передамъ ему твои стихотворенія.

Будь здоровъ. Надѣюсь—до скораго свиданія.

---

[1]) „По поводу спиритизма. Письмо къ редактору“ (апрѣль, 1875). *Прим. „В. Е“.*

5.

Варшава, 27 іюля 1875 г.

Весьма виноватъ передъ тобой, дорогой Дмитрій Николаевичъ, что такъ долго не писалъ; впрочемъ, были circonstances atténuantes. Теперь я на пути въ Лондонъ. Въ Варшавѣ пробылъ нѣсколько лишнихъ дней и потому не могу остановиться въ Берлинѣ; да, вѣроятно, тамъ теперь Гартманна и нѣтъ; познакомлюсь съ нимъ на обратномъ пути.—Благодарю тебя за вниманіе къ моимъ стихамъ; съ замѣчаніями твоими я по большей части согласенъ, но передѣлывать теперь некогда, и потому ихъ въ „Русскій Вѣстникъ" не отдамъ. Твои печатаются въ іюльской. Въ іюньской помѣщенъ мой отвѣтъ Кавелину. Если будешь въ Москвѣ на нѣсколько дней и не полѣнишься заѣхать въ Нескучное, то получишь оттискъ; я не успѣлъ ихъ взять.

Я чувствую себя превосходно (въ моральномъ отношеніи) и обдумываю подробно планъ своего сочиненія. Пока выходитъ складно и стройно, даже симметрично, въ родѣ Канто-Гегелевскихъ трихотомій. Непріятно только, что придется читать много дряни. Въ видѣ отдыха читаю по-польски Мицкевича, въ котораго я совершенно влюбился. Тебѣ непремѣнно нужно выучиться по-польски, хотя бы для него одного, а есть и другіе.

Посылаю тебѣ довольно отвратительную свою карточку. Хотѣлъ послать портретъ, но всѣ расхитили. Пришлю изъ Лондона.

Столь же отвратителенъ, кажется, слѣдующій маленькій переводъ изъ Гейне:

Коль обманулся ты въ любви—
Скорѣй опять влюбись,
А лучше—посохъ свой возьми
И странствовать пустись.

Увидишь горы и моря
И новый бытъ людской (людей?),
И шумная зальетъ волна
Огонь любви былой (твоей?).

Орла услышишь мощный крикъ
Высоко въ небесахъ
И позабудешь о своихъ—
О маленькихъ скорбяхъ.

Будь здоровъ. Передай мое почтеніе княгинѣ.

6.

London, 22 августа (3 сентября) 1875 г.

Не знаю, дорогой другъ, получилъ ли ты мое письмо изъ Варшавы; изъ Лондона же не писалъ до сихъ поръ, потому что все надѣялся сообщить что-нибудь интересное изъ области спиритизма; но надѣялся напрасно. На меня англійскій спиритизмъ произвелъ точно такое же впечатлѣніе, какъ на тебя французскій: шарлатаны съ одной стороны, слѣпые вѣрующіе—съ другой, и маленькое зерно дѣйствительной магіи, распознать которое въ такой средѣ нѣтъ почти никакой возможности. Былъ я на сеансѣ у знаменитаго Вильямса и нашелъ, что это фокусникъ болѣе наглый, нежели искусный. Тьму египетскую онъ произвелъ, но другихъ чудесъ не показалъ. Когда летавшій во маракѣ колокольчикъ сѣлъ на мою голову, я схватилъ вмѣстѣ съ нимъ мускулистую руку, владѣлецъ которой духомъ себя не объявилъ. Послѣ этого остальныя подробности мало интересны. Являвшійся Джонъ Кингъ такъ же похожъ на духа, какъ я на слона. Вчера былъ я на сборищѣ здѣшняго спиритуалистическаго общества и познакомился между прочимъ съ извѣстнымъ Круксомъ и съ его медіумомъ—бывшей миссъ Круксъ, а нынѣ миссисъ Коноръ... Во всякомъ случаѣ не лишено остроумія сдѣланное мистеромъ Круксомъ заявленіе, что онъ относительно являвшейся ему Кэти Кингъ „вполнѣ признаетъ реальность феноменовъ, но отказывается указать ихъ дѣйствительную причину“.

Черезъ недѣлю въ спиритическомъ обществѣ будетъ test-seance при свѣтѣ, но съ тѣмъ же В., который, повидимому, былъ нѣсколько сконфуженъ моими открытіями въ прошлый разъ. Если онъ сверхъ ожиданія покажетъ что-нибудь интересное, то сообщу.

7.

Парижъ, 2 ноября 1875 г.

Дорогой Дмитрій Николаевичъ!

Вотъ уже три мѣсяца не имѣю о тебѣ никакихъ извѣстій; не знаю, получилъ ли ты два мои письма изъ-за границы.

Я все это время былъ въ Лондонѣ, но не нашелъ тамъ ничего важнаго въ моей сферѣ. Спиритизмъ тамошній (а слѣдовательно, и спиритизмъ вообще, такъ какъ въ Лондонѣ есть его центръ) есть нѣчто весьма жалкое. Видѣлъ я знаменитыхъ медіумовъ, видѣлъ знаменитыхъ спиритовъ, и не знаю, кто изъ нихъ хуже. Между спиритами самый выдающійся Wallace—соперникъ Дарвина, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ почтенный, но въ спиритизмѣ онъ сталъ смиреннымъ ученикомъ Аллана Кардека (съ которымъ теперь, благодаря переводу, стали знакомиться англичане, при чемъ оказывается, что они не были кардекистами только потому, что не знали Кардека); сверхъ того, этотъ замѣчательный изслѣдователь, ставши спиритомъ, считаетъ своимъ долгомъ слѣпо вѣрить всякому медіуму. Что касается до этихъ послѣднихъ, то, безспорно, самые лучшіе изъ нихъ—Юмъ и Кэтъ Фоксъ (теперь Mrs Jenkin),—родоначальники новѣйшаго спиритизма. Я познакомился съ обоими. Оба больны и не дѣйствуютъ. Юмъ говоритъ: „quand j'étais médium“. Дѣйствующихъ же лучше, по выраженію одного архіерея, „почтить молчаніемъ“. Теперь я проѣздомъ въ Парижѣ. Отправляюсь въ Египетъ и, можетъ-быть, въ Индію. Напишу изъ Каира и буду ждать отвѣта.

Будь здоровъ.

8.

Каиръ, 8/20 января 1876 г.

Дорогой Дмитрій Николаевичъ! Послалъ тебѣ телеграмму, но на всякій случай и письмо. Очень былъ обрадованъ извѣстіемъ о тебѣ, а то рѣшительно не зналъ, гдѣ ты и что̀ съ тобою; посылалъ нѣсколько писемъ въ Липяги, но не получилъ отвѣта.

Ты долженъ непремѣнно пріѣхать въ Каиръ. Я остаюсь здѣсь до марта. Эта поѣздка тебя развлечетъ. Страна весьма оригинальная, климатъ превосходный,—не говорю уже объ удовольствіи, которое ты мнѣ доставишь. Если же тебѣ никакъ нельзя будетъ, то я постараюсь въ февралѣ пріѣхать въ Аѳины или въ Италію, если ты будешь тамъ. Но я надѣюсь, что ты пріѣдешь сюда, и тогда въ началѣ весны мы вмѣстѣ отправимся въ Италію и Парижъ. Оставаться же одному теперь тебѣ совершенно невозможно. Напиши мнѣ немедленно, если можешь пріѣхать. У меня есть кое-что поразсказать тебѣ, но откладываю до свиданія, чтобы не задерживать письма.

P. S. Остановись въ гостиницѣ Аббатъ, когда пріѣдешь сюда.

9.

Сорренто, 20 апрѣля 1876 г.

Дорогой Дмитрій Николаевичъ! Могу написать тебѣ только нѣсколько словъ: рука болитъ. Возвращаясь съ Везувія, я искалѣчился, и, можетъ-быть, останусь калѣкой на всю жизнь. Нахожусь въ состояніи плачевномъ и намѣреній никакихъ не имѣю.

Въ маѣ, вѣроятно, буду въ Парижѣ.

10.

Сорренто, 27 апрѣля 1876 г.

Дорогой другъ! Сердечно благодаренъ тебѣ за участіе и готовность ѣхать ко мнѣ, но, къ счастію, въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Рана моя (я упалъ вмѣстѣ съ лошадью, скача подъ гору, и ударился колѣномъ объ острый камень, вслѣдствіе чего образовалась довольно глубокая рана) совершенно заживаетъ, и рукой также могу дѣйствовать, и на-дняхъ отправлюсь въ Парижъ.— Послѣ своего паденія я пролежалъ недѣлю въ Неаполѣ, гдѣ меня лѣчилъ хорошій нѣмецкій докторъ, а потомъ въ Сорренто два русскіе.

Очень желалъ бы тебя увидѣть, но крайняя скудость средствъ не дозволяетъ заѣхать во Флоренцію, да и не знаю, засталъ ли бы тебя тамъ.

Что ты дѣлалъ это время во Флоренціи? Ужъ не явились ли и у тебя сердечныя дѣла?

Возвращаясь въ Россію, я буду проѣзжать черезъ Петербургъ; можетъ-быть, увидимся тамъ, а то въ Липягахъ непремѣнно.

11.

Москва, Нескучное, 19 іюня, 1876.

Сейчасъ получилъ твое письмо изъ Липяговъ, дорогой Дмитрій Николаевичъ; другого же, о которомъ пишешь, не получалъ, а потому и самъ не писалъ, не зная, гдѣ ты находишься.

Я вернулся изъ-за границы двѣ недѣли тому назадъ. Сочиненія своего по-французски не издалъ по разнымъ причинамъ, но, распространивъ его значительно и снабдивъ надлежащимъ количествомъ греческихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ цитатъ, издалъ [1]) его по-русски въ качествѣ докторской диссертаціи, ибо писать съ этой цѣлью какое-нибудь спеціальное сочиненіе не имѣю ни способности, ни желанія.

Очень радъ и для тебя, и для себя, что ты не оставилъ Шопенгауэра. Относительно твоего порученія въ Парижѣ, я могъ спросить только у Ренана (ни съ кѣмъ другимъ изъ этой сферы не имѣлъ случая познакомиться); онъ сказалъ мнѣ, что писать на академическую премію могутъ только французы, — можетъ-быть, совралъ, такъ какъ вообще онъ произвелъ на меня впечатлѣніе пустѣйшаго враля. Въ магазинахъ университетскія программы не продаются. Впрочемъ, я при всемъ своемъ стараніи не могъ даже постичь общее устройство высшаго образованія во Франціи, и что̀ такое тамъ значитъ Université.

Вообще же на меня въ Парижѣ напала такая тоска, что я при первой возможности, бросивъ всѣ дѣла и занятія, устремился безъ оглядки въ Москву. Въ Липяги пріѣду, непремѣнно, въ концѣ іюля. Рана моя зажила, хотя и покалываетъ передъ дурной погодой,—будто настоящая.

---

[1]) По всей вѣроятности вмѣсто слово: „издалъ“, какъ напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“, слѣдуетъ читать: „издамъ“, ибо докторская диссертація Вл. С. Соловьева появилась не въ 1876 г., а четыре года позднѣе. *Прим. ред.*

12.

С.-Петербургъ, 1876.

О, Дмитрій! Что̀ съ тобою? Я два мѣсяца назадъ получилъ твое первое и послѣднее письмо изъ-за границы, на которое и отвѣчалъ. Почему съ тѣхъ поръ не откликнулся?

Боюсь я, что раньше сентября я тебя не увижу, т.-е. въ Липягахъ, по причинамъ, о которыхъ писать скучно.

Я существую попрежнему. Сочинилъ нѣсколько глупостей, которыми самъ доволенъ, но, зная твое критиканство, сообщать подожду...

13.

С.-Петербургъ, 12 апрѣля 1877 г.

Очень виноватъ передъ тобой, другъ Дмитрій, но, кажется, моя письмофобія все усиливается. Впрочемъ, послѣднее время я не только никому не пишу, но и ни у кого не бываю — сталъ совсѣмъ мизантропомъ.—Я уже началъ свою службу въ ученомъ комитетѣ. Засѣданія — скука смертная и глупость неисчерпаемая; хорошо еще, что не часто. Въ библіотекѣ занимаюсь только con amore.

Графиня, навѣрное, писала тебѣ о твоемъ дѣлѣ. Кажется, не можетъ быть никакихъ препятствій. Я живу пока на Шпалерной вмѣстѣ съ Лесевицкимъ, такъ какъ квартира осталась за графиней до 1-го мая. Сейчасъ получена телеграмма о благополучномъ прибытіи въ Красный Рогъ. Святую и часть Ѳоминой онѣ прожили въ Москвѣ въ „Славянскомъ Базарѣ". Впрочемъ, вѣроятно ты имѣлъ извѣстія отъ нихъ самихъ.

Что твои занятія и земская служба? Напиши также, когда ѣдешь за-границу. Такъ какъ мнѣ нельзя выбраться изъ Петербурга раньше конца мая, то въ Липяги удобнѣе будетъ пріѣхать во второй половинѣ лѣта, послѣ твоего возвращенія изъ-за границы.

Пиши, пожалуйста. Сердечный поклонъ княгинѣ. Поздравляю съ войной. Будь здоровъ.

P. S. Со слѣдующимъ письмомъ пришлю тебѣ комедію, написанную мною—„Козьма Прутковъ". Графиня (Толстая С. А.) и Софья Петровна нашли забавной и много смѣялись, закрывшись епанчей.

14.

Спб., 30 апрѣля 1877.

Мой адресъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ. Пиши пока по адресу брата или хоть на Шпалерную — я поручу швейцару. Если предпочтешь послать статью прямо Ѳеоктистову, то пиши ему такъ: Его п-ству Евгенію Михайловичу Ѳ., Спб., на углу Разъѣзжей и Кабинетской ул., д. Полежаева, кв. № 18. Спѣшу послать тебѣ этотъ адресъ, и потому комедію пришлю отдѣльно, такъ какъ ее еще нужно переписать. Она необыкновенно глупа и для постороннихъ, я думаю, даже не забавна, но ты, вѣроятно, будешь смѣяться.

Я живу весьма скромно и уединенно, читаю мистиковъ въ библіотекѣ, пишу свою диссертацію, почти ни у кого не бываю. К. видѣлъ одинъ разъ. Вторая дочь Зинаида, большая цѣнительница Козьмы Пруткова, выходитъ замужъ за одного моего знакомаго М.,—можетъ-быть, ты знаешь.

Аксаковъ опять заболѣлъ, и я его еще не видѣлъ.

Недавно былъ у В., говорили о тебѣ.

Встрѣтилъ Кутузова въ библіотекѣ — тоже о тебѣ спрашивалъ. Ужасно хотѣлъ бы я быть въ Липягахъ, да грѣхи не пускаютъ. Передай княгинѣ мой сердечный поклонъ. Имѣетъ ли она извѣстія о твоемъ братѣ? Кстати, чуть не забылъ сообщить, что я тоже, *можетъ-быть*, отправлюсь въ дѣйствующую армію въ Малую Азію—въ качествѣ катковскаго корреспондента. Впрочемъ, вѣрнѣе, что это только мечта воображенія.

15.

С.-Петербургъ, 20 мая 1877 г.

Порученіе твое, милый другъ Дмитрій, исполнилъ немедленно. Статья будетъ помѣщена въ іюльской или въ августовской книгѣ журнала. Статью о Гартманнѣ я взялъ и передалъ Владиславлеву, такъ же какъ и оставленную тобою въ Петербургѣ о спиритизмѣ; тотъ же экземпляръ этой послѣдней, который былъ въ редакціи „Русскаго Вѣстника", тамъ и остался, такъ какъ еще, можетъ-быть, статья будетъ напечатана.

На-дняхъ получилъ утвердительный отвѣтъ отъ Каткова на мое предложеніе отправиться на войну въ качествѣ корреспондента. Завтра или послѣ-завтра ѣду въ Москву для окончательныхъ переговоровъ. Если сговоримся, то уже намъ съ тобою не придется увидѣться этимъ лѣтомъ. Впрочемъ, я не совсѣмъ еще вѣрю въ успѣхъ этого предпріятія. Изъ Москвы напишу. Если не устроится мой походъ, то, вѣроятно, подожду тебя въ Москвѣ.

16.

Кишиневъ, 18 іюня 1877 г.

Послѣ различныхъ перипетій, о которыхъ не стоитъ писать, я наконецъ уѣхалъ въ армію на Дунай. На два дня заѣзжалъ въ Красный Рогъ. Здоровъ ли ты и не было ли съ тобою чего-нибудь особеннаго 13-го и 14-го іюня ночью? Тамъ въ моемъ присутствіи произошла какая-то чертовщина: являлся твой духъ, и я не знаю, что̀ еще. Вслѣдствіе этого очень о тебѣ безпокоились мы всѣ. Хотѣли, чтобы я послалъ телеграмму, чего я не исполнилъ, чтобы не напугать. Надѣюсь, что все это вздоръ.

Я теперь въ Кишиневѣ для полученія паспорта и завтра рано утромъ ѣду на мѣсто. Здѣсь жарко, и я усталъ отъ безсонныхъ ночей; поэтому не пишу ни о чемъ подробно. До слѣдующаго письма. Будь здоровъ.

17.

Москва, 22 августа 1878 г.

Другъ любезный!

Если ничто не воспрепятствуетъ, то 5-го сентября (во вторникъ) днемъ я буду на станціи Калиновкѣ,—въ противномъ же случаѣ буду телеграфировать своевременно.

Хотя есть у меня кой-что разсказать тебѣ, но, въ виду столь близкаго свиданія, откладываю до онаго.

18.

Москва [1878.]

Извини, дорогой другъ, мое долгое молчаніе; время идетъ ужасно скоро, а писать пока было не о чемъ. Я уже давно началъ лекціи въ университетѣ, и къ удивленію моему, студенты весьма довольны и даже отдаютъ мнѣ предпочтеніе передъ самимъ Троицкимъ.

На-дняхъ, послѣ продолжительнаго размышленія, я принялъ два благоразумныхъ рѣшенія: 1) публичныхъ лекцій не читать, 2) въ видѣ докторской диссертаціи издать только первую, чисто-философскую часть системы, именно положительную діалектику, распространивъ ее надлежащимъ образомъ, что̀ потребуетъ мѣсяца три лишнихъ, такъ что въ Петербургъ для диспута я поѣду не раньше марта. Будетъ ли тебѣ возможно отложить и твою поѣздку до этого времени?

Присылай своего Гартманна; я собираюсь къ Каткову въ его подмосковную деревню,—это вѣрнѣе, чѣмъ въ редакцію.

Передай княгинѣ, что всѣ нашли меня очень поправившимся, когда я отъ васъ вернулся. По случаю наступившихъ холодовъ разрѣшаю себѣ иногда животную пищу. Вчера провожалъ К. заграницу, они всѣ тебѣ кланяются...

Кстати о глупостяхъ; нашъ славянскій комитетъ пріобрѣлъ такую популярность, что къ И. С. Аксакову являлся недавно какой-то господинъ съ требованіемъ узаконить рожденныхъ имъ внѣ брака дѣтей. Другой господинъ представилъ въ тотъ же комитетъ проектъ уничтоженія турецкой арміи посредствомъ химическаго разложенія.

19.

Спб., 19 ноября 1878 г.

Изъ твоего письма, дорогой другъ Дмитрій, мнѣ показалось, что ты не получилъ моего послѣдняго изъ Москвы—надѣюсь, что съ настоящимъ не случится того же.

Я въ Петербургѣ около мѣсяца и усиленно занимаюсь своей диссертаціей съ помощью стенографа. Черезъ десять дней буду въ Москвѣ и тамъ надѣюсь встрѣтиться съ тобою.

На-дняхъ прочелъ о тебѣ въ „Новомъ Времени", гдѣ Буренинъ доказываетъ свое безпристрастіе, признавая въ твоемъ „Снѣ" поэтическую красоту и недурные стихи. Мораль послѣдняго куплета, за которую онъ тебя поноситъ, и я не одобряю. Кажется, и ты соглашался, что надо исключить эту послѣднюю строфу, и не знаю, почему не исполнилъ. Мораль предпослѣдней строфы: „того, что ты ищешь такъ страстно, того на землѣ не найдешь", хотя сама по себѣ не нова, но въ наши дни можетъ почитаться новостью; во всякомъ случаѣ это не въ примѣръ благороднѣе и къ тому же сохраняетъ стихотворенію неопредѣленность, такъ что подъ „она" можно тогда разумѣть все, что угодно—и поэзію, и красоту, и вѣчную истину, и мудрость. Во всякомъ случаѣ стихотвореніе—очень удачное; Полонскій и другіе весьма одобряютъ.

Я думаю, что наши диспуты будутъ одновременно, такъ какъ врядъ-ли я кончу раньше осени,—очень разрослось мое произведеніе. Что касается до критики традиціонныхъ [1]) началъ, которую я хотѣлъ помѣстить въ „Отечественныхъ Запискахъ", то я совсѣмъ отъ нея отказался по соображеніямъ, о которыхъ слишкомъ долго будетъ писать.

---

[1]) По всей вѣроятности, слѣдуетъ читать: „отвлеченныхъ" вмѣсто: „традиціонныхъ", какъ напечатано въ „Вѣстникѣ Европы".

Прим. ред.

20.

Москва, [1878] [1]).

Милый другъ, пріѣхавъ на-дняхъ въ Москву, я получилъ разомъ три твои письма: меня все ждали сюда и потому не пересылали ихъ въ Петербургъ. Задержало же меня въ Петербургѣ устройство публичныхъ лекцій о религіи, которыя встрѣтили великія препятствія, внезапно и неожиданно устраненныя также не безъ вмѣшательства перста въ лицѣ одной высокой особы.

Пробуду я здѣсь тоже недолго и во время моего пребыванія засѣданій губительнаго общества не будетъ, но желаніе твое будетъ навѣрно исполнено, такъ какъ предсѣдателемъ теперь мой старый пріятель Юрьевъ. Что касается до лекціи твоей, то если ужъ ты хочешь читать ее въ Москвѣ (я, полагаю, въ Петербургѣ было бы интереснѣе), то всего удобнѣе въ этомъ же обществѣ,— тогда не нужно никакого особеннаго разрѣшенія — безъ всякихъ хлопотъ. На-дняхъ должна выйти твоя первая статья о Шопенгауэрѣ въ „Журналѣ министерства". Вѣроятно, ты видѣлъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" начало моей диссертаціи. Я былъ бы очень радъ, еслибы ты могъ пріѣхать въ Петербургъ къ началу моихъ лекцій, т. е. къ 15-му января; я бы даже могъ для тебя отложить на недѣлю, т. е. до 22-го января. Всѣхъ лекцій будетъ 12, разумѣется, въ пользу Краснаго Креста, но отчасти также въ пользу реставраціи Царьградской Софіи.

Если ты мнѣ будешь отвѣчать сейчасъ, то пиши въ Москву,— въ противномъ случаѣ въ Петербургъ, у Краснаго моста, гостиница Соболева.

---

[1]) Это письмо, по всей вѣроятности, слѣдуетъ отнести къ 1877-ому году, такъ какъ первое „чтеніе о Богочеловѣчествѣ" было напечатано въ Православномъ Обозрѣніи въ мартѣ 1877-го года. *Прим. ред.*

21.

Красный Рогъ, 1878 г.

Дорогой Дмитрій, послѣ разныхъ треволненій, о которыхъ разскажу при свиданіи, наконецъ, я успокоился въ Красномъ Рогѣ. Напиши мнѣ, пожалуйста, сюда, какъ ты распредѣляешь свое лѣто, потому что я непремѣнно хотѣлъ бы побывать въ Липягахъ. Если ты будешь въ Красномъ Рогѣ, то мы могли бы потомъ вмѣстѣ проѣхать въ Липяги. Я предполагаю остаться здѣсь до 15-го—20-го мая, чтобы потомъ вернуться въ половинѣ іюня. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга я видѣлъ Ѳеоктистова, который сказалъ мнѣ, что у него находится твоя рукопись, и онъ просилъ бы ему сообщить, можетъ ли онъ ее теперь же печатать.

Будь здоровъ, мой другъ. Пиши, и надѣюсь—до скораго свиданія.

Твой Вл. Соловьевъ.

22.

[1877.] [1])

Какъ это тебя богъ въ Москву опять занесъ, о Дмитрій? А я послалъ телеграмму въ Тулу. Что̀ ты дѣлалъ это время? Я—ничего, но много думалъ. Вчера одна дама просила меня de lui communiquer la vérité absolue, а одинъ генералъ, у котораго внутренность обита сѣрымъ атласомъ, сообщилъ мнѣ о новомъ членѣ Философскаго Общества, именно—генералѣ Гурко. Дубровина повѣсили, Соловьева повѣсятъ, а другой Соловьевъ—если не повѣсится, то будетъ живъ.—Я веду жизнь разсѣянную, бываю въ циркѣ, французскомъ театрѣ и оперѣ, скоро даже буду у маркизы N.—М. А. Хитрово хочетъ воспѣть меня въ стихахъ.—Я получилъ изъ редакціи „Журнала министерства народнаго просвѣщенія" 153 р., изъ коихъ отдалъ 11 р. Григорію за отправку твоихъ книгъ, а остальное передалъ N.—Книги твои отправлены въ Москву на мое имя, по пріѣздѣ перешлю въ Калиновку. Получилъ также оттиски Шопенгауэра, которые частію раздамъ, частію же привезу тебѣ.

Знаешь ли, какъ нѣкоторые люди, хлопочущіе о Философскомъ Обществѣ, смотрятъ на оное?—какъ на дополненіе къ висѣлицамъ. Non verisimile, sed verum tamen.

Впрочемъ, цѣлую тебя крѣпко.

Твой Владиміръ.

---

[1]) Письма отъ № 22 до—46 впервые появляются въ печати. Мы нарушили хронологическій порядокъ писемъ, чтобы не помѣщать письма подъ № 22 въ число ранѣе напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы".

Прим. ред.

23.

[1879 г.?

Дорогой Дмитрій!

Я поселился въ твоемъ бывшемъ номерѣ и полагаю, что ты оставилъ въ немъ какія-нибудь тайныя силы, ибо по ночамъ бываютъ изрядные стуки во всей комнатѣ.—Статью твою передалъ Ѳеоктистову, который вмѣстѣ съ женой своей и съ Островскимъ отзывался о тебѣ съ большой симпатіей. Кромѣ нихъ, Лапшина и Побѣдоносцева, еще никого не видалъ.—Въ Петербургъ я поѣхалъ единственно ради отца и по его настояніямъ. Улизну при первой возможности, и не оставляю намѣренія еще зимою побывать на краткій моментъ въ Липягахъ.—Для Данилы Ивановича [1]) пишу цѣлую диссертацію, поэтому пусть потерпитъ. Книжекъ съ картинками раньше возвращенія въ Москву достать не могу, ибо въ Петербургѣ украсть не у кого.—Будь здоровъ, до свиданія. Сердечный поклонъ княгинѣ; надѣюсь, она знаетъ, что я ее очень люблю, хотя и не умѣю этого выражать.—Кланяюсь Липягамъ и всему Спасскому и Наровчатскому уѣзду.

Вл. Соловьевъ.

Бумагу необычайной красоты я купилъ для тебя, полъ-стопы. Надѣюсь, ты получилъ все въ исправности.

---

[1]) Старообрядческій священникъ.

Прим. кн. Д. Н. Цертелева.

24.

Москва, 6 февр. 1879 г.

Надѣюсь, ты выздоравливаешь, милый мой Дмитрій, также какъ и я. У меня лихорадка; надѣюсь, и у тебя не больше.

Письмо княгини Варвары Семеновны было по ошибкѣ доставлено моему отцу въ Оружейную Палату, и когда онъ мнѣ его привезъ домой, княгиня уже уѣхала.

Если ты будешь продолжать дурно вести себя, то я на будущей недѣлѣ пріѣду въ Петербургъ—если самъ не разболѣюсь.

Два раза эту зиму собирался въ Серпуховъ, но по болѣзни не могъ.

Ощущая нѣкоторую слабость въ головѣ, оканчиваю писаніе. Будь здоровъ, дорогой другъ, до свиданія. Сердечно кланяюсь всѣмъ твоимъ.

Вл. Соловьевъ.

Порученіе графини я отчасти исполнилъ; передѣлка „Князя Серебрянаго“ Трескинымъ была разсмотрѣна въ Ученомъ Комитетѣ А. Н. Майковымъ и имъ одобрена. Я же нашелъ только одну маленькую погрѣшность, которая и исправлена.

25.

Москва, 16 февр. 1879 г.

Я прiѣду въ Петербургъ, милый другъ Дмитрiй, 4-го марта на двѣ недѣли. Съ N. совѣтую не церемониться, а послать ему, сколько ты считаешь должнымъ, прибавивъ что-нибудь на водку. Относительно „Русскаго Вѣстника“ порученiе твое постараюсь исполнить, но навѣрное не обѣщаю. Отчего ты не отдашь всего, что у тебя написано о Шопенгауэрѣ, въ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенiя“?—это былъ бы доходъ вѣрный.

Я въ Москвѣ много занимаюсь,—впрочемъ, больше читаю, чѣмъ пишу. Диссертацiю кончу навѣрно къ лѣту; слѣдовательно, защищать буду осенью. Путемъ нѣкоторыхъ пожертвованiй мнѣ удалось спасти свои лекцiи, и онѣ будутъ продолжаться въ „Православномъ Обозрѣнiи“.

Чувствую я себя довольно скверно во многихъ отношенiяхъ, но умирать не собираюсь. Глупыхъ стихотворенiй послѣднее время не писалъ, зато началъ три мистическiя.

Желалъ бы отдохнуть весною на лонѣ природы, но не знаю, удастся ли.

Софья Андреевна и С. П., вѣроятно, презираютъ меня за молчанiе,—скажи имъ, чтобъ не презирали.

Передай мой сердечный поклонъ кн. Варварѣ Семеновнѣ.

До свиданiя.

Твой Вл. Соловьевъ.

26.

Нескучное, 1 іюля 1879 г.

Очень печальное время переживаю я, дорогой другъ Дмитрій. Отецъ мой, повидимому, уже больше не поправится: у него жировое перерожденіе сердца—болѣзнь неизлѣчимая—кажется, отъ нея умеръ Алексѣй Толстой.

Не знаю, удастся ли мнѣ при всемъ желаніи пріѣхать этимъ лѣтомъ въ Липяги.

Теперь я очень занятъ. Первая (этическая) часть моей диссертаціи благополучно кончилась въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Вѣстника", и я погруженъ въ пучину метафизики, отыскивая отвѣтъ на возобновленный въ наши дни маркизою N. вопросъ проконсула Пилата. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на печальныя обстоятельства, произвожу разный стихотворный вздоръ въ родѣ слѣдующаго:

РЕЗИГНАЦІЯ МУДРАГО.

Не говори: зачѣмъ цвѣты увяли?
Зачѣмъ такъ въ небѣ сѣро и темно́?
Зачѣмъ глядитъ исполненный печали
Поблекшій садъ къ намъ въ тусклое окно?

Не говори: зачѣмъ въ долинѣ грязно?
Зачѣмъ такъ скользко подъ крутой горой?
Зачѣмъ гудитъ и воетъ неотвязно
Осенній вѣтеръ позднею порой?

Не говори: зачѣмъ подъ ладъ природы
Твоя подруга злится и ворчитъ?
Слова безплодны: мудрый въ часъ невзгоды
Пьетъ съ ромомъ чай и съ важностью молчитъ. [1])

[1]) Было напечатано въ „Новомъ Времени".

Прим. ред.

Болѣе удачна, кажется, сочиняемая мною теперь... поэма подъ названіемъ; „Love's labour lost“, героемъ которой является мой другъ N., и съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

„Не отличился въ жаркомъ дѣлѣ
Непостоянный генералъ“.

Собщу, когда кончу. Въ настоящее время во мнѣ совмѣщаются самыя противоположныя настроенія, и я представляю живой примѣръ единства противорѣчій.

На-дняхъ получилъ очень милыя письма изъ Краснаго Рога. Кажется, тамъ все благополучно теперь; а то и для нихъ лѣто началось довольно печально.

Будь здоровъ. Мой глубочайшій поклонъ княгинѣ. Извини, что такъ долго задерживалъ твои книги. Посылаю накладную; человѣкъ, которому я это поручилъ, не догадался застраховать; надѣюсь, впрочемъ, что дойдетъ и такъ.

Пиши чаще.

Твой Влад. Соловьевъ.

27.

Москва, 3 окт. 79.

Дорогой Дмитрій!

Я получилъ твое письмо, въ которомъ ты зовешь меня въ Петербургъ или за-границу. Къ сожалѣнію, и то, и другое для меня теперь невозможно главнымъ образомъ потому, что я рѣшительно оканчиваю свою диссертацію, которую буду непремѣнно защищать въ февралѣ—если не у Владиславлева, то у Струве въ Варшавѣ. Надѣюсь, впрочемъ, что не придется прибѣгнуть къ этой послѣдней крайности. Что твои дѣла? Я писалъ тебѣ о Преображенскомъ и твоей брошюрѣ; не медли отвѣтомъ. Нѣсколько дней я провелъ въ Рождествинѣ и хочу еще туда вернуться на недѣлю; тамъ очень спокойно заниматься.

Позволь дать тебѣ маленькое порученіе: мой братъ или же извѣстный тебѣ Оскаръ Ламкертъ передастъ тебѣ 42 р., которые будь такъ добръ отдай (съ поклономъ отъ меня) Ѳ. А. Ванлярскому—это остатокъ моего долга, о которомъ я совершенно забылъ.

Пиши, когда будешь въ Москвѣ.

Очень кланяюсь С. А. и С. П. Что у нихъ?

Твой Влад. Соловьевъ.

28.

[1883.]

Милый другъ Дмитрій!

Я нахожусь не только въ россійскомъ государствѣ, но и на самомъ его пупкѣ. Дальнѣйшія мои движенія совершенно неизвѣстны. Хотѣлось бы побывать въ Липягахъ, по первому снѣгу, т. е. въ ноябрѣ.

Препирательства мои въ „Руси" любопытны болѣе въ смыслѣ этнографическомъ, т. е. со стороны нравовъ и обычаевъ, господствующихъ на всероссійскомъ пупкѣ. Разскажу при свиданіи. Впрочемъ, слава Богу, великій споръ не подалъ повода къ маленькой ссорѣ. Я объявилъ Аксакову, что прекращаю у него свои церковныя статьи, но обѣщалъ ему что-нибудь другое. Вообще, куда я дѣнусь и къ чему приткнусь,—не знаю. Здоровье мое тоже плоховато. Впрочемъ, я не унываю и стараюсь подражать птицамъ небеснымъ. Прежде у меня были кой-какія страсти, но теперь онѣ перешли изъ глубины на поверхность и превратились въ припадки мелкой раздражительности. Надѣюсь и отъ этого скоро избавиться. Зато съ исчезновеніемъ страстей у меня развился ужасный порокъ—физическая лѣность, которая совершенно меня одолѣваетъ. Величайшихъ мученій стоило мнѣ подняться изъ Краснаго Рога, а теперь никакъ не могу рѣшиться покинуть Москву, хотя дѣлать мнѣ здѣсь нечего. Во всякомъ случаѣ,—до недалекаго свиданія. Будь здоровъ. Сердечный поклонъ кн. Варварѣ Семеновнѣ.

Твой Влад. Соловьевъ.

29.

.[1887.]

Дорогой Дмитрій!

Спѣшу послать тебѣ нѣсколько словъ, такъ какъ сейчасъ отправляются на станцію. Твое письмо я получилъ только вчера и не знаю, застанетъ ли этотъ отвѣтъ тебя въ Липягахъ.

По случаю абсолютнаго безденежья я никуда двигаться до осени не уповаю, и буду очень радъ, если ты попадешь въ концѣ іюля въ Воробьевку. Это единственный пока способъ намъ увидаться.

О страховскомъ спиритизмѣ [2]) я безусловно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ и высказалъ свое впечатлѣніе самому Страхову въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, изъ-за чего у насъ съ нимъ произошло охлажденіе или, лучше сказать, разгоряченіе съ его стороны.

О себѣ скажу только, что нахожусь въ весьма выгодномъ положеніи, а именно мнѣ теперь *во всѣхъ отношеніяхъ* такъ скверно, что ужъ хуже быть не можетъ. Слѣдовательно, будетъ лучше. Изъ тысячи бѣдствій упомяну объ одномъ: книга моя, вышедшая еще въ апрѣлѣ, сюпримирована самымъ радикальнымъ образомъ, такъ-что никто до сихъ поръ ни одного экземпляра ея не видалъ, не исключая и меня самого. Объясни, пожалуйста, это обстоятельство княжнѣ Волконской и внуши ей, что скорѣй я отъ нея могу узнать что-нибудь о своей книгѣ, нежели она отъ меня.

До свиданія, надѣюсь. Передай мой сердечный привѣтъ княгинѣ Варварѣ Семеновнѣ.

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о книгѣ Н. Страхова „О вѣчныхъ истинахъ (или споръ о спиритизмѣ)“, Спб., 1887.

Прим. ред.

30.

4 сент. 1887 г.

Московско-Курская желѣзная дорога, станція Коренная Пустынь, Аѳан. Аѳан. Шеншину.

Очень радъ былъ, любезный другъ Дмитрій, имѣть отъ тебя извѣстіе, а то уже думалъ, что ты или не получилъ моего письма въ началѣ лѣта, или что нибудь противъ меня имѣешь (хотя я этотъ годъ, кажется, веду себя безукоризненно). Весьма доволенъ, что ты устроился съ „Русскимъ Вѣстникомъ". Желалъ бы, чтобы это было прочно. Если ты, по свойственной нашему вѣку мизантропіи и скептицизму, усомнишься приписать мое желанье одной дружбѣ, то всетаки не сомнѣвайся въ его искренности, приписавши его хотя-бы солидарности ближайшихъ интересовъ.—Я неизмѣнно страдаю невралгіями, безсонницею и безденежьемъ. Въ другихъ же отношеніяхъ дѣла мои принимаютъ повидимому благопріятный оборотъ. Но возвратимся къ ближайшему.—Во-первыхъ, прилагаю для сентябрской книги 7 новыхъ стихотвореній моего хозяина, которыми, кромѣ меня, весьма восхищались Страховъ и Кутузовъ. Впрочемъ, Фетъ est un fait accompli, и намъ его разбирать не приходится. Прими только къ свѣдѣнію, что его давнишній и неизмѣнный гонораръ — 25 руб. за стихотвореніе. Къ началу октября онъ будетъ въ Москвѣ и самъ переговоритъ съ тобою еще кой о чемъ.—А я, съ своей стороны, имѣю пока предложить слѣдующій распротоцензурный вкладъ въ „Русскій Вѣстникъ": три книги (или пѣсни) „Энеиды" Виргилія въ подстрочномъ переводѣ гекзаметрами. Можетъ-быть, Страховъ говорилъ тебѣ что-нибудь объ этомъ. Хотя при окончательной редакціи мы работали сообща съ Аѳанасіемъ Аѳанасіевичемъ и, разумѣется, я ему обязанъ болѣе, чѣмъ онъ мнѣ, тѣмъ не менѣе эти три книги я могу считать своей долей перевода и предлагаю ее тебѣ

отъ себя,—конечно, съ согласія главнаго переводчика. За вѣрность перевода можетъ поручиться спеціалистъ, профессоръ латинской словесности (Кіевскаго университета) [1]), которому я читалъ эти книги, и который остался чрезвычайно доволенъ переводомъ. На счетъ русскаго стиха ты можешь судить самъ, и если найдешь какую-нибудь какофонію, то я съ удовольствіемъ исправлю, коли это возможно безъ существеннаго ущерба для вѣрности перевода. [Впрочемъ, entre nous soit dit,—мои гекзаметры вообще благозвучнѣе и яснѣе Фетовыхъ.] Мѣста это возьметъ не много, въ двухъ или даже трехъ №№ по листу или полтора на пѣсню. Гонораромъ я тебя обижать не стану, развѣ немногимъ дороже возьму того, что давалъ мнѣ покойникъ за „Критику отвлеченныхъ началъ". А скажу тебѣ откровенно, что ты мнѣ сдѣлаешь *большое одолженіе*, напечатавши это неотлагательно; ибо хотя я и отказался отъ предложенныхъ мнѣ кн. В. 1000 р., но тѣмъ не менѣе или, лучше сказать, по этому самому я сижу на экваторѣ, или, по предсказанію одной дамы, je côtoie la misère. Нецензурныхъ вещей я въ „Русскій Вѣстникъ" давать, конечно, не стану. Suum cuique . . . . .

. . . .

Итакъ, милый другъ, пожалуйста, сообщи немедленно по полученіи сего письма, согласенъ ли ты на мое предложеніе. [Относительно 7 стихотвореній Фета, конечно, не можетъ быть никакихъ затрудненій.] Я забылъ сказать, что ни одного сколько-нибудь серьезнаго перевода „Энеиды" у насъ не было; Жуковскій перевелъ только 2-ую книгу (мои: 7-ая, 9-ая и 10-ая), такъ что мнѣ кажется, что это для солиднаго литературнаго журнала не вредно.

Я въ Москву пріѣду только въ октябрѣ. Надѣюсь, что твоя краткосрочная поѣздка въ Липяги не имѣетъ никакой связи со здоровьемъ кн. Варвары Семеновны? Передай ей мой сердечный поклонъ.

Твой Владиміръ.

---

[1]) Ю. А. Кулаковскій. *Прим. ред.*

31.

[1888.]

Милый другъ Дмитрій!

Только что собирался писать тебѣ, какъ получилъ твое письмо. О чемъ хотѣлъ писать, то увидишь далѣе, а сперва на-счетъ Липяговъ. Кажется, наконецъ пріѣду, но не сейчасъ—по слѣдующимъ причинамъ: 1) сестра моя Марья выходитъ замужъ (за одного юнаго ученаго, сына академика Безобразова); свадьба будетъ въ началѣ ноября, и послѣ нея, т. е. этакъ около 10-го—12-го, надѣюсь быть свободнымъ. 2) Начальство, столь пекущееся о насъ, кажется, рѣшило стереть меня съ лица земли—разумѣю ближайшимъ образомъ духовную цензуру, которая безусловно запрещаетъ все мною пишемое безъ всякаго отношенія къ содержанію и формѣ онаго. Такъ какъ я не склоненъ къ унынію, то на сіи озлобленія желаю энергично воздѣйствовать обращеніемъ къ высшимъ инстанціямъ, т. е. пока къ митрополиту (лично) и къ Побѣдоносцеву (черезъ нѣкія посредства). Все это задержитъ меня также до вышеозначеннаго срока.

Теперь о главномъ предметѣ моего письма. Вернувшись изъ-за границы, я нашелъ въ Москвѣ цѣлую философскую плантацію, главный экземпляръ коей, Гротъ, явился ко мнѣ знакомиться, и изъ бесѣды съ нимъ я усмотрѣлъ между прочимъ: а) что онъ обращается на путь истинный, т. е. отъ отрицательнаго эмпиризма къ положительному спиритуализму; б) что онъ пламенѣетъ желаніемъ основать философскій журналъ. Тутъ я сейчасъ-же вспомнилъ о тебѣ. Разумѣется, мнѣ лично было бы пріятнѣе, еслибы ты могъ взять это дѣло вполнѣ на себя, а не вдвоемъ съ Гротомъ; но сіе невозможно, потому что для избавленія отъ цензуры необходимо, чтобы журналъ состоялъ при университетѣ, и, слѣдовательно, подъ отвѣтственною редакціей казеннаго профессора. Но ничто не мѣшаетъ тебѣ быть издателемъ и, сверхъ того, незави-

симо завѣдывающимъ какимъ-нибудь отдѣломъ, напр., критики и библіографіи. Другіе отдѣлы будутъ (предположительно) распредѣлены такимъ образомъ: психологія и логика—Гротъ; философія религіи — я; исторія древней философіи — Гиляровъ (одинъ изъ новыхъ приватъ-доцентовъ философіи, хорошій знатокъ греческаго языка); исторія новой философіи и метафизика—Лопатинъ. Прочее можетъ распредѣлиться впослѣдствіи.

Засимъ относительно формы журнала я предложилъ слѣдующую мысль, весьма одобренную и Гротомъ, и Лопатинымъ, а именно—подъ названіемъ „Философская Библіотека“ издавать (сначала три раза въ годъ) переводы классическихъ философскихъ сочиненій, древнихъ и новыхъ, а свои статьи (по вышеозначеннымъ отдѣламъ) лишь въ приложеніи къ переводамъ. Это, полагаю, будетъ привлекательнѣе и для публики, а сверхъ того будетъ выгодно тѣмъ, что оттиски переводовъ можно будетъ издавать потомъ отдѣльно на манеръ Кирхмановской библіотеки [1]). У насъ уже есть въ виду нѣсколько готовыхъ (въ рукописи) переводовъ.—Первую книжку можно будетъ выпустить уже этою весною. Дальнѣйшія подробности разскажу при свиданіи, а теперь прошу отвѣтить, согласенъ ли ты вообще принять въ этомъ дѣлѣ активное участіе. Гротъ полагаетъ, что на первое обзаведеніе будетъ вполнѣ довольно двухъ тысячъ. Онъ опытный въ этомъ дѣлѣ человѣкъ, такъ-какъ восемь лѣтъ издавалъ „Извѣстія Нѣжинскаго Лицея“.

Итакъ, напиши немедленно, а я около 10-го ноября, если не произойдутъ какія-нибудь неожиданныя препятствія, буду телеграфировать, когда выѣзжаю, и тогда на досугѣ переговоримъ объ этомъ и прочихъ дѣлахъ.

Будь здоровъ. Очень кланяюсь княгинѣ Варварѣ Семеновнѣ отъ себя и отъ своихъ.

Твой Владиміръ.

---

[1]) Philosophishe Bibliothek, издававшаяся подъ редакціей Кирхмана въ Берлинѣ. *Прим. ред.*

32.

[1889.]

Милый Дмитрій!

Если можешь (конечно, можешь), то привези мнѣ три или четыре экземпляра моей книги „La Russie et l'Eglise universelle“, которую найдешь у Albert Savine, Nouvelle Librairie Parisienne, 12, rue des Pyramides. Сочтемся при свиданіи.

Пріѣзжай скорѣе или распорядись телеграммой, чтобы было больше объявленій о твоемъ журналѣ.

До свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

33.

Петербургъ, Европейская гостиница, 19 дек. 89.

Милый Дмитрій!

Ты знаешь, конечно, о случившемся со мною пассажѣ, который можетъ имѣть кой-какія послѣдствія. Въ виду всесторонности взведенныхъ на меня обвиненій, находишь ли удобнымъ *для себя* начинать свое литературное предпріятіе въ моемъ сообществѣ? Ты понимаешь, что осторожность редактора „Русскаго Обозрѣнія" ни въ какомъ случаѣ не можетъ повредить моимъ личнымъ отношеніямъ къ старому другу Дмитрію.

Итакъ, жду откровеннаго, а главное *быстраго*, отвѣта. Совѣтую писать заказнымъ. Собираюсь выѣхать въ Москву 24-го въ 3 ч. Если ты пріѣдешь того-же числа утромъ, то еще застанешь меня здѣсь. Если же разъѣдемся, то найдешь меня въ Москвѣ, когда вернешься.

Будь здоровъ и отвѣчай скорѣй.

Твой Владиміръ.

34.

[1890.]

Милый Дмитрій!

Очень радъ твоему пріѣзду, но не зову тебя въ Пустыньку потому что завтра ѣду въ Петербургъ, а до того поглощенъ очень спѣшнымъ и нужнымъ писаніемъ, о которомъ поговорю съ тобою. Завтра вечеромъ едва ли удастся увидаться, но въ среду, если ты свободенъ, мы можемъ вмѣстѣ гдѣ-нибудь пообѣдать и вмѣстѣ же ѣхать въ Москву. Если же ты еще не собираешься туда, то я во всякомъ случаѣ тамъ тебя подожду, ибо думаю остаться до 5-го октября.

Очень, очень радъ тебѣ, такъ что даже даю тебѣ полное разрѣшеніе стоять за дворянство, за Каткова, за безграмотность крестьянъ и даже за тѣлесныя наказанія (до 39 ударовъ)—но только прошу не затрагивать народа Божія, а также Ченстоховской Богородицы...

A bientôt! Обнимаю твой объемистый станъ.

Влад. Соловьевъ.

35.

[1890.]

Милый другъ Дмитрій!

Вотъ тебѣ замѣтка Трубецкого съ моимъ примѣчаніемъ. А что же не присылаешь конца лирической поэзіи въ гранкахъ — это не для корректуры, а для моего собственнаго употребленія. Что тебѣ за охота была телеграфировать о такихъ пустякахъ? Въ чемъ другомъ, но въ фетишизмѣ передъ своими писанными строчками я не повиненъ—да еще по поводу Некрасова и Буренина! Хотя почему тебѣ показалось страннымъ это примѣчаніе, выражающее точную истину — не понимаю. Безъ примѣчанія выйдетъ страннѣе. Будутъ искать этихъ стиховъ у Некрасова, не найдутъ, обвинятъ меня въ клеветѣ.

Что касается до январской книги, то я ничего сказать не могу, и даже думать некогда. Довлѣетъ дневи злоба его.

Будь здоровъ. Кланяюсь усердно твоей женѣ.

Твой Владиміръ.

Присылай же поскорѣе гранки второй половины.

Примѣчаніе. Изъ этой замѣтки кн. Трубецкого явствуетъ, что у меня съ нимъ нѣтъ существеннаго разномыслія,—что̀, впрочемъ, было оговорено и въ моей рецензіи. Если только признана та истина, что міровой процессъ и его эмпирическія условія имѣютъ характеръ относительный, т. е. лишь отчасти реальны, отчасти же призрачны (иллюзорны), то бо̀льшая или меньшая внимательность къ той или другой сторонѣ дѣла зависитъ, конечно, отъ частныхъ склонностей и расположеній и принципіальнаго значенія не имѣетъ. Что касается до метафорическихъ выраженій: „выхожденіе изъ

себя“ и „возвращеніе къ себѣ“ (т. е. къ своему истинному первоначальному состоянію единства съ абстолютно-сущимъ), то я продолжаю предпочитать послѣднее. Что третій моментъ процесса не есть простое повтореніе перваго,—это намъ обоимъ извѣстно изъ Гегеля, который тѣмъ не менѣе постоянно употребляетъ въ этомъ случаѣ терминъ: „возвращеніе“. О какомъ „первоначальномъ единствѣ, подавляющемъ все индивидуальное“, говоритъ кн. Трубецкой, я не знаю. Единство въ истинномъ Богѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подавляющимъ. Не могу допустить безусловнаго противоположенія между прошедшимъ и будущимъ: въ Богѣ этого не существуетъ, равно какъ и противоположенія между первоначальными и конечными формами всеединства. Нахожу также, что и выраженіе: „органическая реформа“ требуетъ поясненій. Въ абсолютномъ никакихъ реформъ не полагается, а для конечнаго бытія возвращеніе его къ вѣчной истинѣ есть безспорно наилучшая реформа, какъ это прекрасно показано въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ. Вся его „органическая реформа“ состояла только въ томъ, что онъ рѣшилъ возвратиться въ „отчій домъ“ и исполнилъ это рѣшеніе.

Владиміръ Соловьевъ.

36.

[Бланкъ: Grand Hôtel d'Europe, St.-Pétersbourg.—1891.]

Милый другъ Дмитрій, вѣроятно посланная статья уже опоздала, былъ въ такомъ водоворотѣ и обремененіи, что никакъ не могъ раньше. Это, впрочемъ, отчасти къ лучшему, ибо въ такомъ видѣ я статьею недоволенъ, а въ январской книгѣ можно будетъ ее распространить и исправить.

Стасюлевичъ передалъ бумаги Гончарова нѣкоему г. Полотебнову (Загородный просп., 16), къ которому и рекомендуетъ тебѣ обратиться. Самъ онъ ничего для „Вѣстника Европы" не беретъ. Всего есть три разсказа— бери хоть всѣ три, въ каждомъ не болѣе листа.

Я въ большой нуждѣ это время, милый другъ; работы много (для словаря и т. д.), а полученій пока почти никакихъ. Будь добръ, пришли 200 р. на имя Эрнеста Львовича Радлова, въ Имп. Публичную Библіотеку, а если есть въ Петербургѣ какой-нибудь морозовскій служащій по этой части, то пришли мнѣ свою записку для полученія съ него; впрочемъ, я не знаю, какъ это у васъ теперь дѣлается.

Будь здоровъ. Кланяюсь Екатеринѣ Ѳедоровнѣ. Порученія ея понемногу исполняю. Сообщу о результатѣ.

Твой Владиміръ.

37.

[1891.[

Милый другъ Дмитрій!

Поздравляю Варвару Семеновну, Екатерину Ѳедоровну и тебя съ новымъ годомъ; я писалъ тебѣ изъ Петербурга въ Москву суетливое письмо, но оно, вѣроятно, тебя уже не застало. Мнѣ очень непріятно, что, попавши въ петербургскій круговоротъ, я не успѣлъ къ сроку написать о Леонтьевѣ, а запоздавшій краткій очеркъ, по-моему, неудовлетворителенъ. Теперь, имѣя немножко больше досуга, постараюсь все это поправить.—Разсказы Гончарова, судя по-тому, что мнѣ сообщалъ Стасюлевичъ, могли бы быть напечатаны только ради имени. Какъ я тебѣ писалъ, ихъ у Стасюлевича давно уже взяли, а теперь оказывается, что они давно были проданы „Нивѣ“. Такъ какъ ты хорошъ съ Клюшниковымъ, то, можетъ-быть, онъ тебѣ уступитъ одинъ. — Имѣю для тебя вещицу на память со стола Гончарова, передамъ при свиданіи. Для помѣщенія повѣсти Екатерины Ѳедоровны въ „Вѣстникѣ Европы“ я расчистилъ почву и пріобрѣлъ союзниковъ. Зная характеръ Стасюлевича, я не рѣшился дать ему прямо. Надѣюсь теперь, что это удастся. Твоею статьей въ „Русскомъ Обозрѣніи“ я очень доволенъ. Ты обладаешь неоцѣненнымъ для полемики качествомъ—сосредоточеннымъ спокойствіемъ. Конечно, въ сравненіи съ газетными собаками и я—воплощенная невозмутимость, но ты обнаруживаешь это свойство въ безотносительно превосходной степени.

Я пріѣхалъ въ Москву на похороны зятя моего Н. А. Попова, и хочу тебя здѣсь дождаться.

Итакъ, до свиданья, мой другъ, усердно кланяюсь твоимъ.—Сестра моя Надежда восторженно хвалитъ твои статьи.

Твой Влад. Соловьевъ.

38.

[Москва, начало 90-ыхъ годовъ.]

Милый другъ, мнѣ по разсчету слѣдуетъ получить только 38 р. слѣдовательно, долженъ просить впередъ рублей сто, на какой конецъ и прошу тебя сдѣлать распоряженіе. Заѣду къ тебѣ въ „Дрезденъ“, въ $7^1/_2$ ч. Если не застану, то увидимся въ Петербургѣ, куда ѣду завтра.

Твой Влад. Соловьевъ.

39.

[Москва, начало 90-ыхъ годовъ.]

Милый Дмитрій!

Я пріѣхалъ въ Москву по дѣламъ на кратчайшій срокъ, и завтра утромъ уѣзжаю. Желая тебя видѣть, но не желая отнимать у тебя и у себя лишняго времени, приглашаю тебя сегодня (понедѣльникъ) обѣдать къ себѣ въ „Славянскій Базаръ", № 92. Буду ждать тебя до $6^1/_2$ часовъ. Если запоздаешь, то иди прямо въ ресторанъ и ищи меня своимъ соколинымъ окомъ между столами (но не подъ ними); не прими за меня Суворина, но Милютина принять за меня можешь, ибо это будетъ имѣть тотъ же практическій результатъ. Итакъ, до $6^1/_2$ жду тебя въ своей комнатѣ № 92, а до $7^3/_4$—въ ресторанѣ.

Твой Влад. Соловьевъ.

40.

Вторникъ. [Спб., начало 90-ыхъ годовъ.]

Милый другъ Дмитрій!

Предупреждаю тебя на всякій случай, что завтра (въ среду) я не буду дома весь день, а послѣ-завтра (четвергъ), если будешь свободенъ, такъ заѣзжай утромъ. Познакомлю тебя съ моимъ хозяиномъ, который этого желаетъ. Онъ знаетъ твоего брата Петра (не смѣшивать съ дядей Петромъ).

Твой Влад. Соловьевъ.

Васильевскій островъ, уголъ 7-ой линіи и набережной (ходъ съ 7-ой линіи, первыя ворота налѣво), домъ № 2, кв. Безобразова.

41.

Петербургъ, 20 іюля 93 г.

Милый другъ Дмитрій!

Спѣшу, во-первыхъ, нѣсколько утѣшить тебя относительно положенія дѣла. Объ изданіи писемъ Толстого нѣтъ и рѣчи, а предположено только воспользоваться нѣкоторою частью ихъ для книги о Толстомъ (въ родѣ аксаковской біографіи Тютчева). С. П., дѣйствительно, очень спѣшила съ этимъ дѣломъ, но теперь оно, отчасти по моему внушенію, отсрочено.

Что письма умершихъ не должны печататься противъ ихъ воли—объ этомъ нѣтъ спора, а такъ какъ, съ другой стороны, и ты самъ не утверждаешь, чтобы воля Толстого въ данномъ случаѣ сводилась къ безусловному запрещенію печатать что бы то ни было изъ его Nachlass'а, то значитъ, весь вопросъ въ выборѣ. Относительно писемъ, писанныхъ къ Софіи Андреевнѣ, выборъ былъ ея дѣло, и она его въ значительной степени исполнила. Сколько разъ мнѣ самому приходилось быть при этомъ исполнительнымъ орудіемъ—таскать въ каминъ пачки писемъ, и тутъ же графиня откладывала другія и вырѣзала изъ нихъ ножницами кусочки, говоря, что эти письма нужно напечатать, но необходимо уничтожить нѣкоторыя собственныя имена. Такія письма съ вырѣзанными именами я не могу считать *случайно* сохранившимися: очевидно, они были прямо предназначены для печати самою графинею. И я полагаю, что С. П. и ты достаточно были близки къ обоимъ умершимъ, чтобы взять на себя докончить это дѣло въ желательномъ смыслѣ безъ нарушенія ихъ воли. Что касается до отношенія „Московскихъ Вѣдомостей“ и К° къ предполагаемому изданію, то я не раздѣляю твоихъ опа-

сеній. Со стороны политической Толстой былъ разумный и справедливый консерваторъ; конечно, этой компаніи было бы пріятнѣе, если бы онъ былъ консерваторъ неразумный и несправедливый, но все-таки я не вижу, какую они для себя выгоду могли бы найти въ посмертныхъ нападеніяхъ на писателя съ такою безспорно-почтенною репутаціей, какъ Толстой. Конечно, опять-таки все зависитъ отъ *выбора* писемъ, и мнѣ кажется, тебѣ не слѣдуетъ устраняться безусловно отъ этого дѣла. Дальнѣйшій разговоръ о немъ отлагаю до свиданія, или до другого письма, чтобы не задерживать настоящее. Ты получишь его, когда меня уже будутъ качать морскія волны. Я ѣду черезъ Швецію въ Шотландію и Бретань. Предпринялъ это морское путешествіе по совѣту спеціалиста-медика, къ которому обращался ради неврастеніи, одолѣвшей меня съ конца этой зимы. Телеграфируя тебѣ о свиданіи осенью, я разумѣлъ осень *позднюю*, но и она уже не за горами. Если погибну въ пучинѣ морской, не поминай лихомъ. Я на всякій случай приготовился: помирился съ братомъ Всеволодомъ, возобновилъ дружескія отношенія съ N. и жалъ руку Страхова на похоронахъ и Побѣдоносцева на свадьбѣ. Вѣроятнѣе же, однако, что, несмотря на все это, мы еще увидимся.

Будь здоровъ. Очень кланяюсь кн. Варварѣ Семеновнѣ и Екатеринѣ Ѳедоровнѣ.

Твой Влад. Соловьевъ.

42.

Выборгъ, 3 января 1897 г.

Милый другъ!

Пишу тебѣ на удачу въ Липяги.

Накануне новаго года я сочинилъ стихи, которые, если заслуживаютъ сохраненія, должны быть по самому содержанію посвящены тебѣ. Кстати, въ этомъ году 25-лѣтіе нашей дружбы. Самъ я не въ состояніе рѣшить, сносно ли это стихотвореніе,—въ моментъ производства оно мнѣ нравилось. Предоставляю рѣшеніе тебѣ. Молчаніе приму за знакъ согласія. Въ противномъ случаѣ напиши или телеграфируй: Выборгъ, Бельведеръ, или Петербургъ, гостиница Англія.

Сердечно кланяюсь твоимъ княжнамъ и желаю имъ счастливаго года, также какъ и тебѣ.

Твой Влад. Соловьевъ.

ДРУГУ МОЛОДОСТИ.

[Кн. Д. Н. Цертелеву.] [1])

Врагъ я этихъ умныхъ,
Громкихъ разговоровъ
И безплодно-шумныхъ,
Безконечныхъ споровъ.

. . . .

Помнишь ли, бывало,—
Ночи тѣ далеко,—
Тишиной встрѣчала
Насъ заря съ востока.

---

[1]) Стихи эти напечатаны въ собраніи стихотвореній (изд. 4, стр. 138). Имѣются варіанты въ третьей строфѣ. *Прим. ред.*

Падали намеки,
Жизни глубь вскрывая,
И глядѣла молча
Тайна роковая.

То, чего въ то время
Мы не досказали,
Записала вѣчность
Въ темныя скрижали.

43.

[Штемпель на конвертѣ: Москва, 13 октября 1899 г.]

Спасибо за доброе письмо, милый другъ Дмитрій. Какъ видишь, пишу. Петербургская наука приговорила меня къ слѣпотѣ, но московская сіе опровергла и даже разрѣшила сейчасъ же заниматься просвѣщеніемъ,—впрочемъ, съ умѣренностью, по возможности избѣгая кровопролитія, — кровопролитія въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ случай съ моимъ глазомъ произошелъ отъ геморроидальнаго разрыва сосудика въ сосудистой оболочкѣ глаза и изліянія его содержимаго въ стекловидное тѣло.

Что касается до С. П., то она здорова уже съ 15-го августа, а передъ тѣмъ нѣсколько дней была въ опасности отъ остраго воспаленія (gastro-enteritis).

А Катерина Θедоровна все хвораетъ? Но изъ того, что вы въ деревнѣ, заключаю, что сравнительно не серьезно.

Очень хотѣлъ бы хоть зимой побывать въ Липягахъ и повидаться съ сердечно уважаемой Варварой Семеновной и вами всѣми.

Будь здоровъ, милый другъ. Усердно кланяюсь.

Твой Влад. Соловьевъ.

Адресъ въ Москвѣ: Успенье на Могильцахъ, Малый Успенскій переулокъ, домъ Скородумова.—Въ Петербургѣ: Гостиница Англія (буду тамъ, вѣроятно, къ концу этого мѣсяца).

Сегодня призываетъ меня къ себѣ твоя знакомая N. Хочетъ лечить мой глазъ. Надѣюсь—безъ чертовщины.

44.

[Конецъ 90-ыхъ годовъ.]

Милый другъ, пріѣхавши я заболѣлъ крапивной лихорадкой и не выѣзжалъ, но теперь выѣзжаю и заѣхалъ бы къ тебѣ завтра въ субботу, но въ какомъ часу? Попробую послѣ 11 вечера.

Твой Влад. Соловьевъ.

45.

[Безъ даты.

. . . .

2) Графиня посылаетъ романъ г-жи Каменской (*двоюродной сестры гр. А. К. Толстого*) и проситъ обратить на него вниманіе.

3) Ѣду въ субботу въ Москву и везу статью.

Твой Влад. Соловьевъ.

46.

Милый другъ!

Сегодня не могу по множеству причинъ, завтра заѣду въ 6-омъ часу. Уѣзжаю въ Москву только въ субботу, но свободенъ только завтра (четвергъ).

Твой Влад. Соловьевъ.

Среда, 17 марта.

47.

[Безъ даты.]

Памятная записка Д. Цертелеву:

1) Өеоктистову кланяться и спросить о судьбѣ книги.

2) Страхову кланяться и передать прилагаемое письмо.

3) Мих. Петр. Соловьеву кланяться и спросить, получилъ-ли онъ мой отвѣтъ на его письмо.

4) Наталіи Петровнѣ и Ванлярскимъ кланяться.

5) . . . .

6) Тертію Филиппову кланяться издали.

7) Б. и тому подобнымъ вовсе не кланяться.

8) Къ N. не подходить ни спереди, ни сзади.

Письма къ Александру Николаевичу Аксакову.

1.

[2 Ноября 1882 г.—помѣтка А. Н. Аксакова.]

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Писалъ мнѣ Александровскій[1]), что Вы хотѣли прислать мнѣ на просмотръ первые листы Гелленбаха; но я ихъ не получилъ. Или Вы нашли, что переводъ удовлетворителенъ, и что мнѣ его передѣлывать не нужно—тѣмъ лучше. А что переводъ англійскихъ книгъ о магнетизмѣ? Моя знакомая переводчица ждетъ извѣстія.

Что нашъ бѣдный Иванъ Осиповичъ? Очень былъ бы Вамъ благодаренъ, если бы Вы мнѣ написали о немъ, самъ онъ вѣроятно уже не въ состояніи писать.

Еще у меня къ Вамъ маленькая просьба. Редакція The Theosophist считаетъ меня обязательнымъ подписчикомъ уже второй годъ, и это бы еще не бѣда, но печально то, что номера журнала доходятъ до меня изъ пятаго въ десятое, а денежные счеты, напротивъ, съ чрезвычайной аккуратностью и притомъ въ возрастающей прогрессіи, такъ что мнѣ грозитъ неминуемое банкротство. Во избѣжаніе этого, если Вы иногда переписываетесь съ Е. П. Блавацкой, то будьте такъ добры вмѣстѣ съ моимъ глубочайшимъ почтеніемъ передать ей, что, не состоя ни при какомъ

---

[1]) Александровскій—студентъ, увлекавшійся мистицизмомъ и философіей Вл. С. Соловьева. Александровскій умеръ въ серединѣ 80-ыхъ годовъ.
Прим. ред.

учрежденіи и не имѣя постояннаго мѣстожительства, я въ полученіи иностранныхъ журналовъ вполнѣ предоставленъ произволу почтамтскихъ чиновниковъ, которые дѣйствуютъ относительно меня не по закону, а по благодати, вслѣдствіе чего я иногда получаю номера журнала, а большею частью не получаю. Поэтому при всемъ желаніи получать теософическій, я долженъ отказаться отъ подписки, слѣдующее же съ меня по счету редакціи я постараюсь выслать при первой возможности.

Что подѣлываютъ у васъ въ Петербургѣ? Не успѣете ли мнѣ написать съ Иваномъ Сергѣевичемъ, это лучше, чѣмъ *почтой*, ибо чины почтамта отличаются болѣе любознательностью, нежели скромностью.

А изъ Москвы сообщить не о чемъ—все обстоитъ благополучно. Будьте здоровы. Кланяюсь всѣмъ, кто меня помнитъ.

Преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

2.

[1883.]

Многоуважаемый

Александръ Николаевичъ!

Съ удовольствіемъ напишу предисловіе къ Гелленбаху, но вопросъ только во времени. Дѣло въ томъ, что я теперь тороплюсь доканчивать одну книжку, которую къ Ѳоминой недѣлѣ хочу сдать въ типографію. Перечитать Гелленбаха я могу и теперь въ свободныя минуты, но писать о немъ могу не раньше Святой; поэтому Вамъ придется подождать до 1-го мая. Считаете ли Вы это возможнымъ? Извѣстите. Предисловіе я думалъ бы написать по существу, т. е. больше о душѣ, чѣмъ о Гелленбахѣ. И если Вы не будете противъ, то я считалъ бы нелишнимъ одновременно съ выходомъ книги напечатать это предисловіе и въ какомъ нибудь журналѣ съ обозначеніемъ, что оно есть предисловіе.

Жду Вашего отвѣта.

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

3.

С.-Петербургъ.—27 апр. 1883.

Многоуважаемый

Александръ Николаевичъ!

Я оставилъ недоконченною свою книжку на лѣто и принялся за предисловіе къ Гелленбаху. Но это не „трудъ", а только предисловіе—не болѣе одного печатнаго листа, и пришлю я его Вамъ въ первыхъ числахъ мая. А для „труда", т. е. для чего-нибудь обстоятельнаго, нужно гораздо больше времени. Что Вамъ за охота была со мною полемизировать изъ-за нѣсколькихъ словъ о блудномъ спиритизмѣ, вовсе не относящихся къ серьезнымъ людямъ, какъ Вы и Бутлеровъ, что̀ мною и было оговорено? И зачѣмъ Вы мнѣ приписали такую несообразность, что будто бы „великая правда" спиритизма „не годится". Правда спиритизма, по-моему, только въ томъ, что онъ *признаетъ необходимость* объективной основы для религіи; но та, которую онъ въ самомъ дѣлѣ даетъ, т. е. явленія духовъ, оказывается негодной, потому что она, во-первыхъ, недостаточно объективна, а во-вторыхъ, лишена внутренняго религіознаго значенія. Впрочемъ, я отвѣчалъ Вамъ нѣсколькими словами въ „Руси", и если не весь мой отвѣтъ, то по крайней мѣрѣ его заключеніе Вамъ, я увѣренъ, понравится.

Надѣюсь, что эта маленькая полемика не нарушитъ Вашего дружественнаго расположенія ко мнѣ, которое мнѣ очень дорого.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

4.

С.-Петербургъ. 8 мая 1883.

Многоуважаемый

Александръ Николаевичъ!

Я уѣхалъ въ деревню здѣсь по близости, чтобы скорѣе кончить въ уединеніи наше предисловіе, но по неблагоразумной довѣрчивости къ природѣ и веснѣ схватилъ жестокую лихорадку, осложненную болѣзнью печени. Лежалъ три дня, теперь лучше немного, но еще очень слабъ, съ трудомъ пишу. Между тѣмъ предисловія написано только 7 листовъ, т. е. около половины предположеннаго мною. А Вы 10-го мая уѣзжаете, а я, можетъ-быть, еще нѣсколько дней не буду въ состояніи приняться за работу. Какъ же тутъ быть? Если бы Вы могли отложить изданіе до сентября, то я бы Вамъ приготовилъ настоящій „трудъ", и это имѣло бы больше смысла, чѣмъ нѣсколько наскоро написанныхъ страницъ, я вѣдь не такой знаменитый антикъ, чтобы одно мое имя могло служить къ украшенію книги.

Но и безотносительно къ предисловію, я думаю—Вамъ лучше бы отложить изданіе до осени, теперь совсѣмъ не издательскій сезонъ. Я самъ торопился съ одной своей книжкой, о которой Вамъ писалъ, думая издать ее теперь, но потомъ раздумалъ и отложилъ до осени.

Телеграфируйте мнѣ, пожалуйста, по моему московскому адресу (думаю послѣ-завтра перетащиться въ Москву), возможно ли Вамъ отложить изданіе „Индивидуализма". А потомъ напишите обстоятельно о Вашихъ намѣреніяхъ. Впрочемъ, если напишете немедленно, то телеграфировать и не нужно, пожалуй.

Будьте здоровы.

Душевно преданный
Влад. Соловьевъ.

5.

[1883.]

Многоуважаемый

Александръ Николаевичъ!

Весьма Вамъ благодаренъ какъ за исполненіе просьбы, такъ и за присылку. Я отнюдь не Васъ считалъ у себя въ долгу, а Ивана Сергѣевича, у котораго было прежде напечатано; но если Вы такъ щедры, то тѣмъ лучше.

Это письмо передастъ Вамъ г. Поповъ, котораго я хотя лично не знаю, но имѣю относительно его наилучшую и вполнѣ достовѣрную рекомендацію. Онъ естественникъ, кончилъ курсъ въ Дерптѣ, серьезно интересуется медіумизмомъ и пламенно желаетъ ближе познакомиться съ нимъ и съ Вами.

Надѣюсь, что Вамъ это знакомство не будетъ въ скуку.

Въ Петербургъ я, пожалуй, до весны не попаду. Хотя окружность моихъ заботъ и печалей проходитъ и около Петербурга, и черезъ Каиръ, но центръ оныхъ пока остается въ Москвѣ. Если увидите Александровскаго, то скажите ему, что я получилъ его письмо и на-дняхъ буду отвѣчать.

Да еще, чтобъ не забыть: записка на имя О. О. помѣчена *12-ымъ Ноября*, такъ какъ я и вспомнилъ объ О. О. по поводу имянинъ И. О.

Если бы Вамъ это показалось неловко, то я могу написать другую записку.—Спасибо Вамъ еще разъ. Будьте здоровы.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

6.

[1883]

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Нижеслѣдующая моя просьба основана на предположеніи, что Вы знакомы съ Набоковымъ (министромъ юстиціи). Если это предположеніе ошибочно, то оставьте все это безъ послѣдствій. Дѣло вотъ въ чемъ: здѣсь умеръ предсѣдатель одного изъ департаментовъ московской судебной палаты—Люминарскій. На его мѣсто старшій предсѣдатель представилъ члена этой же палаты, стариннаго пріятеля моего отца, М. Н. Лопатина, который имѣетъ всѣ права на это назначеніе, такъ какъ онъ болѣе 30 лѣтъ прослужилъ въ московскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, старыхъ и новыхъ, и пользуется наилучшей репутаціей во всѣхъ отношеніяхъ. Его хорошо знаетъ, между прочимъ, и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Итакъ, если Вы знакомы съ Набоковымъ (или съ Фришемъ), то не можете ли воздѣйствовать въ пользу Лопатина, чтобы ему не посадили на голову какого-нибудь пришельца?

Дней черезъ 10 я буду въ Петербургѣ. Если напишете до того, сообщите, пожалуйста, объ Иванѣ Осиповичѣ.

Истинно Васъ уважающій и преданный

Влад. Соловьевъ.

7.

[1883.]

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Послѣ моего послѣдняго письма къ Вамъ (въ маѣ мѣсяцѣ) я заболѣлъ тифомъ: то нездоровье, о которомъ я Вамъ писалъ, было его началомъ. За лѣто я поправился, послѣднее время много работалъ и между прочимъ, окончилъ предисловіе къ Гелленбаху. Окончилъ бы и раньше, если бы не произошла досадная задержка: уѣзжалъ я изъ Москвы послѣ тифа еще полубольной и очень слабый. По природной разсѣянности, усиленной такимъ болѣзненнымъ состояніемъ, позабылъ взять съ собой начатое предисловіе, а между тѣмъ былъ увѣренъ, что взялъ. Когда въ августѣ хотѣлъ за него приняться, долго разыскивалъ; наконецъ написалъ брату въ Москву, чтобы отыскалъ въ моихъ бумагахъ. Того въ Москвѣ не было; когда пріѣхалъ тоже не сразу могъ найти. Все это взяло недѣли три. А тутъ еще Вашъ кузенъ съ своимъ протопопомъ надѣлалъ мнѣ хлопотъ; нужно было отписываться отъ фальшивыхъ нападокъ. Такимъ образомъ только сегодня окончилъ предисловіе — вышло не такое обстоятельное, какъ хотѣлось бы, но все-таки кое-что сказано и написано, кажется, живѣе, чѣмъ мои прежнія философскія произведенія. Не имѣя отъ Васъ извѣстій не увѣренъ, остались ли Вы при прежнемъ намѣреніи; извѣстите, пожалуйста, скорѣе письмомъ въ Москву, куда ѣду послѣ завтра (адресъ прежній: Пречистенка, домъ Лихутина). Я думаю пріѣхать не надолго въ Петербургъ въ половинѣ или концѣ сентября. Такимъ образомъ—до скораго свиданія. Но прежде напишите, что Ваня Лапшинъ? Поцѣлуйте его отъ меня. Кланяюсь Бутлеровымъ и всѣмъ добрымъ знакомымъ.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

P. S. Не рѣшаюсь посылать рукопись до извѣстія отъ Васъ, имѣя одинъ единственный экземпляръ.

8.

С.-Петербургъ. Октябрь 1883 г.

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Въ мое предисловіе, напечатанное въ „Руси“, попала опечатка, отъ которой я хочу предохранить Ваше изданіе (если она попала и въ посланные Вамъ листы, и я ее тамъ просмотрѣлъ). Лукавомудрствующій корректоръ вмѣсто *углеводы* поставилъ какіе-то *углероды* (стран. 28, сверху второго столбца).

Если Вы сами будете держать корректуру, то не допустите этихъ углеродовъ, а если не сами, то скажите, кому слѣдуетъ. А если ужъ поздно, то припечатайте листокъ опечатокъ, и туда углероды. А то еще какой-нибудь литературный жуликъ придерется. Я помню сколько хлопотъ надѣлала мнѣ одна пропущенная запятая въ заглавіи моей магистерской диссертаціи. Пуганная ворона куста боится. Кстати. Сегодня напала на меня Варвара Ивановна. Кажется, она рѣшительно хочетъ уморить меня, какъ уморила покойнаго Юркевича. И какая ей въ этомъ польза? Если Вы имѣете на нее вліяніе, то, пожалуйста, воспрепятствуйте этому преступному намѣренію. Будьте здоровы. Цѣлую Ваню.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

9.

14 Янв. 1884.

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Представьте себѣ, что тотъ Поповъ, который приходилъ къ Вамъ съ письмомъ отъ меня и съ пламеннымъ желаніемъ познать спиритизмъ, черезъ три дня послѣ того скоропостижно умеръ. Такимъ образомъ теперь онъ можетъ познакомиться съ спиритизмомъ на мѣстѣ и непосредственно.

Я не видалъ ни въ „Новомъ Времени", ни въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" публикаціи объ „Индивидуализмѣ". Слышалъ, что была рецензія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ," но все таки, мнѣ кажется, нужно было бы публиковать и въ „Новомъ Времени", и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Въ эту послѣднюю газету я могъ бы доставить, если хотите. Не мѣшало бы также Вагнеру написать рецензію въ „Новомъ Времени." Не знаю, послали ли Вы экземпляры въ редакціи какихъ нибудь журналовъ. Мнѣ кажется, слѣдовало бы—разумѣется, не въ такія, отъ которыхъ заранѣе можно ожидать только брани—на это напрашиваться нѣтъ надобности. Но можно было бы послать въ „Русскій Вѣстникъ", въ „Гражданинъ", въ „Недѣлю" и въ „Русское Богатство". Можетъ-быть, Вы уже это сдѣлали—въ такомъ случаѣ простите за ненужный совѣтъ. Н. Н. Страховъ пишетъ противъ спиритизма. Кстати о противникахъ спиритизма. Здѣсь находится главный изъ нихъ—Юмъ. Онъ издалъ какой-то пасквиль противъ Васъ. Мнѣ онъ объ этомъ не заикнулся и хорошо сдѣлалъ. Впрочемъ, я не считаю его нравственно отвѣтственнымъ, какъ всѣ эти медіумы, онъ больше инструментъ, чѣмъ лицо.

Будьте здоровы, многоуважаемый Александръ Николаевичъ, поцѣлуйте отъ меня Ваню и кланяйтесь общимъ знакомымъ и не забывайте

Истинно преданнаго Вамъ Влад. Соловьева.

10.

[24 дек. 1884]

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Я, къ сожалѣнію, не успѣю къ Вамъ заѣхать, такъ какъ обѣдня кончится не раньше часа пополудни, а въ три я долженъ быть на вокзалѣ, а я еще не уложился. Амбросій пусть подождетъ моего возвращенія, такъ какъ онъ слишкомъ великъ, а я на этотъ разъ обремененъ конфетами и всякой всячиной. Вчера я былъ у Богдановыхъ, но Ваню, къ сожалѣнію, не засталъ; былъ потомъ у Олимпіады Ос.,— ее засталъ, и она была очень рада. Заѣхалъ и къ Ал. Мих. Бутлерову, но тамъ никого не было дома.

Будьте здоровы, дорогой и многоуважаемый Александръ Николаевичъ. Желаю Вамъ всего лучшаго на наступающій новый годъ. До свиданья послѣ 6 января.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

Посылаю Вамъ двѣ Ваши книжки, другія еще не просмотрѣлъ.

11.

[1885]

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Я отослалъ Вамъ корректуру. Переводъ весьма удовлетворителенъ—я нашелъ только двѣ или три ошибки, да одну неловкую фразу, что̀ и исправилъ.

Такъ какъ Иванъ Осиповичъ очень плохъ и желалъ бы со мной проститься, то я рѣшился пріѣхать для этого на нѣсколько дней въ Петербургъ между Рождествомъ и Новымъ годомъ.

Такимъ образомъ до скораго свиданія

Истинно преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

12.

[1886.]

Глубокоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Родина для перваго свиданія уже подарила меня сильнымъ гриппомъ и отняла свободу слова и въ физическомъ смыслѣ. Хотѣлъ сегодня быть у Васъ, но благоразумнѣе посидѣть денекъ—другой дома. Гдѣ Россоловскій? Если у Васъ, то передайте ему, пожалуйста, что мнѣ очень хочется его видѣть и имѣю до него маленькое, но спѣшное дѣло, и въ виду своего нездоровья надѣюсь, что онъ не станетъ считаться визитами и зайдетъ къ болящему. Если же онъ не у Васъ, то будьте такъ добры, сообщите съ посланнымъ его адресъ.

Истинно любящій и преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

Гост. Англія.

13.

С.-Петербургъ. Ноябрь 1886.

Дорогой и глубокоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Только недавно вернувшись изъ - за границы, узналъ я отъ А. Ѳ. Аксаковой, что Надежда Михайловна Бутлерова находится въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Вами. О кончинѣ Александра Михайловича узналъ изъ газетъ за-границей и до сихъ поръ не могу свыкнуться съ мыслью объ этой неожиданной и тяжелой потерѣ. Прошу Васъ передать Надеждѣ Михайловнѣ о моемъ сердечномъ участіи въ ея горѣ.

Въ теченіе зимы навѣрное буду въ Петербургѣ, но когда именно—еще не знаю. Заграничной поѣздкой своей я доволенъ въ смыслѣ опытнаго ознакомленія съ темными сторонами Западной церкви, которыя были мнѣ менѣе извѣстны, чѣмъ таковыя же въ нашей. Кончаю печатаніе перваго тома своей „Теократіи" въ Загребѣ, а у насъ здѣсь, кажется, ужъ ничего печатать нельзя.

Будьте здоровы, дорогой Александръ Николаевичъ; надѣюсь—до скораго свиданія.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

14.

[1886.]

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Имѣю къ Вамъ одну просьбу, для объясненія которой долженъ Вамъ изложить два обстоятельства.

Лѣтомъ этого года я напечаталъ въ „Новомъ Времени" двѣ статьи, изъ коихъ за первую мнѣ былъ присланъ гонораръ, а за вторую — болѣе обширную — гонорара не получилъ, вѣроятно потому, что редакція сомнѣвалась относительно моего мѣстопребыванія. Это первое обстоятельство.

2) Другое же состоитъ въ томъ, что въ послѣдніе годы жизни И. О. я имѣлъ привычку (которой желалъ бы и впредь держаться) — дѣлать маленькіе денежные подарки N.

Изъ этихъ двухъ обстоятельствъ вытекаетъ моя просьба. Не можете ли Вы съ прилагаемою довѣренностью послать когонибудь въ контору „Новаго Времени" и, получивши слѣдующій мнѣ гонораръ (рублей около сорока), вложить его въ прилагаемую записку (исключивши, разумѣется, мелкія деньги) на имя N. и запечатавши передать ей (не говоря, что Вы знаете о содержаніи).

Конечно, было бы проще послать ей прямо изъ Москвы, но увы! не все, что просто — возможно; а мнѣ въ послѣднее время нерѣдко приходится вспоминать о нѣкоторыхъ критическихъ минутахъ въ жизни Іова...

Впрочемъ, я не лежу на гноищѣ, а даже собираюсь печатать нѣсколько книжекъ. Соберусь ли однако — не знаю, все перечеркиваю и переписываю. Можетъ-быть, въ половинѣ декабря пріѣду въ Петербургъ, а можетъ-быть — и нѣтъ.

Иванъ Сергѣевичъ кажется закрываетъ лавочку. И резонъ.

Онъ цѣлыхъ три года читалъ отходную славянофильству, а мнѣ пришлось нанести этой доктринѣ послѣднiй ударъ—coup de grace. Тутъ же, кстати, умеръ вчера другъ Хомякова и Кирѣевскаго—Александръ Ивановичъ Кошелевъ—послѣднiй представитель стараго славянофильскаго кружка.

Чтȯ Вы подѣлываете? Вышелъ ли въ свѣтъ „Индивидуализмъ"? Не видалъ по газетамъ. Будьте здоровы.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

15.

[1889.]

Вотъ Вамъ корректура, глубокоуважаемый Александръ Николаевичъ. Я отмѣтилъ синимъ карандашомъ тѣ термины, на-счетъ которыхъ намъ нужно будетъ сговориться.

До свиданія въ четвергъ.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

16.

[1 февр. 1891 г.]

Отъ Александра Николаевича Аксакова 300 (триста) рублей въ счетъ гонорара за переводъ книги „The phantasms of the living“ получилъ.

Владиміръ Соловьевъ.

17.

Сверхъ прежде полученныхъ въ счетъ гонорара за переводъ книги „Phantasms of the Living“ трехсотъ рублей—получилъ отъ Александра Николаевича Аксакова для передачи госпожѣ Грефе до разсчета 100 (сто) рублей.

Владиміръ Соловьевъ.

18.

[21 дек. 1891 г.]

За переводъ книги „Телепатическія явленія“ отъ издателя Александра Николаевича Аксакова 439 р. 50 к., а съ прежде полученными 500 р.—всего девятьсотъ тридцать девять рублей 50 к. получилъ сполна, и всѣ разсчеты между нами по предмету этой книги окончены.

Владиміръ Соловьевъ.

19.

[19 апр. 1893.]

Вотъ предисловіе, многоуважаемый Александръ Николаевичъ. Заѣду завтра днемъ прочесть вмѣстѣ и переговорить. Теперь ужъ слишкомъ поздно.

Вчера чувствовалъ себя дурно и вообще хвораю.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

20.

[1893.]

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Пріѣхалъ вчера, и завтра вечеромъ принесутъ Вамъ „послѣднее сказанье“ телепатической лѣтописи. До завтра.

Преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

21.

[1893.]

Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

Сегодня наконецъ посылаю въ типографію послѣдніе листы рукописи перевода „Телепатическихъ явленій“. Вмѣстѣ съ тѣмъ подписалъ къ печати корректуру 20-го листа. Пока будутъ печататься послѣдніе листы, нужно будетъ написать предисловіе и что нибудь сдѣлать съ теоріей вѣроятностей, которая меня приводитъ въ недоумѣніе. Вѣроятно, все таки переведу самъ въ сокращенномъ видѣ. Такимъ образомъ къ началу или въ началѣ поста книга можетъ появиться въ свѣтъ. Это время еще хорошее.—А вотъ и новый вопросъ—о Дю-Прелѣ. Учитель Харьковской гимназіи Аксеновъ, котораго и Вамъ, и мнѣ рекомендуетъ очень Гротъ, перевелъ еще раньше, чѣмъ Давидовичъ, „Философію мистики“. Какъ тутъ быть?

Считаете ли Вы себя связаннымъ обѣщаніемъ Давидовичу, или будете выбирать между переводами по ихъ достоинству, или вовсе оставили мысль объ этомъ изданіи?

Отъ души желаю Вамъ хорошаго новаго года и надѣюсь на скорое свиданіе. Не хотѣлъ ни являться къ Вамъ, ни писать, пока не покончу съ телепатіей.

Преданный Вамъ Влад. Соловьевъ.

Письма къ Алексѣю Алексѣевичу Луговому.

1.

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ!

Я не забылъ своего обѣщанія, но забылъ свою рукопись. Теперь я ее добылъ. Вотъ та фраза, о которой Вы спрашиваете: Toute l'histoire universelle n'est que la réalisation successive d'utopies, ou plûtot d'une seule et unique utopie judéo-chrétienne—le règne de la justice et de la vérité ou le Royaume de Dieu [1]).

Съ совершеннымъ почтеніемъ Вашъ покорный слуга
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Отвѣтъ на мой запросъ о подлинномъ текстѣ статьи или лекціи [2]), прочитанной Вл. Серг. въ Парижѣ, въ салонѣ кн. Витгенштейнъ, лекціи, изъ которой я по газетнымъ отчетамъ взялъ для своего разсказа „Альміроръ" эпиграфъ: „не забудемъ, что всемірная исторія есть осуществленіе утопій". Съ этого письма началось мое знакомство съ Вл. Серг.

Прим. Ал. Л.

[2]) Объ этой лекціи имѣются свѣдѣнія въ „Воспоминаніяхъ" княгини Витгенштейнъ, вышедшихъ въ Парижѣ въ 1908 году. Лекція была прочитана въ маѣ 1888 года и отпечатана подъ заглавіемъ „L'Idée russe". См. Eugéne Tavernier „Vladimir Soloviev" Extrait de la Quinzaine de 16 Nov 1900) Соловьеву возражалъ Владиміръ Гетте, статья котораго была переведена въ „Вѣрѣ и Разумѣ" 1888 г.

Прим. ред.

2.

[1895.]

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ!

Спасибо Вамъ за присланный томъ Вашихъ интересныхъ повѣстей, которыя я прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Разрѣзая книгу, и увидавъ въ концѣ „Pollice verso" обильныя выписки изъ Шопенгауера, я было подумалъ, что и Вы увлекаетесь этимъ моднымъ полу-философомъ, но прочтя, съ удовольствіемъ нашелъ, напротивъ, очень вѣрную и мѣткую критику его софизмовъ.

Благодарю Васъ за вниманіе къ моимъ статьямъ. Это отрывки изъ большого систематическаго сочиненія по нравственной философіи, которое уже печатается, и я надѣюсь Вамъ его поднести еще этой весной. Предварительное печатаніе отрывками имѣетъ свои удобства, но также и большія неудобства, такъ какъ вызываетъ у читателей недоразумѣніе. То, что Вы мнѣ возражаете относительно стыда, основано именно на такомъ недоразумѣніи, вину котораго охотно беру на себя. Подъ стыдомъ я понимаю извѣстную намъ по внутреннему опыту реакцію нашей духовной природы противъ захватовъ природы животной. Само собою понятно, что у животныхъ такой реакціи быть не можетъ. Мое положеніе, будучи прямымъ приложеніемъ логическаго закона тождества (A=A) къ непосредственно достовѣрнымъ фактамъ внутренняго опыта, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, но Вы (вслѣдствіе отрывочности статьи) приняли за доказательства разныя пояснительныя замѣчанія и примѣры. Въ книгѣ возможность такого недоразумѣнія будетъ устранена.—Страхъ помѣхи, на который Вы указываете, можетъ, конечно, присоединяться въ тѣхъ

[1]) Рѣчь идетъ о статьяхъ, печатавшихся въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи", о которыхъ я писалъ Соловьеву. *Прим. Ал. Л.*

или другихъ случаяхъ къ чувству стыда (у человѣка), но онъ не имѣетъ къ нему никакого внутренняго отношенія. Наука различаетъ, напримѣръ, химическій составъ воды (H_2O) отъ разныхъ органическихъ и неорганическихъ примѣсей, встрѣчающихся въ той или другой конкретной массѣ воды (напр., въ рѣкѣ Невѣ или въ какомъ нибудь минеральномъ источникѣ). Подобнымъ образомъ философія различаетъ этическій составъ извѣстнаго чувства, напр., стыда, отъ тѣхъ или другихъ психологическихъ примѣсей, которыя могутъ быть важны въ какомъ нибудь отношеніи, но только не въ философскомъ.—Однако этотъ разговоръ удобнѣе будетъ кончить, если пожелаете, устно и послѣ моей книги. Теперь я здѣсь лишь на нѣсколько дней, но, можетъ-быть, удастся повидаться съ Вами, если не въ этотъ, то въ слѣдующій пріѣздъ.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ.

3.

[1896.]

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ!

Съ третьяго дня я боленъ, такъ что даже обращался къ доктору, который нашелъ у меня разные ужасы. Я выхожу и могу работать, но съ большимъ трудомъ; тѣмъ не менѣе конецъ войны [1]) будетъ завтра вечеромъ готовъ, а раньше никакъ невозможно. Но что за бѣда: съ третьяго листа перенесете на четвертый или пятый въ крайнемъ случаѣ. Объ обѣдѣ со мной говорить такъ-же цѣлесообразно, какъ объ веревкѣ съ повѣшеннымъ.

До завтра.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Статья „Смыслъ войны“ печаталась въ „Нивѣ“, когда я былъ редакторомъ этого журнала. *Прим. Ал. Л.*

4.

[1896.]

Очень Вамъ благодаренъ, многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ, за любезное вниманіе. Не пугайтесь длины моей вставки— по числу буквъ она приблизительно равна зачеркнутому [1]).—Я вчера заболѣлъ, не выхожу изъ дому, но тѣмъ не менѣе кончаю войну и завтра кончу. Если бы сверхъ ожиданія я не могъ выйти завтра, то попрошу Васъ быть до конца любезнымъ и зайти ко мнѣ cum nervo rerum послѣ Вашего засѣданія въ редакціи. Вѣроятнѣе же, что я зайду самъ около $4^1/_2$ ч.

Во всякомъ случаѣ до завтра.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ.

Прямое указаніе на Карамзина я зачеркнулъ; думаю, что Вы это одобрите.

---

1) Рѣчь идетъ о корректурахъ „Смысла Войны".

Прим. Ал. Л.

5.

[1896.]

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ!

Я вчера переѣхалъ въ казармы,—тоже близко отъ Васъ, въ Маріинскомъ дворцѣ, рядомъ съ Государственнымъ Совѣтомъ, по Вознесенскому просп., № 16, кв. 3, у полк. Кузьмина-Караваева. Если меня не обманываетъ память, я сегодня у Васъ обѣдаю. Итакъ, не зайдете ли изъ „Нивы", но только не разговаривайте съ часовымъ (ибо они всегда адски врутъ), а входите прямо подъ ворота, и подъ воротами налѣво входъ (единственный), а во второмъ этажѣ дверь незапертая съ карточкой моего хозяина. Войдя въ эту дверь, Вы погрузитесь во тьму и сѣнь смертную, но не пугайтесь слишкомъ и идите прямо до другой двери, у которой звонокъ. За нею Вы найдете меня и мы поѣдемъ, везомые быстроконнымъ и тихоколеснымъ извозчикомъ Василіемъ. Если же я ошибся и Вы меня звали въ другой день, то все таки зайдите, а я къ Вамъ не захожу въ „Ниву", чтобъ не мѣшать текущимъ занятіямъ. До свиданья.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ.

6.

[1896.]

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ!

Завтра въ 9 ч. корректура будетъ доставлена въ редакцію „Нивы“ на Ваше имя, а вечеромъ, если Вы будете свободны, мы можемъ встрѣтиться у С. П.; сегодня же это неудобно по нѣсколькимъ причинамъ.

Во всякомъ случаѣ—до скорѣйшаго свиданія.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ.

7.

[1896.]

Многоуважаемый Алексѣй Алексѣевичъ!

Мнѣ нужно бы поговорить съ Вами по одному секретному дѣлу, имѣющему общій интересъ. Не зайдете ли изъ заведенія?

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

8.

[1896.]

Спасибо Вамъ, дорогой Алексѣй Алексѣевичъ, особенно за милую фотографію. Отъ всей души желаю Любови Андреевнѣ и Вамъ хорошаго года и многихъ годовъ. Васъ обманули въ гостиницѣ. Комнаты я за собой не оставлялъ, такъ какъ, благодаря „Нивѣ“, накопленія счетовъ не было [1]). Остаюсь здѣсь еще нѣкоторое время, чтобъ окончить книжку по философіи уголовнаго права въ дополненіе къ большой моей книгѣ, которая съ моей стороны была уже вполнѣ готова къ Рождеству, и теперь время ея появленія зависитъ исключительно отъ мѣры пьянственныхъ увлеченій типографскаго пролетаріата. Думаю, что къ 20-му января во всякомъ случаѣ появится—цензурныхъ задержекъ не предвидится. Если Вы никому еще не давали писать рецензіи на книжку кн. С. М. Волконскаго (американца), то предоставьте мнѣ,—я ему уже обѣщалъ (условно).

Будьте здоровы. Еще разъ спасибо.

Душевно Вашъ

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Влад. Серг. иногда, не имѣя возможности уплатить по счету гостиницы, оставлялъ за собой номеръ гостиницы въ Петербургѣ, уѣзжая работать въ Выборгъ. *Прим. Ал. Л.*

*

9.

[1896.]

Дорогой Алексѣй Алексѣевичъ, въ 7 ч. уѣзжаетъ въ Москву мой любимый братъ, а между 7 и 8 я долженъ въ качествѣ „сына Божія“ (блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся) ѣхать къ Буренину. Итакъ, если Вы можете безъ неудобства ускорить обѣдъ (скажемъ въ $5^3/_4$) и если Вы не сочтете меня за совершенную свинью по случаю такого поведенія: пришелъ, нажрался и ушелъ—то ладно. Въ противномъ случаѣ для поддержанія моего *ремено*, какъ говорилъ одинъ образованный ельчанинъ (вмѣсто renommée), лучше отложить учрежденное сотрапезованіе до другого раза.

Если эта записка въ редакціи Васъ не застанетъ, то зайду туда между $4^1/_2$ и $5\ ^1/_2$.

Душевно Вамъ преданный

Влад. Соловьевъ.

Телеграммы къ Алексѣю Алексѣевичу Луговому.

1.

Царское Село, 5 декабря 1895 г.

Боленъ всю недѣлю, сегодня лучше; но выѣхать завтра рано; очень жалѣю; телеграфируйте, пожалуйста, адресъ Полонскаго.

Соловьевъ.

2.

Москва, 20 февраля 1896 г.

Все время былъ боленъ, долженъ отложить до апрѣльской. [1])

Соловьевъ.

3.

Царское Село, 7 марта 1896 г.

Очень хорошо, спасибо, просилъ бы только ради малыхъ сихъ исключить или замѣнить цитату изъ Гафиза о трактирщикѣ, если это возможно; до скораго свиданія. [2])

Соловьевъ.

4.

Царское Село, 25 марта 1896 г.

Несовсѣмъ здоровъ; надѣюсь, (въ) концѣ недѣли заѣду.

Соловьевъ.

5.

Царское Село, 10 мая 1896 г.

Завтра, (въ) субботу, готова статья [3]); доставлю (въ) редакцію (въ) шестомъ часу.

Соловьевъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ объ окончаніи статьи Вл. Серг.: „Поэзія Я. П. Полонскаго", напечатанной въ „Нивѣ", 1896 г., февраль и май. *Прим. Ал. Л.*

[2]) Рѣчь идетъ о моей рецензіи о сборникѣ стихотвореній Вл. С. Соловьева, предназначенной для помѣщенія въ „Нивѣ" и посланной ему на просмотръ. *Прим. Ал. Л.*

[3]) „Поэзія Я. П. Полонскаго". *Прим. Ал. Л.*

6.

С.-Петербургъ, 7 іюня 1896 г.

Благодарю, завтра свободенъ, зайду (въ) редакцію.

Соловьевъ.

7.

Царское Село, 21 іюля 1896 г.

Согласенъ (на) ускореніе; постараюсь быть (во) вторникъ; сердечно кланяюсь Любови Андреевнѣ; Софія Петровна пока въ Петербургѣ, Моховая, 33.

Соловьевъ.

8.

С.-Петербургъ, 31 октября 1897 г.

Буду у васъ завтра, (въ) субботу, утромъ; сегодня вечеромъ юбилей Стасюлевича.

Соловьевъ.

9.

Саблино, 2 ноября 1897 г.

Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что принято [1]); зайду завтра утромъ.

Соловьевъ.

10.

С.-Петербургъ, 11 января 1898 г.

Вышло недоразумѣніе, завтра, (въ) понедѣльникъ, васъ ждетъ Константинъ Федоровичъ, и я буду тамъ, а у васъ въ среду.

Соловьевъ.

---

1) Рѣчь идетъ о моей повѣсти: „Взятка", предложенной Вл. Серг. въ „Вѣстникъ Европы". *Прим. Ал. Л.*

11.

Москва, 11 января 1899 г.

Спасибо за вѣсточку изъ С.-Петербурга; непремѣнно буду (въ) Лугѣ; сердечный поклонъ Любови Андреевнѣ.

Соловьевъ.

12.

С.-Петербургъ, 24 декабря 1899 г.

Глубоко тронутъ неожиданнымъ и единственнымъ привѣтствіемъ [1]); не хворайте, надѣюсь поблагодарить лично въ Лугѣ— болѣзнь глаза понемногу проходитъ.

13.

С.-Петербургъ, 12 февраля 1900 г.

Спасибо, надѣюсь—(на) масляницѣ [2]); извѣщу, кланяюсь; если именины, сердечно поздравляю.

Соловьевъ.

---

[1]) Эта телеграмма получена мною въ отвѣтъ на телеграмму или письмо, посланное мною Влад. Серг. съ привѣтствіемъ по случаю исполнившагося 25-лѣтія его литературной дѣятельности. Дата этого юбилея была въ свое время записана мною съ его словъ на случай помѣщенія его портрета въ „Нивѣ", когда я былъ ея редакторомъ (1896 г.), и я, живя уже въ Лугѣ, вспомнилъ о юбилеѣ въ указанный день и мѣсяцъ въ 1899 г. *Прим. Ал. Л.*

[2]) Отвѣтъ на приглашеніе пріѣхать погостить ко мнѣ въ Лугу. На масляницѣ 1900 г. Вл. Серг. пріѣхалъ и гостилъ у насъ нѣсколько дней, обѣщая пріѣхать вновь лѣтомъ, по возвращеніи изъ имѣнія кн. Трубецкаго. *Прим. Ал. Л.*

Записки на карточкахъ.

1. Дорогой Алексѣй Алексѣевичъ, примите, пожалуйста, къ разсмотрѣнію разсказъ Петра Николаевича Дубенскаго, который усердно Вамъ рекомендую.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

2. Ни четвергъ, ни пятница мнѣ не свободно, дорогой Алексѣй Алексѣевичъ, но и завтра есть препятствіе. Сговоримся въ пятницу вечеромъ относительно позднѣйшаго дня.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ.

3. Дорогой Алексѣй Алексѣевичъ, Волконскій, вмѣсто того, чтобы вернуть рецензію мнѣ [1]), послалъ ее А. Ѳ. Марксу, а я хотѣлъ ее еще перечесть и дополнить. Но теперь ужъ поздно, сойдетъ и такъ. Посылаю Вамъ рукопись г. Дубенскаго съ полномочіемъ автора исключить всѣ мѣста, которыя Вамъ покажутся сомнительными съ точки зрѣнія популярнаго журнала, а также цензуры. Въ воскресенье возвращаюсь въ Петербургъ и занесу Вамъ своего толстаго младенца [2]).

---

[1]) Рѣчь идетъ о рецензіи, которую Вл. Серг. Соловьевъ по просьбѣ кн. Сергѣя Мих. Волконскаго написалъ для „Нивы“ о книгѣ Волконскаго.
Прим. Ал. Л.

[2]) Рѣчь идетъ о книгѣ: „Оправданіе Добра“ (см. письмо № 2).
Прим. Ал. Л.

Письма къ С. А. Венгерову.

1. [1])

Многоуважаемый Семенъ Аөанасьевичъ!

Догадавшись, что письмо отъ Васъ содержитъ корректуру, но въ полной увѣренности, что типографія закрыта по случаю восшествія на престолъ, я только поздно вечеромъ вскрылъ конвертъ. Во всякомъ случаѣ, полагаю, сегодня и завтра нѣтъ работы. Если же я ошибаюсь, то Вы можете воспользоваться моимъ посланнымъ (буде онъ Васъ застанетъ), чтобы возвратить корректуру въ типографію.

Есть опечатки, особенно одна непостижимая, которую необходимо исправить.

До свиданія.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

Я остаюсь еще нѣсколько дней.

---

[1]) Даты первыхъ двухъ писемъ не удалось установить.

Прим. ред.

2.

Многоуважаемый Семенъ Аѳанасьевичъ!

Мнѣ, къ сожалѣнію, нельзя будетъ быть у Васъ завтра вечеромъ, а между тѣмъ хотѣлось бы повидаться съ Вами передъ отъѣздомъ въ Москву ради одного отчасти литературнаго дѣла. Итакъ, не заѣдете ли ко мнѣ въ любой изъ дней отъ пятницы до середы въ *первомъ часу дня*. Если же этотъ часъ Вамъ не удобенъ, то предупредите о другомъ дневномъ часѣ (12-5) у Васъ или у меня.

Будьте здоровы.

Надѣюсь—до скораго свиданія.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

3.

14 іюня 89.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Многоуважаемый Семенъ Аѳанасьевичъ!

Во-первыхъ, спасибо Вамъ за словарь [1]), который просмотрѣлъ, а статьи объ И. и К. Аксаковыхъ прочелъ съ полнымъ вниманіемъ. Отъ души желаю Вамъ сравняться въ долготѣ дней если не съ Маѳусаиломъ, то по крайней мѣрѣ съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ Галаховымъ, чтобы довести до конца сей monumentum aere perennius. Признаюсь однако, что не безъ нѣкотораго ужаса помышляю о томъ, что Вамъ еще предстоитъ: Гоголь, Пушкинъ, Достоевскій, Л. Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Салтыковъ, Герценъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Кирѣевскій, Хомяковъ—и множество другихъ. Утѣшаюсь только тѣмъ, что Вамъ не придется писать о Шекспирѣ и Гёте, о Кантѣ и Шеллингѣ, и что русскій Платонъ (митрополитъ московскій), хотя и имѣетъ преимущество архіерейскаго сана, не потребуетъ однако такой обширной монографіи, какая нужна была бы для Платона греческаго.

Переходя отъ чувствъ къ дѣлу, извѣщаю Васъ, что охотно напишу требуемыя характеристики къ требуемому сроку, и что касается до Алексѣя Литовскаго (котораго я и лично знаю), то могъ бы это сдѣлать хоть сейчасъ же, *если* только достану его главное сочиненіе о церковно-судебной реформѣ. Я его читалъ, но очень давно, и наобумъ писать, конечно, не желаю. Постараюсь добыть его гдѣ-нибудь здѣсь, если же не удастся, потребую у Васъ. Кромѣ обозначенныхъ Вами, я могъ бы написать о фило-

[1]) Рѣчь идетъ о „Словарѣ писателей", издаваемомъ С. А. Венгеровымъ. *Прим. ред.*

софѣ Павлѣ Бакунинѣ, а также о пропущенномъ Вами (духовно-академикѣ) Болотовѣ, авторѣ весьма серьезнаго сочиненія: „Ученіе Оригена о Пресвятой Троицѣ“.

Еще одинъ пропущенъ у Васъ, и я могъ бы пополнить, но объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ, также какъ и о нѣкоторыхъ фактическихъ погрѣшностяхъ въ статьѣ объ И. Аксаковѣ, которыя Вы можете исправить въ дополнительномъ выпускѣ.

А теперь не хочу задерживать настоящаго, нужнаго для Васъ отвѣта.

Будьте здоровы.

Истинно Васъ уважающій
Влад. Соловьевъ.

4.

2 сент. 1889, Москва.

Два слова, многоуважаемый Семенъ Аѳанасьевичъ,—тороплюсь сдать на почту. Въ опозданіяхъ не виноватъ, живу среди неожиданныхъ смертей, хороню покойниковъ, ухаживаю за больными.

Наконецъ сегодня попалъ въ Москву, чтобы написать и отправить Вамъ замѣтку объ Алексѣѣ Лавровѣ, а завтра утромъ—объ Аннѣ Ѳед. Аксаковой. Пожалуйста, не уѣзжайте раньше 4-го сентября. Имѣю къ Вамъ маленькое порученіе за-границу, которое напишу завтра, а теперь боюсь опоздать.

До завтрашняго письма.

Весь Вашъ Влад. Соловьевъ.

5.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина. 4 сент. 1889.

Многоуважаемый Семенъ Аѳанасьевичъ!

Оказывается, объ А. Ѳ. Аксаковой писать гораздо труднѣе, чѣмъ о толкователѣ карѳагенскихъ и халкидонскихъ каноновъ. Трудность и въ непривычной мнѣ формѣ личныхъ воспоминаній (а какую же другую форму могъ бы я избрать въ этомъ случаѣ?), и, главное, въ боязни какъ нибудь неделикатно коснуться интимныхъ сторонъ сердца и жизни, что̀ вдвойнѣ непозволительно, когда дѣло идетъ о лицѣ никогда не выступавшемъ ни на какое публичное поприще. Слѣдовало бы во всякомъ случаѣ переговорить прежде съ ближними родными покойной А. Ѳ.,— а между тѣмъ Вамъ нельзя ждать. Итакъ, простите великодушно, что, самъ первый сдѣлавши Вамъ это предложеніе, беру его назадъ.

Что касается до посланной Вамъ третьяго дня замѣтки о нашемъ клерикальномъ канонистѣ, то она мнѣ кажется вполнѣ цѣлесообразной, но найдетъ ли ее таковою духовная цензура—это другой вопросъ. Впрочемъ я не знаю, въ какихъ Вы отношеніяхъ съ этимъ учрежденіемъ. Пожалуйста, напишите мнѣ, есть ли надежда на напечатаніе замѣтки.

Съ благодарностью принимаю Ваше любезное предложеніе; вотъ Вамъ маленькое порученіе въ Парижъ: привезите мнѣ три или четыре экземпляра моей французской книги: La Russie et l'Eglise universelle" (Nouvelle librairie parisienne, Albert Savine, 12, Rue des Pyramides). Стоитъ 3 fr. 50 c., сочтемся при свиданіи. А если будетъ не въ тягость, то захватите также нѣсколько экземпляровъ и брошюры L'Idée Russe (35, Quai des S-ts Augustins, Perrin ci-devant Didier, Librairie Académique),—но это мнѣ не особенно нужно.

Жду съ нетерпѣніемъ извѣстія отъ Васъ о моемъ архіереѣ— меня эта маленькая замѣтка интересуетъ больше, чѣмъ какая нибудь значительная статья.

Будьте здоровы, и счастливаго пути.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

6.

[1890.]

Дорогой Семенъ Аѳанасьевичъ, спрашивалъ Васъ вчера въ Пале-Роялѣ, имѣя кое что сообщить. Мнѣ сказали, что Вы на старой квартирѣ, но не знаю, одни ли. Я за себя конечно не боюсь скарлатины, но бываю въ домахъ, гдѣ дѣти. Если вамъ возможно сегодня между $7^1/_2$ и 9, заѣзжайте ко мнѣ. Если нельзя, то заѣду къ Вамъ и вызову на улицу.

До свиданія.

Душевно Вамъ преданный
Влад. Соловьевъ.

7.

[1892.]

Многоуважаемый Семенъ Аѳанасьевичъ!

Я со вторника сижу съ инфлуэнцей, но безъ копейки. Это имѣетъ свои неудобства. Нельзя ли мнѣ получить авансомъ 150 р.; это будетъ лишь половина приблизительно той суммы, на которую мною уже данъ матерьялъ для ближайшаго полутома.—Если издатель отсутствуетъ, и въ кассѣ нѣтъ такихъ денегъ, то хоть сколько нибудь. Всего лучше было бы, если бы Вы сами могли занести по пути изъ словаря; мы могли бы вмѣстѣ и пообѣдать, если Ваша жена не слишкомъ строга. Если же зайти не можете, то задержите моего посланнаго и передайте деньги ему. Простите сіе порученіе какъ больному.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

8.

Москва. 12 іюля 1892 г.

Вотъ Вамъ два слова о двухъ словахъ, многоуважаемый Семенъ Аѳанасьевичъ. Скромность помѣшала мнѣ дополнить одно изъ нихъ замѣчаніемъ, что въ русскій философскій языкъ термины: „всеединство", „положительное и отрицательное всеединство" введены мною, нижеподписавшимся (если не ошибаюсь).

На вопросъ Вашъ, какъ я поживаю, прямого отвѣта дать не могу, ибо я вовсе не поживаю. Я умеръ, о чемъ безспорно свидѣтельствуетъ слѣдующая эпитафія, высѣченная (вопреки закону, избавляющему женскій родъ отъ тѣлеснаго наказанія) на моемъ могильномъ камнѣ:

Владиміръ Соловьевъ
Лежитъ на мѣстѣ этомъ, и т. д. [1]).

Но, пожалуй, узнавши о моей смерти, Вы не пришлете ордера на 22 р. Итакъ, спѣшу оставить шутки и сообщить Вамъ, что я живу хотя въ большой тѣснотѣ, но не въ обидѣ, по крайней мѣрѣ не обижаю своихъ свиноватыхъ пьяныхъ, но тѣмъ не менѣе нищихъ деревенскихъ сосѣдей, среди которыхъ пріобрѣлъ не мало популярности. Ордеръ присылайте, и присылайте какъ можно скорѣй, ибо на эти 22 р. я поѣду къ Вамъ въ Петербургъ ради различныхъ журнально-типографскихъ дѣлъ. Противъ Воронцова я рѣшительно ничего не имѣю и имѣть не могу, и если Вы замѣтили въ моемъ „письмѣ" раздражительность, то она была вызвана неизвѣстными Вамъ обстоятельствами, отмѣчающими маленькое свинство „Русской мысли".

До скораго свиданія.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Эпитафія напечатана въ 1-мъ томѣ „Писемъ Вл. С. Соловьева", и стр. 198-ой. *Прим. ред.*

9.

Москва. 12 авг. 1892.

Если найдете свободную минуту, многоуважаемый Семенъ Аѳанасьевичъ, то отвѣтьте, пожалуйста, на слѣдующіе вопросы.

1) Отправили ли мое письмо къ Гецу, и какъ его полный адресъ?

2) Когда выйдетъ XIII-ый полутомъ и кончится ли въ немъ буква *В*?

3) Думаете ли Вы, что *Гегель* войдетъ въ слѣдующій XIV-ый полутомъ, и если да, то къ какому сроку нужно его представить?

4) Къ какому сроку нужно представить *Гартмана*? Его пишетъ Цертелевъ: онъ занимался имъ съ любовью, всего читалъ, много о немъ печаталъ и сверхъ того—въ личномъ знакомствѣ и перепискѣ съ нимъ: значитъ спеціалистъ de toute pièce; Гербарта, какъ Вы знаете, пишетъ Козловъ, *Гегеля* предлагалъ Чичерину и Лопатину, но оба отказались, приходится взять самому. *Герберта Спенсера* нужно конечно отнести къ буквѣ С., онъ кстати и умретъ къ тому времени. Колубовскій взялъ цѣлыхъ 14 именъ русскихъ философовъ на *Г*, къ этой буквѣ они принадлежатъ вдвойнѣ: за исключеніемъ моего этическаго друга Грота, подающаго надежды, всѣ прочіе съ выгодою для словаря могли бы быть совокуплены вмѣстѣ подъ однимъ словомъ, котораго не пишу, щадя Вашу деликатность.

Мое какъ московское, такъ и деревенское жительство подверглось катастрофамъ, вслѣдствіе которыхъ я не живу нигдѣ, а кочую по друзьямъ. Тѣмъ не менѣе пишите мнѣ: Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Вернулся ли К. К. Арсеньевъ? А я въ Петербургъ все таки непремѣнно пріѣду, но только не знаю когда.

Будьте здоровы и благополучны.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

10.

[1893.]

Многоуважаемый Семенъ Аѳанасьевичъ!

Получилъ письмо отъ Л. Я. Гуревичъ, и такъ какъ Вы дали къ нему ближайшій поводъ, то черезъ Васъ же я посылаю и свой отвѣтъ. Прочтите его и доставьте ей въ возможно скорѣйшемъ времени.

Вчера я посылалъ Вамъ черезъ И. А. Ефрона экземпляръ „Дворянскаго бунта“. [1]) —Надѣюсь, что Вы (т. е. не Вы, а вы) устроились съ *Гербартомъ* помимо меня. Писать объ этомъ скучнѣйшимъ изъ философовъ было бы для меня истиннымъ мученіемъ.

Былъ вчера вечеромъ у Л. Толстаго, который, между прочимъ, выражалъ свое сочувствіе „Сѣверному Вѣстнику“, но безъ надежды на успѣхъ. А на мое ходатайство дать туда что нибудь сказалъ: „ничего теперь нѣту, да и не зачѣмъ: пожалуй, совсѣмъ ихъ потопишь своею тяжестью“. Примите это къ свѣдѣнію, но не огорчайте бѣдную дѣвицу, которую мнѣ ужасно жаль.

Будьте здоровы, кланяюсь Вашимъ.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Стихотвореніе, написанное Э. Л. Радловымъ и дополненное В. С. Соловьевымъ и В. Л. Величко. *Прим. ред.*

Телеграммы.

1.

Уѣхалъ неожиданно въ Москву на недѣлю, счастливаго новаго года, до свиданія.

Соловьевъ.

2.

1889 г. 4-го января.

Высылаю обѣ къ 1 сентября.

Соловьевъ.

3.

1889 г. 27-го августа.

Нездоровье и хлопоты помѣшали быть у васъ; уѣзжаю сегодня; надѣюсь въ концѣ апрѣля увидѣться.

Соловьевъ.

4.

1890 г. 28-го марта.

Отчего не отвѣчаете; крайне нужно.

Владиміръ Соловьевъ.

5.

1889 г. 14-го марта.

Высылаю завтра, задержанъ смертью Владиміра Павловича Безобразова.

Соловьевъ.

6.

1890 г. 10-го мая.

Жду завтра въ воскресенье въ 6 часовъ въ гостиницѣ; боленъ; не переѣхалъ.

Соловьевъ.

7.

1894 г. 11-го іюня.

Зайду завтра въ редакцію.

Соловьевъ.

8.

1895 г. 27-го іюня.

Опечатка только одна на 128-ой страницѣ, 7-ая строчка снизу, греческая буква.

Соловьевъ.

9.

1895 г. 13-го октября.

Отъ Пушкина отказываюсь, некогда.

Соловьевъ.

12.

1899 г. 1-го сентября.

На визитной карточкѣ.

Мы съ А. Н. П. и Л. З. С. [1]) рѣшили оставить Болгаръ въ покоѣ.

---

[1]) А. Н. Пыпинъ и Л. З. Слонимскій.

Письма къ Н. А. Макшеевой.

1.

[1897.]

Многоуважаемая Наталія Алексѣевна!

Вотъ запоздалое спасибо за Ваше доброе и умное письмо. Прошу Васъ вѣрить, что размѣры моей душевной признательности за Вашу симпатію значительно превышаютъ размѣры этой записки. На бо̀льшую часть получаемыхъ мною писемъ я вовсе не отвѣчаю, и чтобы Вы меня не осудили вотъ списокъ работъ, лежащихъ на мнѣ въ настоящее время:

1) печатаю „Нравственную философію“;

2) готовлю къ печати „Метафизику“;

3) idem „ „Эстетику“;

4) idem „Объ антихристѣ“;

5) пишу статьи о русскихъ писателяхъ;

6) редактирую философской отдѣлъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза (русскомъ) и бо̀льшую часть статей въ этомъ отдѣлѣ пишу самъ;

7) обѣщалъ участвовать въ разныхъ благотворительныхъ сборникахъ и чтеніяхъ, редактировать чужіе переводы и т. д.

Все это я долженъ дѣлать своими руками, не имѣя никакого вспомогательнаго инструмента въ родѣ жены, секретаря и т. п. притомъ пріѣзжая въ Петербургъ, могу работать только ночью, такъ какъ днемъ или ѣзжу по своимъ и чужимъ дѣламъ, или принимаю у себя въ гостиницѣ разный народъ. Вотъ и сейчасъ ужъ кто-то стучится.

Еще разъ спасибо за Ваше милое письмо.

Душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

2.

11 февр. 1898.

Пріѣхавъ изъ деревни, нашелъ Ваше письмо, многоуважаемая Наталія Алексѣевна, и прошу извинить мое невольное замедленіе. Павленковъ зимы проводитъ за-границей ради своей болѣзни и заочныхъ рѣшеній по своимъ издательскимъ дѣламъ не принимаетъ, такъ что писать ему за-границу было бы совершенно безполезно. Когда онъ будетъ здѣсь, я, разумѣется, съ удовольствіемъ дамъ Вамъ къ нему рекомендующую записку. Собираюсь къ Вамъ поблагодарить за итальянское воспоминаніе, но дѣлъ у меня гораздо больше, чѣмъ времени, и я совсѣмъ не видалъ большинства своихъ знакомыхъ. Между двухъ чтеній въ Философскомъ Обществѣ (17-го и 28-го февраля) уѣду въ Москву, а въ концѣ марта за-границу.

Душевно преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

Письмо къ Т. И. Филипову.

С. Рождествино, Серпуховъ, у гр. Соллогубъ. 30 іюля 1889.

Ваше Высокопревосходительство,
глубокоуважаемый Тертій Ивановичъ.

Хотѣлъ поздравить Васъ телеграммою, но потомъ подумалъ, что такое поздравленіе было бы лишь дѣломъ простой вѣжливости, тогда какъ счастливое для Васъ происшествіе причинило мнѣ особенную живѣйшую радость, о которой тѣмъ болѣе могу распространиться, чѣмъ она менѣе имѣетъ личныхъ мотивовъ. Хотя Вы издавна удостоивали меня Вашего добраго расположенія, но едва-ли Вамъ теперь было бы возможно помочь собственно мнѣ въ моей настоящей нуждѣ, именно снять или облегчить тяготѣющія на мнѣ узы духовной цензуры, благодаря которымъ моя литературная дѣятельность должна была принять совершенно неправильный и для меня самого нежелательный и неудобный характеръ. Не думаю, чтобы въ этомъ отношеніи кто нибудь могъ мнѣ помочь въ настоящее время. Но вступленіе Ваше въ первый рядъ государственныхъ сановниковъ кажется мнѣ несомнѣннымъ предзнаменованіемъ нѣкоторой общей перемѣны правительственныхъ взглядовъ въ той области, которая хотя и не захватывается Вашимъ новымъ назначеніемъ, но относительно которой Вашъ образъ мыслей и Ваши заслуги слишкомъ извѣстны, чтобы не быть принятыми во вниманіе и въ настоящемъ случаѣ. А перемѣна взглядовъ, на которую намекаю, важна и необходима не для меня, а для всей Россіи, и не только для нея, но и для всей вселенской Церкви. Къ этой общей надеждѣ могу я безъ всякаго себялюбія и своекорыстія привязать и свои личныя чаянія. Указъ 26-го іюля, заставшій меня въ умственныхъ трудахъ, тѣлесныхъ болѣзняхъ, душевныхъ печаляхъ и духовной

неволѣ, подѣйствовалъ на меня какъ радостное и бодрящее предвѣстіе будущаго освобожденія.

Сторожатъ меня Албанцы,
Я въ цѣпяхъ... но у окна
Зацвѣтаютъ померанцы—
Добрый знакъ: близка весна. [1])

Во всемъ и вездѣ главное дѣло *воля*: умственныя убѣжденія, мысли и теоріи только расчищаютъ и освѣщаютъ пути, ведущіе къ цѣли, поставленной не теоретическимъ, а практическимъ разумомъ. Меня связываютъ съ Вами не столько единомысліе, сколько *единоволіе*. Вы *хотите* глубоко и горячо духовнаго освобожденія, укрѣпленія и оживленія русской, а чрезъ нея и вселенской церкви. Этого же хочу и я. У насъ одна и та-же цѣль: ignem fovere in gremio sponsae Christi.

А что касается до путей, то только честный опытъ можетъ показать, который изъ нихъ вѣренъ и который ошибоченъ. Я же всегда готовъ прямо и рѣшительно отказаться отъ всякаго своего мнѣнія, какъ скоро ложность его будетъ обличена на самомъ дѣлѣ. Запрещеніе не есть обличеніе, и насиліе не есть свидѣтельство истины. Отъ государственной дѣятельности автора „Современныхъ церковныхъ вопросовъ" считаю себя въ правѣ ожидать новыхъ практическихъ условій для рѣшенія этихъ вопросовъ на почвѣ честной борьбы идей и принциповъ—въ дѣйствительное обличеніе или въ дѣйствительное оправданіе дорогихъ мнѣ убѣжденій. Во всякомъ случаѣ чаю отъ Васъ движенія воды въ нашей застоявшейся церковной купели. Въ надеждѣ, что Вы не посѣтуете на меня за эти откровенныя изъявленія,

съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью
имѣю честь быть
Вашего Высокопревосходительства
покорный слуга
Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) Цитата изъ А. Н. Майкова, „Сочиненія". II-ой томъ, стр. 201. Изд. Маркса 1901 г. *Прим. ред.*

Письма къ Я. Н. Колубовскому.

1.

Петербургъ. Возн. просп., 16, кв. 3. 9 авг. 1891.

Дорогой Яковъ Николаевичъ, съ точностью опредѣлить размѣры статьи не могу, но полагаю, что листа 2 или $2^1/_2$. Пришлю 15-го, а затѣмъ около 20-го—25-го пріѣду самъ. Итакъ, до скораго свиданія. Передайте, пожалуйста, прилагаемое письмо Николаю Яковлевичу [1]), ибо я не знаю, на прежней ли онъ еще квартирѣ.

Душевно Вамъ преданный
Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) Н. Я. Гроту. *Прим. ред.*

2.

5-го ноября 1891.

Дорогой Яковъ Николаевичъ! Не найдете ли вы практичнымъ напечатать въ ноябрской книжкѣ только краткій рефератъ, а пространный отложить до января. Въ такомъ случаѣ я буду готовъ завтра вечеромъ, или самое позднее послѣ-завтра днемъ (четвергъ), когда и прошу прислать ко мнѣ Аѳанасія за рукописью. Но какъ быть съ протоколами преній? Жду извѣстій.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

3.

[1891.]

Дорогой Яковъ Николаевичъ, *очень прошу* Васъ передать посланному списокъ 27-ми членовъ Психологическаго Общества, подписавшихъ протоколъ съ моимъ рефератомъ, а также если можно и самый протоколъ (корректуру); это очень нужно для общаго дѣла. При свиданіи объясню. Сегодня вечеромъ буду у Н. Я. Грота.

Вашъ Вл. Соловьевъ.

4.

[1891].

Дорогой Яковъ Николаевичъ, Вы не совсѣмъ поняли меня по 2-умъ пунктамъ:

1) *Днемъ* значитъ для меня не 11 ч., а 3—4.

2) Я предлагаю *совсѣмъ* не печатать большого реферата (т. е. ничего изъ него для перваго отдѣла журнала), потому что я хочу (и началъ) распространить и передѣлать.

Слѣдовательно, теперь нужно перебрать другимъ шрифтомъ набранное (сокративши вступленіе[1]) въ тѣхъ размѣрахъ, какъ я его говорилъ: это я Вамъ сдѣлалъ сейчасъ на имѣющихся у меня гранкахъ, которыя и посылаю), а прочее набрать по моей подлинной рукописи, которую также посылаю и прошу беречь, такъ какъ она мнѣ понадобится. Составленіе подробнаго протокола безъ моего участія (пока оно физически возможно) есть нелѣпость. Другое дѣло, еслибы я умеръ, или лежалъ въ бреду.

Итакъ или присылайте возраженія, или, если Вы безстрашны, то пріѣзжайте сами: у насъ будутъ приняты всѣ дезинфекціонныя предосторожности. Пріѣзжайте въ такомъ случаѣ между 8 и 10 ч. вечера.

Преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

Корректура мнѣ непремѣнно нужна.

---

[1]) Рѣчь здѣсь идетъ о рефератѣ, прочитанномъ Вл. С. Соловьевымъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ „О причинахъ упадка средневѣковаго міросозерцанія". *Прим. ред.*

5.

[1891.]

Дорогой Яковъ Николаевичъ, мнѣ принесли корректуру въ 3 часа, слѣдовательно я все равно не успѣлъ бы къ почтовому поѣзду. Посылаю Вамъ исправленныя гранки для печати, а рукопись и 2-ой экземпляръ гранокъ оставляю у себя. Если узнаете что новое, не оставьте извѣщеніемъ. Я чувствую себя хорошо, надѣюсь—и Вы также.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

P. S. Пересматривая гранки, я нашелъ кое-какія непріятныя опечатки. Если Вы еще не отправили въ Петербургъ, то примите во вниманіе: пропускъ слова „вполнѣ“ и „первые христіане“, гдѣ нужно: псевдо —христіане. А если ужъ отправили, то напишите, пожалуйста, Николаю Яковлевичу *сегодня съ курьерскимъ поѣздомъ*, чтобы онъ исправилъ эти опечатки на 3-ей и 5-ой гранкахъ, прежде доставленія по начальству.

6.

[1891.]

Дорогой Яковъ Николаевичъ, на протоколъ никакихъ замѣчаній не имѣю. Посылаю Вамъ свой переводъ [1]). Въ субботу думаю выѣхать, и первымъ дѣломъ къ Вамъ.

Передайте, пожалуйста, прилагаемую записку Николаю Яковлевичу, только не на домъ, а сегодня вечеромъ.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о переводѣ Лонгфелло, сдѣланномъ по просьбѣ Я. Н. Колубовскаго для русскаго изданія „Психологіи" Гефдинга. Вотъ самый переводъ.

Ахъ! Память все вернуть готова:
Мѣста и лица, день и часъ,
Одно лишь не вернется снова,
Одно, что дорого для насъ.
Все внѣшнее опять предъ нами,
Себя лишь намъ не воскресить
И съ обновленными струнами
Душевный строй не согласить.

Прим. ред.

7.

[1892 г.]

Дорогой Яковъ Николаевичъ, о Николаѣ Яковлевичѣ слѣдуетъ, я полагаю, написать приблизительно въ размѣрахъ того, что удѣлено ему въ Вашей исторіи, т. е. немного побольше, такъ какъ онъ съ тѣхъ поръ еще писалъ.

На букву *Д* есть русскіе философы, какъ-то Дебольскій, Де-Роберти. Возьмите свой списокъ при той же исторіи и всѣхъ, кто тамъ есть изъ русскихъ и славянъ, оставляйте за собой и приготовьте къ маю.

Декарта хочетъ писать Николай Яковлевичъ, а также Цертелевъ. Если ни тотъ, ни другой не напишутъ, напишу я. Я увѣренъ все таки, что до Пасхи попаду въ Петербургъ.

Страдаю отъ разныхъ болѣзней и отъ срочныхъ работъ, оттого и Вамъ не отвѣчалъ до сихъ поръ.

Будьте здоровы. Кланяюсь Наталіи Алексѣевнѣ и Алексѣю Александровичу [1]).

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) А. А. Козлову. *Прим. ред.*

8.

[1890.]

I. Curriculum vitae [1]).

Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, сынъ историка Сергѣя Михайловича, родился въ Москвѣ 16-го января 1853 г.

Въ 1869 г., по окончаніи курса въ 5-й московской гимназіи, поступилъ въ студенты Московскаго Университета на физико-математическій факультетъ по отдѣлу естественныхъ наукъ. Въ 1872 г. вышелъ изъ физико-математическаго факультета и поступилъ вольнымъ слушателемъ на историко-филологическій факультетъ (того-же университета).—Въ 1873 г., по выдержаніи экзамена, получилъ степень кандидата историко-филологическихъ наукъ и затѣмъ поступилъ въ качествѣ вольнаго слушателя въ Московскую Духовную Академію, гдѣ и пробылъ одинъ учебный годъ.

Въ концѣ 1874 г. по выдержаніи въ Петербургскомъ Университетѣ магистерскаго экзамена и по публичномъ защищеніи диссертаціи: „Кризисъ западной философіи“ получилъ степень магистра философіи и затѣмъ былъ избранъ Московскимъ Университетомъ въ штатные доценты по каѳедрѣ философіи.—Въ 1875 г. прочелъ въ Московскомъ Университетѣ курсъ по исторіи новѣйшей философіи, на Высшихъ женскихъ курсахъ (проф. Герье)—по исторіи древней философіи. Въ томъ-же году былъ отправленъ за-границу, гдѣ провелъ годъ въ Англіи, Египтѣ, Италіи и Франціи.

---

[1]) Написано по просьбѣ Я. Н. Колубовскаго для 3-го тома перевода Ибервега „Исторія Философіи“. *Прим. ред.*

Въ 1876 г., по возвращеніи изъ-за границы, читалъ въ Московскомъ Университетѣ лекціи по исторіи древней философіи и по логикѣ. Въ 1877 г. оставилъ службу при Московскомъ Университетѣ и былъ назначенъ членомъ Ученаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1878 г. прочелъ въ Петербургѣ двѣнадцать публичныхъ лекцій по философіи религіи. Въ 1880 г. по публичномъ защищеніи въ Петербургскомъ Университетѣ диссертаціи: „Критика отвлеченныхъ началъ“ получилъ степень доктора философіи. Въ концѣ того-же года и въ началѣ слѣдующаго читалъ въ Петербургскомъ Университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по метафизикѣ, а также преподавалъ философію на Высшихъ женскихъ курсахъ (проф. Бестужева-Рюмина). Въ мартѣ 1881 г. прочелъ публичную лекцію о смертной казни и былъ временно удаленъ изъ Петербурга. Въ томъ-же году вышелъ въ отставку изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ январѣ 1882 г. возобновилъ чтенія по философіи въ Петербургскомъ Университетѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ, но черезъ мѣсяцъ уѣхалъ изъ Петербурга и оставилъ окончательно профессорскую дѣятельность.

II. Списокъ сочиненій.

1) Книги.

„Кризисъ западной философіи“. М. 1874.

„Критика отвлеченныхъ началъ“. М. 1880.

„Религіозныя основы жизни“. 1-е изд. М. 1884, 2-е изд. М. 1885.

„Національный вопросъ въ Россіи“. 1-е изд. М. 1884, 2-е изд. Спб. 1888.

„Исторія и Будущность теократіи“, томъ I (Философія Библейской Исторіи) Загребъ. 1887.

„La Russie et l'Eglise Universelle“. *Paris* 1889.

NB. Изъ этихъ книгъ только три послѣднія имѣются въ продажѣ.

2) Брошюры.

„Три рѣчи въ память Достоевскаго“. М. 1884.

„Еврейство и Христіанскій вопросъ“. М. 1884. NB. Эта брошюра обработана духовнымъ цензоромъ, вставлявшимъ въ нее свои мысли, прямо противоположныя мыслямъ автора.

„Догматическое развитіе Церкви въ связи съ вопросомъ о соединеніи церквей“. М. 1886.

„L'Idée Russe“. Paris 1888. Двѣ первыя брошюры и послѣдняя находятся въ продажѣ.

3) Статьи.

„Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ“ (Православное Обозрѣніе, ноябрь 1873 г.).

„О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича“ (Журн. Мин. Нар. Просв., конецъ 1874 г.).

„Философскія начала цѣльнаго знанія“ (въ нѣсколькихъ №№ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1877 и 1878 гг.).

„Чтенія о Богочеловѣчествѣ“ (двѣнадцать статей въ Прав. Обозр. 1878—81 гг.).

„Историческія дѣла философіи“ („Русская Мысль“ 1881 г.).

„О духовной власти въ Россіи“ („Русь“, декабрь 1881).

„Великій споръ и христіанская политика“ (семь статей въ „Руси“ за 1883 г.).

„Государственная философія въ программѣ Министерства Нар. Просв.“ („Русь“, сент. 1885 г. подписана буквами П. Б. Д.).

„О Талмудѣ“ („Русская мысль“ 1886 г.).

„Очерки изъ исторіи русскаго сознанія“. („Вѣстникъ Европы“, май и іюнь 1889 г., не окончено).

„NB. Списокъ статей, составленный по памяти, не полонъ, намѣренно же исключены изъ него: 1) статьи, цѣликомъ или большею своею частью вошедшія въ книги и отдѣльныя брошюры; 2) мелкія статьи и замѣтки; 3) переводы; 4) стихотворенія.

Писали о моихъ сочиненіяхъ между прочимъ *К. Д. Кавелинъ* (отдѣльныя брошюры о моей магистерской диссертаціи); *Б. Н. Чичеринъ* (цѣлая книга подъ заглавіемъ: „Мистицизмъ въ наукѣ“, посвященная разбору моей докторской диссертаціи); *г. Оболенскій* (рядъ статей въ „Мысли“ 1881 г. съ подробнымъ изложеніемъ той-же диссертаціи); проф. *Владиславлевъ* (о магистерской диссертаціи въ Ж. М. Н. Пр.); *Страховъ* (тамъ-же); *И. С. Аксаковъ* (IV-ый томъ собр. соч.); проф. *А. А. Козловъ*; *Н. Я. Данилевскій* (Изв. Слав. Петерб. Общ. 1885 г.) и мн. др.

Письмо Анатолію Наркизовичу Обнинскому.

1.

Москва. Пречистенка, д. Лихутина. 8 іюля 1889.

Милостивый Государь
Анатолій Наркизовичъ!

Я уѣхалъ изъ Москвы 25-го апрѣля, слѣдовательно—за день или два до прибытія туда Вашего письма, которое мнѣ не было переслано, такъ какъ я странствовалъ далеко и долго по Восточной Россіи, откуда проѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сильно хворалъ. Итакъ, имѣю основанія расчитывать, что Вы извините мое долгое, но невольное молчаніе. Да и теперь я лишь въ весьма слабой степени могу удовлетворить Вашему желанію.

Спорные вопросы между Восточной и Западной церквами я изучалъ въ теченіе 8 лѣтъ по первымъ источникамъ, т. е. по актамъ соборовъ и по твореніямъ древнихъ церковныхъ писателей и учителей церкви — греческихъ и латинскихъ. Но увы! результаты моего изученія я могъ до сихъ поръ излагать только отрывочно и то, главнымъ образомъ, въ заграничныхъ изданіяхъ, трудно доступныхъ въ Россіи. А помимо этого, указать Вамъ во французской или русской литературѣ потребное сочиненіе, по совѣсти, не берусь, какъ не взялся бы даже умирающему отъ голода предложить хлѣбъ, въ которомъ замѣтно было бы присутствіе мышьяка.

Изъ своего же мало питательнаго, но свободнаго отъ всякой отравы, печенья могу Вамъ указать на двѣ вещи: 1) брошюру подъ

заглавіемъ: „Догматическое развитіе церкви въ связи съ вопросомъ о соединеніи церквей“ и 2) французскую только что вышедшую книгу: „La Russie et l'Eglise Universelle“. Русскую брошюру вышлю Вамъ самъ на этихъ дняхъ (послѣдній свой экземпляръ), первое изданіе разошлось довольно быстро, а второе было запрещено духовной цензурой,—но мнѣ эта брошюра не нужна, можете сохранить). Французская же книга хотя появилась въ Парижѣ 30-го мая, но я до сихъ поръ не могъ получить ни одного экземпляра и даже не знаю, какъ они ее издали (издатель Albert Savine, Nouvelle librairie parisienne).—Если могу еще чѣмъ нибудь служить, прошу обращаться по тому-же адресу, но при моей кочевой жизни не ручаюсь за *скорость* отвѣта.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
Влад. Соловьевъ.

Письма къ Л. З. Слонимскому.

1.

[1888.]

Сегодня пріѣхалъ, дорогой Людвигъ Зиновьевичъ!

Извѣстите, пожалуйста, съ посланнымъ, въ которомъ часу крестины. Для меня всѣ часы безразличны.

Преданный Вамъ
Влад. Соловьевъ.

2.

[1889.]

Поздравляю дорогого кума и куму съ Новымъ Годомъ и шлю крестникамъ со братіей круглое литературное произведеніе.

Влад. Соловьевъ.

P. S. А книжка „Вѣстника Европы“ задержана и что-то въ ней перепечатывается.

3.

I/IV. 1895.

Дорогой Людвигъ Зиновьевичъ, уѣзжаю не прощаясь, такъ какъ иначе рисковалъ бы вовсе не уѣхать. Прочелъ съ удовольствіемъ обѣ Ваши статьи.

Сердечно кланяюсь Вашимъ и посылаю крестнику яйцо.

До свиданія черезъ мѣсяцъ.

Вашъ Влад. Соловьевъ.

4.

10 іюля 1900 г.

Дорогой Людвигъ Зиновьевичъ!

Я по зрѣломъ обсужденіи рѣшилъ не торопиться съ заявленіемъ по китайскимъ дѣламъ, которое, какъ ты справедливо замѣтилъ, должно быть связано съ разсужденіями.

Вмѣсто дракона предлагаю для августовской книги чисто лирическое стихотвореніе, которое, полагаю, нѣтъ надобности посылать за границу.

По всей вѣроятности, я вернусь между 20-ымъ и 25-ымъ іюля, ибо дальше Калужской губерніи, какъ видно, не поѣду.

Итакъ, до скораго свиданія.

Твой Влад. Соловьевъ.

Письма къ Н. Ѳ. Ѳедорову[1]).

1.

(Середина 80-ыхъ годовъ).

Глубокоуважаемый Николай Ѳедоровичъ!

Прочелъ я Вашу рукопись съ жадностью и наслажденіемъ духа, посвятивъ этому чтенію всю ночь и часть утра, а въ слѣдующіе два дня, субботу и воскресенье, много думалъ о прочитанномъ.

„Проектъ“ Вашъ я принимаю *безусловно* и безъ всякихъ разговоровъ: поговорить же нужно не о самомъ проектѣ, а объ нѣкоторыхъ теоретическихъ его основаніяхъ или предположеніяхъ, а также и о первыхъ практическихъ шагахъ къ его осуществленію. Въ среду я завезу Вамъ рукопись въ музей, а въ концѣ недѣли нужно намъ сойтись какъ-нибудь вечеромъ. Я очень много имѣю Вамъ сказать. А пока скажу только одно, что со времени появленія христіанства Вашъ „проектъ“ есть первое движеніе впередъ человѣческаго духа по пути Христову. Я съ своей стороны могу только признать Васъ своимъ учителемъ и отцомъ духовнымъ. Но Ваша цѣль не въ томъ, чтобы дѣлать прозелитовъ, или основывать секту, а въ томъ, чтобы общимъ дѣломъ спасать все человѣчество, а для того прежде всего нужно, чтобы Вашъ проектъ сталъ общепризнаннымъ. Какія ближайшія средства могутъ къ этому повести—вотъ о чемъ, главнымъ образомъ, я хотѣлъ бы съ Вами поговорить при свиданіи.

Будьте здоровы, дорогой учитель и утѣшитель.

Сердечно Вамъ преданный

Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) Письма къ Ѳедорову были напечатаны въ книгѣ В. А. Кожевникова о Н. Ѳ. Ѳедоровѣ, вышедшей на правахъ рукописи въ Москвѣ въ 1908 г. *Прим. ред.*

2.

Дорогой и высокоуважаемый Николай Өедоровичъ!

Пріятель мой Цертелевъ еще въ маѣ уѣхалъ въ Петербургъ и до сихъ поръ не возвращался въ свою деревню, и когда вернется—не знаю; поэтому мнѣ и не приходится исполнить своего желанія повидаться съ Вами въ Керенскѣ (помимо кой-какихъ другихъ препятствій). Значитъ, увидимся въ Москвѣ, куда и я теперь собираюсь. Но до тѣхъ поръ хочется мнѣ поговорить съ Вами.

Дѣло воскресенія не только какъ процессъ, но и *по самой цѣли* своей есть нѣчто обусловленное. Простое физическое воскресеніе умершихъ само по себѣ не можетъ быть цѣлью. Воскресить людей въ томъ ихъ состояніи, въ какомъ они стремятся пожирать другъ друга, воскресить человѣчество на степени каннибализма было бы и невозможно, и совершенно нежелательно. Значитъ, цѣль не есть простое воскресеніе *личнаго состава* человѣчества, а возстановленіе его въ *должномъ видѣ*, именно въ такомъ состояніи, въ которомъ всѣ части его и отдѣльныя единицы не исключаютъ и не смѣняютъ, а напротивъ, сохраняютъ и восполняютъ другъ друга. Съ этимъ Вы, конечно, совершенно согласны: если *должный* видъ человѣчества (какимъ оно будетъ въ воскресеніи мертвыхъ и жизни будущаго вѣка) есть еще только желанный, а не дѣйствительный, то о дѣйствительномъ человѣчествѣ никакъ нельзя разсуждать по образу должнаго, потому что если должное человѣчество (въ которомъ Богъ есть все во всѣхъ), вполнѣ творитъ волю Отца, такъ что здѣсь въ человѣческихъ дѣйствіяхъ прямо и нераздѣльно дѣйствуетъ самъ Богъ, такъ что нѣтъ надобности ни въ какихъ особенныхъ дѣйствіяхъ Божіихъ, то совсѣмъ не то въ дѣйствительномъ человѣчествѣ, которое вовсе

не творитъ воли Отца и никакъ не есть прямое выраженіе и форма Божества; поскольку наши дѣйствія не соотвѣтствуютъ волѣ Божіей, постольку эта воля получаетъ для насъ свое собственное особенное дѣйствіе, которое для насъ является какъ нѣчто внѣшнее. Если бы человѣчество своей дѣятельностью покрывало Божество (какъ въ Вашей будущей психократіи), тогда дѣйствительно Бога не было бы видно за людьми; но теперь этого нѣтъ, мы не покрываемъ Бога, и потому Божественное дѣйствіе (благодать) выглядываетъ изъ-за нашей дѣйствительности и притомъ тѣмъ въ болѣе чуждыхъ (чудесныхъ) формахъ, чѣмъ менѣе мы сами соотвѣтствуемъ своему Богу. Если взрослый сынъ настолько внутренно солидаренъ съ любимымъ отцомъ, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ творитъ волю его, не нуждаясь ни въ какихъ внѣшнихъ указаніяхъ, то для ребенка по необходимости воля отца является до извѣстной степени внѣшнею силою и непонятной мудростью, отъ которой онъ требуетъ указаній и руководства. Всѣ мы пока дѣти и потому нуждаемся въ дѣтоводительствѣ внѣшней религіи. Слѣдовательно, въ положительной религіи и церкви мы имѣемъ не только начатокъ и прообразъ воскресенія и будущаго Царствія Божія, но и настоящій (практическій) путь и дѣйствительное средство къ этой цѣли. Поэтому наше дѣло и должно имѣть религіозный, а не научный характеръ, и опираться должно на вѣрующія массы, а не на разсуждающихъ интеллигентовъ. Вотъ Вамъ короткое оправданіе тѣхъ чувствъ, которыя я въ послѣднее время въ Москвѣ Вамъ высказывалъ.

До свиданія, дорогой учитель. Храни Васъ Богъ. Заботьтесь больше о своемъ физическомъ здоровьѣ, остального у Васъ въ преизбыткѣ. Собираете ли рукописи? Хорошо было бы приготовить къ осени въ литографію.

Истинно любящій Васъ и глубокоуважающій

Влад. Соловьевъ.

Письма къ А. Ѳ. Кони.

1.

[1889.]

Дорогой Анатолій Ѳедоровичъ!

Мои консультанты заявляютъ: нѣтъ здѣсь твердой канонической почвы, ибо положеніе русскаго раскола совсѣмъ особенное, и священникъ имѣетъ право считать живущихъ въ его приходѣ раскольниковъ своими заблудшими прихожанами, и въ такомъ случаѣ онъ обязанъ заботиться о духовномъ благѣ ихъ невинныхъ дѣтей, а въ какой формѣ и какой степени проявитъ онъ свою пастырскую ревность—это дѣло его совѣсти.

Я же, съ своей стороны, супротивъ этого обращаю Ваше вниманіе на слѣдующее соображеніе. А именно, на большомъ Московскомъ Соборѣ 1667 года *русская* церковь вернулась къ древнимъ постановленіямъ, по которымъ крещеніе, совершаемое всѣми *еретиками*, признающими существо догмата Св. Троицы (то есть три вѣчныя ѵпостаси въ единомъ Божествѣ, или божественномъ естествѣ, или сущности) и крестящими во имя Отца и Сына и Святого Духа,—такое крещеніе признается *дѣйствительнымъ*. Итакъ, нашъ священникъ по совѣсти не могъ считать въ опасности духовное благо этого младенца, поскольку оно зависитъ отъ крещенія; онъ зналъ, что его окрестятъ *дѣйствительнымъ*, хотя и неправильно обставленнымъ крещеніемъ. Слѣдовательно, *совѣсть* никакъ не могла побуждать ревностнаго пастыря вторгаться къ своей паршивой овцѣ, и насильственное крещеніе было здѣсь не

столько священнодѣйствіемъ, сколько священнонеистовствомъ, происходившимъ отъ ревности не только не по разуму, но и не по совѣсти [1]).

До завтра.

Вашъ душевно преданный

Влад. Соловьевъ.

---

[1]) Письмо это относится къ дѣлу о крестьянинѣ Аникинѣ, разсмотрѣнному Сенатомъ въ 1899 г.—Аникинъ обвинялся въ томъ, что, будучи раскольникомъ и не желая допустить явившагося къ нему въ избу, по собственному почину, въ сопровожденіи полицейскаго сотскаго и четырехъ понятыхъ, священника Іоанна Авраамова—окрестить насильно его внука по православному обряду, всячески препятствовалъ совершенію таковаго, хватая священника за рясу, прерывая молитву и толкая его при налитіи воды въ кадку, замѣнявшую купель, каковое преступленіе предусмотрѣно по мнѣнію казанской Судебной Палаты 2 ч. 211 ст. уложенія о наказаніяхъ.—Разсказъ мой объ этомъ дѣлѣ заинтересовалъ Владиміра Сергѣевича, и онъ возвратилъ мнѣ печатную записку съ вышеприведеннымъ письмомъ. Я вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе, Сенатъ согласился со мною, и приговоръ былъ кассированъ.

Прим. А. Ѳ. Кони.

2.

Вы—стадо барановъ! Печально...
Но вотъ что гораздо больнѣй:
На стадо барановъ—нахально
Набросилось стадо свиней!.. [1])

---

[1]) Когда въ 1895 г. министромъ юстиціи Муравьевымъ въ комиссіи по судебному преобразованію былъ поднятъ вопросъ о самомъ существованіи суда присяжныхъ и для статей противъ этой формы суда были гостепріимно открыты страницы „Журнала Министерства Юстиціи“, а нѣкоторые противники суда присяжныхъ стали называть послѣднихъ „стадомъ барановъ“, Соловьевъ, однажды за обѣдомъ у М. М. Стасюлевича, написалъ на клочкѣ бумаги и далъ мнѣ настоящее четверостишіе.

Прим. А. Ѳ. Кони.

3.

Сердечно уважаемому и дорогому А. Ѳ. Кони—искуснѣйшему вызывателю добрыхъ тѣней отъ Влад. Соловьева. [1])

4 [2]).

Глубокоуважаемому Анатолію Ѳедоровичу Кони отъ Влад. Соловьева съ просьбою, если будетъ досугъ, прочесть и въ своемъ качествѣ опытнаго, проницательнаго и тонкаго юриста-психолога—опредѣлить степень довѣрія, внушаемаго этими свидѣтельскими показаніями.

---

[1]) Надпись на экземлярѣ перваго изданія „Оправданія добра", подаренномъ мнѣ Соловьевымъ.

Прим. А. Ѳ. Кони.

[2]) Надпись на обложкѣ сочиненія Э. Гернея, Ф. Майерса и Ф. Подмора: „Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія", изданнаго въ сокращенномъ переводѣ подъ редакціей и съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева и полученнаго мною 1-го іюня 1893 г.

Прим. А. Ѳ. Кони.

Шуточныя стихотворенія.

1.

ПРОРОКЪ БУДУЩАГО.

Угнетаемый насиліемъ
Черни дикой и тупой,
Онъ питался сухожиліемъ
И яичной скорлупой.

Изъ кулей рогожныхъ мантію
Онъ себѣ соорудилъ,
И всецѣло въ некромантію
Умъ и сердце погрузилъ.

Со стихіями надзвѣздными
Онъ въ сношеніе вступалъ,
Проводилъ онъ дни надъ безднами
И въ болотахъ ночевалъ.

А когда порой въ селеніе
Онъ задумчиво входилъ,
Всѣхъ собакъ въ недоумѣніе
Образъ дивный приводилъ.

*

Но органами правительства
Бывъ безъ вида обрѣтенъ,
Тотчасъ онъ на мѣсто жительства
По этапу водворенъ.[1]

Князь Эсперъ Геліотроповъ.[2]

„Новое Время“, 1886 г., № 3582.

---

[1]) Не скрою отъ читателя, что цѣль моего „Пророка“—восполнить или, такъ сказать, завершить соотвѣтствующія стихотворенія Пушкина и Лермонтова. Пушкинъ представляетъ намъ пророка чисто-библійскаго, пророка временъ давно минувшихъ, когда съ одной стороны прилетали серафимы, а съ другой стороны анатомія, находясь въ младенчествѣ, не препятствовала вырывать у человѣка языкъ и сердце и замѣнять ихъ змѣинымъ жаломъ и горячимъ углемъ, причиняя этимъ паціенту лишь краткій обморокъ. Пророкъ Лермонтова, напротивъ, есть пророкъ настоящаго, носитель гражданской скорби, протестующій противъ нравственнаго упадка общественной среды и ею натурально изгоняемый. Согласно духу современности въ стихотвореніи Лермонтова нѣтъ почти ничего сверхъестественнаго, ибо хотя и упомянуто, что въ пустынѣ пророка слушали звѣзды, но отнюдь не говорится, чтобы онѣ отвѣчали ему членораздѣльными звуками. Мой пророкъ, наконецъ, есть пророкъ будущаго (которое можетъ быть уже становится настоящимъ); въ немъ противорѣчіе съ окружающею общественной средой доходитъ до полной несоизмѣримости. Впрочемъ, я прямо продолжаю Лермонтова, какъ и онъ продолжалъ Пушкина. Но такъ какъ въ правильномъ развитіи всякаго сюжета третій моментъ всегда заключаетъ въ себѣ нѣкоторое соединеніе или синтезъ двухъ предшествовавшихъ, то читатель не удивится, найдя въ моемъ, третьемъ пророкѣ мистическій характеръ, импонирующій намъ въ пророкѣ Пушкина, въ сочетаніи съ живыми чертами современности, привлекающими насъ въ пророкѣ Лермонтова. Но пусть дѣло говоритъ за себя.

Прим. Вл. Соловьева.

[2]) О псевдонимѣ „Геліотроповъ“ см. стр. 40. *Прим ред.*

2.

СКЕПТИКЪ.

И вечеромъ, и утромъ рано,
И днемъ, и полночью глухой,
Въ жару, въ морозъ, средь урагана—
Я все качаю головой!
То потупляю взоръ свой въ землю,
То съ неба не свожу очей,
То шелесту деревьевъ внемлю,—
Гадаю о судьбѣ своей.
Какую мнѣ избрать дорогу?
Кого любить, чего искать?
Идти ли въ храмъ—молиться Богу,
Иль въ лѣсъ—прохожихъ убивать?

Князь Э. Геліотроповъ.

„Новое Время“, 1886 г., № 3601.

3.

ВИДѢНІЕ.

[Сочинено въ состояніи натуральнаго гипноза.]

По небу полуночи лодка плыветъ,
А въ лодкѣ младенецъ кричитъ и зоветъ.
— Младенецъ, младенецъ, куда ты плывешь?
О чемъ ты тоскуешь? Кого ты зовешь?
Напрасно, напрасно! Никто не придетъ...
А лодка, качаясь, все дальше плыветъ,
И звѣзды мигаютъ, и мѣсяцъ большой
Съ улыбкою странной бѣжитъ за ладьей...
А тучи въ лохмотьяхъ томятся кругомъ...
Боюсь я, не кончится это добромъ!

Князь Геліотроповъ.

„Новое Время“, 1886 г., № 3601.

4.

ПРИЗНАНІЕ ДАМѢ, СПРАШИВАВШЕЙ АВТОРА, ОТЧЕГО ЕМУ ЖАРКО.

[Изъ Гафиза, подражаніе Лермонтову.]

Мнѣ жарко потому, что я тебя люблю!
Хоть знаю, что въ конецъ себя я погублю,
Но тѣмъ не менѣе какъ свѣчка я горю.
Какъ свѣчка я горю и таю какъ она!
А ты? Ты въ ледяной покровъ облечена,
Какъ льдина горная губительно-ясна,
Не внемлешь ты отчаянной мольбѣ...
Мнѣ жарко потому, что холодно тебѣ!

Князь Геліотроповъ.

„Новое Время", 1886 г., № 3601.

5.

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОНОМАРЬ.

Баллада.

Двѣнадцать лѣтъ графъ Адальбертъ фонъ-Крани
Вѣстей не шлетъ;
Быть можетъ, трупъ его на полѣ брани
Уже гніетъ?...
Графиня Юлія тоскуетъ въ божьемъ храмѣ,
Какъ тѣнь блѣдна;
Но вдругъ взглянула грустными очами—
И смущена.
Кругомъ весь храмъ въ лучахъ зари пылаетъ,
Блеститъ алтарь;
Священникъ тихо мессу совершаетъ,
Съ нимъ пономарь.
Графини взглядъ весьма обезпокоенъ
Пономаремъ:
Онъ такъ хорошъ, и станъ его такъ строенъ
Подъ стихаремъ...
Обѣдня кончена, и панихида спѣта;
Они—вдвоемъ,
И ихъ уноситъ графская карета
Къ графинѣ въ домъ.
Вошли. Онъ мраченъ, не промолвитъ слова.
Къ нему она:

„Скажи, зачѣмъ ты такъ глядишь сурово?
Я смущена...
Я женщина безъ разума и воли,
А врагъ силенъ...
Графъ Адальбертъ ужъ не вернется болѣ..."
— „Верррнулся онъ!
Онъ беззаконной отомститъ супругѣ!"—
Долой стихарь!
Предъ нею рыцарь въ шлемѣ и кольчугѣ,—
Не пономарь.
„Узнай, я графъ,—графъ Адальбертъ фонъ-Крани;
Чтобъ испытать
Вѣрна-ль ты мнѣ, бѣжалъ я съ поля брани—
Верстъ тысячъ пять..."
Она: „ахъ, милый, какъ ты измѣнился
Въ двѣнадцать лѣтъ!
Зачѣмъ, зачѣмъ ты раньше не открылся?"
Онъ ей въ отвѣтъ:
„Молчи! Служить я обреченъ безъ срока
Въ пономаряхъ..."
Сказалъ. Исчезъ. Потрясена глубоко,
Она въ слезахъ...
Прошли года. Графъ въ храмѣ честно служитъ
Два раза въ день;
Графиня Юлія все по супругѣ тужитъ,
Блѣдна какъ тѣнь,—
Но не о томъ, что сгибъ онъ въ полѣ брани,
А лишь о томъ,
Что сдѣлался графъ Адальбертъ фонъ-Крани
Пономаремъ.

Князь Э. Геліотроповъ.

„Новое Время", 1886 г., № 3608.

6.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА РЫЦАРЯ РАЛЬФА.

Полубаллада.

Рыцарь Ральфъ, женой своею
Опозоренный, на шею
Навязалъ себѣ блѣднѣя
    Шарфъ большой
И изъ жениной уборной,
Взявъ подъ мышку зонтикъ черный,
Устремился онъ проворно
    Въ лѣсъ глухой.
Вѣтеръ дулъ, уныло воя;
Зонтъ раскрывъ надъ головою,
Неизвѣстною тропою
    Рыцарь шелъ.
Сучья голые чернѣли,
Листья желтые летѣли,
Рыцарь Ральфъ шелъ еле-еле,
Рыцарь Ральфъ въ душѣ и тѣлѣ
    Ощущалъ ознобъ.
Ревматическія боли
Побѣждаютъ силу воли,
И, пройдя версту иль болѣ,
    Рыцарь молвилъ: „стопъ“.
Повернулъ назадъ и скоро,
Выйдя изъ глухого бора,
Очутился у забора

Замка своего.
Обезсиленъ, безоруженъ,
Весь промоченъ и простуженъ,
Рыцарь молча сѣлъ за ужинъ,
Съ нимъ жена его.
„Рыцарь Ральфъ!“ –она сказала,—
„Я Васъ нонче не узнала,
Я такого не видала
Шарфа никогда.“
— „Этотъ шарфъ былъ очень нуженъ“,—
Молвилъ рыцарь Ральфъ сконфуженъ,—
„Безъ него-бъ я былъ простуженъ
Разъ и навсегда.“

Князь Геліотроповъ.

„Новое Время“, 1886 г., № 3608.

7.

ПОЛИГАМЪ И ПЧЕЛЫ.

БАСНЯ.

Въ одной странѣ помѣщикъ-полигамъ
Имѣлъ пятнадцать женъ, которыя ужасно
Другъ съ другомъ ссорились и поднимали гамъ.
Всѣ средства онъ употреблялъ напрасно,
Чтобъ въ разумъ ихъ привесть, но наконецъ прекрасный
Вдругъ способъ изобрѣлъ.
Взявъ пчельника Антипа,
Онъ въ садъ его привелъ
И говоритъ: „Вотъ липа!
И не одна: здѣсь много липъ!
Вонъ розанъ тамъ разцвѣлъ,
А тутъ, гляди Антипъ!
Сколь много сладостныхъ жасминовъ и сирени!
Сбирать свой медъ безъ всякихъ затрудненій
Здѣсь пчелы, думаю, могли-бъ.
Итакъ, Антипъ, скажу я толкомъ:
Я буду чрезвычайно радъ
Когда внушишь своимъ ты пчелкамъ,
Чтобы онѣ въ прекрасный этотъ садъ
За взятками съ цвѣтовъ летѣли.“
Антипъ отъ старости ходилъ ужъ еле-еле,
Но все-таки на пчельникъ поспѣшилъ
(Хоть пчельникъ самъ, на пчельникѣ онъ жилъ)
И пчеламъ тамъ не безъ труда внушилъ
Помѣщика прекрасную идею;

А тотъ немедленно лакею
Велѣлъ весь медъ собрать
И, разложивъ въ пятнадцать чашъ, подать
Своимъ пятнадцати супругамъ,
Которыя въ тотъ день чуть не дрались другъ съ другомъ.
Нашъ Полигамъ мечталъ, что медъ,
Быть можетъ, ссоры ихъ уйметъ.
Но жены хоть не бросили ругаться,
Однако же отъ меду отказаться
Изъ нихъ не захотѣла ни одна.

Мораль же басни сей хоть не совсѣмъ ясна,
Но можетъ быть читатель, въ часъ досуга
Прочтя ее, постигнетъ вдругъ,
Что для него одна супруга,
Пріятнѣй множества супругъ.

Князь Э. Геліотроповъ.

„Новое Время", 1886 г., № 3608.

8.

ЧИТАТЕЛЬНИЦА И АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ.

Она ходила вдоль по саду
Среди піоновъ и лилей
Уму и сердцу на усладу,
Иль на показъ всего скорѣй.
Она въ рукахъ держала книжку
И перевертывала листъ,
На шеѣ жъ грязную манишку
Имѣла. Мрачный нигилистъ,
Сидѣвшій тутъ же на скамейкѣ
И возмущенный всѣмъ, что зрѣлъ,
Сказалъ садовнику: „полей-ка
Анютинъ глазъ, чтобъ онъ созрѣлъ“.

9.

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСѢТИТЕЛЬ.

Поздно ночью раненый
Онъ вернулся, и
Семь кусковъ баранины
Скушалъ до зари.
На разсвѣтѣ тяжкую
Рану онъ обмылъ,
Медленно фуражкою
Голову покрылъ,
Выйдя осмотрительно,
Онъ въ кибитку влѣзъ,
И затѣмъ стремительно
Вмѣстѣ съ ней исчезъ.

СОДЕРЖАНІЕ.